

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 1

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 1

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENIKOVA**
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Цветков Ю. Л. Эксплицитный и имплицитный наррататор в романе Кристиана Крахта «Империя»	82
ЯЗЫКОЗНАНИЕ			
Климкова Л. А. Категория рода в неофициальной антропимии	8	Горелов О. С. Сюрреалистический тезаурус в поэзии В. Кондратьева: логика и способы объективации сюрреалистического высказывания.	89
Миловская Н. Д., Яценко А. С. Лингвистические средства высмеивания гендерных стереотипов в юморе немецкого этноса	15	Захаров Э. В. П. Н. Рыбников: между западничеством и славянофильством (по материалам архива Ю. Ф. Самарина).	97
Минеева З. И. Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина	22	Отливанчик А. В. Ф. М. Достоевский – анонимный фельетонист журнала «Гражданин» в 1873–1879 годах: по материалам неизданной статьи Л. П. Гроссмана	106
Выровцева Е. В., Щеглова Е. А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе.	31	Рецензии	
Новак И. П. Коллекция тверских карельских диалектных материалов в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН	41	Лызлова А. С. Рец. на кн.: Сказки Евдокии Никитичны Трясциной	115
Гусева Н. К. Основные и дополнительные средства социальной категоризации адресата в побудительных высказываниях русского языка	52	Научная информация	
Осипова Н. Д. Отонимные прецедентные наименования конфет в лингвосемиотическом аспекте	60	Шарапенкова Н. Г. Андрей Белый в изменяющемся мире	117
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ			
Грицевская И. М. Иерусалимский устав XVI века из Муезерского монастыря	68	Шарытина Т. А., Меньщикова М. К. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации	119
Петров А. В., Колесникова О. Ю. Баллады И. И. Дмитриева: жанровые стратегии и тактики	74	Иванова Т. В. К 200-летию А. А. Фета: Фауст в русской и мировой литературе	122
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 29.01.2021. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 2

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

От редакции

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор

Н. В. Патроева

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

2021 год объявлен указом президента России Годом науки и технологий, поэтому хотелось бы пожелать всем представителям российского научного сообщества новых творческих свершений и открытий. В Карелии этот год объявлен главой нашей республики еще и Годом карельских рун – хранителей старинных традиций духовной культуры народа. Новый год подарит много юбилейных дат, которые наш журнал, конечно же, не обойдет своим вниманием. Например, ноябрь, отмеченный юбилейными датами Ф. М. Достоевского и В. И. Даля, – особый месяц для профессорско-преподавательского состава кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, работы которой, посвященные русской прозе XIX столетия, издания рукописей и полных собраний сочинений Даля и Достоевского, широко известны в России и за рубежом. Завершится год празднованием 200-летия со дня рождения Н. А. Некрасова, изучению творчества которого посвятил свою жизнь глава Петрозаводской школы литературоведов середины – второй половины прошлого столетия М. М. Гин. 2021 год отмечен также юбилеями русских лингвистов и литературоведов с мировым именем: 310-летием М. В. Ломоносова, 240-летием А. Х. Востокова, 130-летием Е. Д. Поливанова, 125-летием Р. О. Якобсона. Для петрозаводских филологов этот год станет временем проведения новых международных и всероссийских научных форумов.

В первом номере журнала можно найти статьи самой разнообразной тематики, которые, верим, окажутся интересными и актуальными для широкого круга специалистов в области филологии, смежных гуманитарных наук. Так, в разделе «Языкознание» представлены статьи, посвященные различным типам прямых и переносных номинаций и лексико-семантических групп, морфологии антропонимов, функциональному синтаксису предложения, гендерной лингвистике, приему языковой игры, архивным записям диалектной речи. Раздел «Литературоведение» открывает статья о Иерусалимском Уставе XVI столетия из хранилища Муезерского монастыря. Далее читатель может познакомиться с жанровыми особенностями баллад И. И. Дмитриева и нарративными тактиками, используемыми современным швейцарским писателем К. Крахтом, а также сюрреалистической поэтикой стихотворных произведений В. Кондратьева. Завершают литературоведческие штудии этого номера статьи, посвященные известному русскому собирателю и издателю фольклора П. Н. Рыбникову (по материалам архива Ю. П. Самарина) и Ф. М. Достоевскому – фельетонисту.

Поздравляем всех наших авторов и читателей с Новым, 2021 годом, желаем творческих успехов и счастья!

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КЛИМКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0217-164X; dialekt_arz@mail.ru

КАТЕГОРИЯ РОДА В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ

А н н о т а ц и я . Напомнив на основе классических трудов отечественных лингвистов о характере категории рода имен существительных как несловоизменительной, лексико-грамматической, автор сосредоточил внимание на рассмотрении ее реализации в лично-индивидуальных прозвищах (прежде всего с финалями *-а/-я*) как части микроантропонимического пространства, в том числе через соотношение лексико-грамматических разрядов *апеллятивность – проприальность, одушевленность – неодушевленность*. На материале прозвищных номинант микросистем Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья с применением описательного, структурно-семантического, компонентного, сопоставительного и некоторых других интерпретационных методов продемонстрированы факты иной семантизации этой категории по сравнению с апеллятивным пространством. Здесь, в силу актуализованной идентификации, несоответствие грамматических показателей рода имени и пола лица является средством характеристики, создания и выражения повышенной коннотативности единиц. Автором предлагается своеобразная детализация прозвищ по признаку рода и делаются выводы о семантико-грамматическом характере и проявлении категории рода в области прозвищной номинации; о продуктивности в ней лексико-семантического способа деривации (антропонимизации, трансонимизации) в сопровождении ассоциативности, трансформации, наряду с морфологическим способом; о действенности наблюдений и обобщений, содержащихся в классических лингвистических трудах. Предложенная дифференциация прозвищ относительно их квалификации по роду может быть учтена при лексикографической разработке неофициальных антропонимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : микроантропонимия, прозвище, грамматический род, пол лица, одушевленность – неодушевленность, апеллятивность, лексико-семантический способ деривации, антропонимизация, коннотативность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Климкова Л. А. Категория рода в неофициальной антропонимии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.562

ВВЕДЕНИЕ

Категория рода является одной из характерных в русском языке, охватывающей слова склоняемые (имена) и, частично, спрягаемые (отдельные грамматические формы глагола – прошедшего времени изъявительного наклонения, сослагательного наклонения). Для имен существительных она предстает наиболее характерной, специфической, в отличие от согласуемых слов (адъективов) является не чисто грамматической, а лексико-грамматической, поскольку ее суть выражается, раскрывается на уровне сопоставления не форм слов, а отдельных слов при отсутствии внутрисловной парадигмы и изменяемости субстантивов по родам. Это

«несловоизменительная синтагматически выявляемая морфологическая категория, выражающаяся в спо-

собности существительного в формах ед. ч. относиться избирательно к родовым формам согласуемой (в сказуемом – координируемой) с ним словоформы <...>» [7: 465].

Реализация категории рода субстантивов связана с лексико-грамматическими разрядами одушевленности – неодушевленности, а также апеллятивности (нарицательности) – проприальности.

О характеристике категории рода в целом, взаимоотношении родовых классов (разрядов) в апеллятивном пространстве русского языка существует объемная классическая и современная научная литература. Детально, с обращением к грамматической традиции, к разновременным трудам исследователей, причем не только отечественных, рассмотрена категория рода

в работах В. В. Виноградова. Им высказан ряд значимых положений, например:

«Категория рода имен существительных, представляя собой во многих отношениях палеонтологическое отложение отживших языковых идеологий, однако не является в современном русском языке только техническим шаблоном “оформления” существительных. Она еще знаменательна»; «<...> в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола <...>. В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее»; «<...> грамматическая форма рода может быть источником тонких семантических эффектов»; «<...> категория рода и теперь оказывает влияние на семантическую судьбу слова. Прежде всего при отнесении или применении слова к лицу, при персонализации имени **остро сказывается несоответствие рода и пола** (выделено нами. – Л. К.)» [2: 57–58, 59] и др. (ср.: [3: 106–111], [4: 317–322], [7: 465–471]).

В ракурсе воспроизведенных идей вполне объяснимо пристальное внимание исследователя к родовой характеристике несклоняемых имен, а также существительных на *-а/-я*, среди которых на фоне имен женского рода он различал единицы мужского рода (малочисленный и непродуктивный разряд слов, типа *воевода*, *вельможа*, *владыка* и некоторые другие) и общего (многочисленный разряд, включающий имена-характеристики, обладающие резкой экспрессивностью, типа *гуляка*, *кутила*, *разиня*, *непоседа* и др.) (см.: [2: 52–72]). Относительно второго разряда слов общего рода исследователь приводит мнение К. С. Аксакова о том, что «они являются собственно не названиями лиц, а их характеристиками, их прозвищами (за немногими исключениями)» [2: 67].

* * *

Наш интерес к известной научной информации о категории рода, пристальное внимание к определенным теоретическим положениям являются не случайными, а обусловлены обращением к онимии, возможностью / невозможностью проецирования их в той или иной степени на антропонимическое пространство. Лексико-графическая обработка региональной неофициальной антропонимии, микроантропонимии, в частности прозвищ, с целью составления соответствующего словаря [5] выявила своеобразие категории рода в этой области, отдельных ее разрядов, классов слов, а оформление грамматической зоны словарных статей вызвало определенные трудности в родовой характеристике единиц. Не случайно составители некоторых словарей подобного типа избегают обозначать род единиц, или родовая квалификация присваивается им произвольно (перечень словарей прозвищ дан в [5]). Прежде всего это касается определе-

ния родовой принадлежности имен на *-а/-я*, обозначающих лиц мужского пола, типа: *Гуленька* (Виноградовка Арз.), *Борода* (Яново Серг.), *Дуга* (Лопатино Лук.), *Бизя* (Первомайск), *Кукуруза* (Хрипуново Ард.), *Авоська* (Новый Усад Арз.), *Душа* (Тёша Нав.), *Дуняша* (Яново Серг.), *Утка* (Ореховец Див.) и под.¹

Конечно, можно пойти по простому, чисто семантическому пути: род определять по соотношению с полом обозначаемого лица: прозвища мужчин – только мужского рода, прозвища женщин – только женского. Однако этому противоречат, препятствуют факты функционирования в исконной среде обитания, а также языковое (о)сознание диалектоносителя и собирателя-интерпретатора.

Можно было бы в рассматриваемом случае давать двойную помету *м.-ж.* (ср., напр.: [1]). Однако каждая единица, каждое зафиксированное прозвище из серии лично-индивидуальных в данной, отдельной микросистеме называют определенное, конкретное лицо того или иного пола (предельная идентификация), поэтому двойная помета, двойная родовая квалификация вряд ли приемлема, неуместна, даже если аналогичное прозвище в этой или иной микросистеме называет лицо другого пола. (Здесь, правда, возможна двоякая синтагматика, см. об этом ниже.)

Исходя из высказанных соображений, на основе нашего фактического материала – прозвищной номинации в микросистемах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья мы предлагаем ряд позиций в области родовой квалификации единиц на *-а/-я*. Так, к мужскому роду относятся прозвища лиц мужского пола, образованные:

– лексико-семантическим способом, онимизацией, антропонимизацией апеллятивов общего рода, причем всех типов (см. о них: [2: 68–71]), например:

Дылда (Шатовка Арз.), *Балда́* (Дивеево, Юморга Пильн.), *Кулёма* (Княжиха Пильн., Ильинское Поч.), *Кули́ша* (Новый Мир Вад.), *Куляда́* (Суморьево Воз.), *Коря́ка* (Бебяево Арз., Малый Макателем Перв.), *Куті́ла* (Тёша Нав.), *Куті́лка* (Починки Шатк.), *Лабуда́* (Круглово, Мухтолово Ард.), *Куря́ка* (Виля Выкс.), *Бя́ка* (Пешелань Арз.), *Контра́* (Кудеярово Лук., Кавлей Ард.), *Бары́га* (Мотовилово Арз., Большие Бакалды Бут.), *Барма́* (Мухтолово Ард., Кирилловка Арз.) и др.

Сюда же входят и модификаты персонимов общего рода типа *Саша*, *Саня*, *Шура*, *Валя*, *Сима* и производные от них, например: *Сашуня*, *Санятка*, *Валюня*, *Лёкса*, *Шурынка* и др. (в отличие от *Миша*, *Мишаня*, *Сергея*, *Сергуня*, *Андрюшка* и т. д., которые только мужского рода, сохраняя его и при использовании для прозывания лиц женского пола, см. об этом ниже);

– антропонимизацией апеллятивов мужского рода со значением лица только мужского пола, в том числе в сопровождении трансформации, модификации звукового облика и/или структуры исходной базы (слова):

Бáтьюшка (Пушкарка Арз.), *Бáтя* (Курилово Д.-Конст.), *Бáтяня* (Большое Туманово Арз.), *Брáтка* (Наталино Нав.), *Брáтуха* (Новое Шатк.), *Брáтынька* (Ковакса Арз.), *Бья́тка* – *братка* (Новый Усад Арз.), *Бья́тонька* (Заречное Арз.), *Бáлятынька* (Ветошкино Арз.), *Кля́тынька* (Замятино Арз.) (последние три единицы от *братынька*) и др.;

– трансантропонимизацией мужского персонажа при изменении звукового облика и/или структуры единицы: *Бо́ха* – Боря (Берешино Перв.), *Коё́дя*, *Коё́да* – Володя (Красный Бор Шатк.), *Лё́ся* – Алёша (Бахтызино Воз.) и др.;

– морфологическим способом от персонимов мужского рода и/или их трансформацией (на базе той или иной ассоциации):

Димага́ – Дима (Малая Мажарка Кр.-Окт.), *Бо́ба* – Борька (Новый Усад Спас.), *Бо́ба* – Вовка (Суворово Див.), *Балё́ня* – Лёня (Кумыш Пильн.). *Вместо Бабушкин Лёня говорил Балёня* (Семеново Арз.), Болёня – Большой Лёня. Было два Лёни, Большой и Маленький. Вот Большова Лёню Болёней стали звать, чтоб покороче было (Звягино Казак. Вач.), *Басáня*. В школу он ходил очень редко. И вот когда придёт, все учителя говорили: «Б-а-а! Саня!» Так и стали звать Басаня. А потом Боня, сокращенно от Басаня (Мерлино Арз.), *Бакóля* (Ильинское Поч.), *Коля́я* (Мурзицы Сеч.), *Коля́га* (Маресево Кр.-Окт.), *Коля́ка* (Борнуково Бут.), *Коля́ся* (Лихачи Див.), *Сикóля* (Ковакса Арз.) – все от Коля, *Кóденька* (Семеново Арз.), *Кóтенька* (Ильинское Поч.) – оба от Коленька; а также др.;

– морфологическим способом от фамилий лиц мужского пола: *Ку́кня́* (Мотызлей Воз.), *Ку́куня́* (Пожарки Серг.), *Ку́куля́* (Круглово Ард.) – Кукушкин; *Синéлька* – Синельников (Суворово Див.) и др.;

– своеобразной редеривацией (или десуффиксацией) при возможной ассоциативности на базе фамилий мужского рода:

Аду́шка – Адушкин (Лопатино Лук.), *Ку́йка* – Куикин (Каменка Арз.), *Ловы́га* – Ловыгин (Новый Усад Спас.), *Банду́ра* – Бандурин (Шатки), *Го́зя* – Гозин (Кошкаррово Серг.), *Бату́ря* – Батурин (Лопатино Лук.), *Каду́шка* – Кадушкин (Красный Бор Шатк.) и др.

При этом то или иное прозвище имеет и вид персонажа, полного или модифицированного (модификата):

Аме́ля – Амелин, здесь возможно действие ассоциации с Емеля (Пешелань Арз.), *Ани́ка* – Аникин (Мотовилово Арз.), *Афо́ня* – Афонин (Пильна), *Ку́зяха* – Кузин (Илёв Воз.), *Ку́зя* – Кузин (Семеново Арз.), Кузьмин (Великий Враг Шатк.), Кузьмичов (Можаров Майдан Пильн.), Кузьминов (Чернуха Арз.), Кузнецов (Ковакса Арз.).

Такая квалификация рода остается и при ассоциации с недифференцированными по полу названиями живых существ, не-лиц: *Антило́па* – Ампилов (Лукоянов);

– морфологическим способом, суффиксацией, в том числе нулевой, от основ слов разных частей речи, тем более от имен мужского рода:

Бандю́га – бандит (Новый Усад Арз.), *Барáша* – баран (Б. Туманово Арз.), *Клопа́ша* – клоп (Сонино Нав.), *Со́ля* – соль (Лихачи Див.), *Аре́жа* – зарежу; здесь и трансформация облика исходного слова (Замятино Арз.), *Мазу́ла* (Б. Туманово Арз.), *Мазу́лка* (Б. Печерки Шатк.) – от мазать, *Ре́бушка* – ребой, ребая (Пергалеи Бут.), *Сокня́шка* – сотня (Ветошкино Арз.), *Содо́нька* – в карты всё просаживал (Мотовилово Арз.), *Лузга́* – он говорит быстро, тараторит, как лузгат семечки (Новый Усад Арз.); *Баку́ля* (Туртапки Ард.), *Баку́лька* – бакулить (Выползово Ард.), *Балаку́ша* – балакать (Курилово Д.-Конст.), *Бахо́ря* – бахорить (Успенское Арз.), *Боро́на* – боронить (Высоково Ард.), *Баландá* – баландить (Ковакса Арз.), *Балабо́шка* (Салганы Кр.-Окт.), *Балабо́шка* (Никольское Арз.), *Балабо́ла* (Пильна), *Балабо́лка* (Андросово Гаг., Архангельское Шатк.) – от балаболить; и др.

Все приведенные и подобные девербативы, образованные в том числе от глаголов говорения, со значением ‘много и попусту говорить’, ‘болтать’, ‘врать’, могут характеризовать лиц обоих полов, входя тем самым в класс имен общего рода;

– лексико-семантическим способом от одушевленных апеллятивов женского рода, называющих живые существа без дифференциации по полу; антропонимизируясь, входя в другой лексико-грамматический разряд, такие единицы в силу возникшей, актуализованной идентификации лица, в том числе гендерной, получают способность такой дифференциации, приближаясь, по большому счету, к существительным общего рода, таковы:

Блоха (Ключево Серг.), *Акула* (Ульяново Лук.), *Галка* (Зеленые Горы Вад.), *Крыса* (Никулино Лук.), *Анда́тра* (Новоселки Воз.), *Синичка* (Лопатино Вад.), *Сова* (Лопатино Вад.), *Лягушка* (Мотызлей Воз.), *Жаба* (Лихачи Див.) и др.;

– лексико-семантическим способом, антропонимизацией как одушевленных, так и неодушевленных апеллятивов с трансформацией их внешнего облика, значительно обособляющей номинанту, отделяющей прозвище от исходного слова, например:

Аки́ш – лапша (Княжиха Пильн.), *Куну́йна* – кувшин (Елховка Вад.), *Лакомо́нька* – молоко (Пологовка Арз.), *Ко́вва* – корова (Красное Сеч.), *Бе́ня* – баня (Тилинино Перев.), *Ляба́ка* – собака (Бахтызино Воз.), *Кы́на* – кино (Мотызлей Воз.) и др.;

– лексико-семантическим способом от апеллятивов женского рода путем переноса по принципу синекдохи с части на целое: с части человеческого тела на всего человека, мужчину, типа:

Башка – башка. *Башка пришёл и сидит* (Сарминский Майдан Воз.), *У неё башка здорова какá-то. Да и сам Башка-то здоровый* (Тёплов Кул.), **Голова**. *Славку зовём Голова: у него голова большá да умна* (Большое Туманово Арз.), **Борода** (Яново Серг., Верякуши Див., Андросово Гаг.), **Ляга**. *Что-то с лягами связано; ляги – эт ноги* (Красный Бор Шатк.), **Лапка** – лапка, лапа ‘нога’. *Косолапай он. Ево и зовут Лапка. Лапка косолапай* (Мотызлей Воз.) и др.

К разряду прозвищ мужского рода относятся непроеизводные слова (с неясной, утраченной мотивацией и производностью), например:

Бёнда (Смагино Бут.), **Куишка** (Шатки), **Кулáня** (Натальино Нав.), **Кúна** (Берешино Перв.), **Кúрна** (Четвертово Ард.), **Кутýра** (Салганы Кр.-Окт.), **Кушлá** (Поляна Перев.), **Лёда** (Шершево Перев.), **Лёма** (Ичалки Перев.), **Ляба** (Яново Серг.), **Лятя** (Бутаково Воз.), **Мазёка** (Лопатино Вад.) и др.

В диапазоне всей названной региональной макросистемы прозвища этой группы, по всей вероятности, могут называть и лиц женского пола, приближаясь к разряду слов общего рода или являясь ими.

Относительно некоторых случаев целесообразно, думается, квалифицировать прозвища лиц мужского пола как единицы женского рода. Это прозвища, образованные лексико-семантическим способом, антропонимизацией:

– от женских персонимов, типа:

Авдотья, ж., обидн. *Он сё, кто ни едет, кто ни идет, всех кричит: «Авдотья!» И яво так празывают. Канешно, обидно: бабско имя-то.* (Новый Усад Арз.), **Аннушка**, ж., обидн. *Мужик он, а гаварит па-бабьи, ну и Аннушайк празвали. – Он мужик, а всё па-бабьи делат. И пагаворка у него бабья, и знат, какую ленту на бабью рубаху налажить или как китаишник сшить. – Вон и Аннушка паиёл.* (Мотызлей Воз.), **Алёна**, ж., обидн. *Как дивчонка он, Алёшей завут, назвали Алёной, а он абижатся (Пильна), Глафира* (Леметь Ард.), **Грунька** (Новый Усад Спас.), **Маня** (Рогово Нав.), **Маруся** (Красный Бор Шатк.), **Марина** (Венец Ард.), **Катенька** (Абрамово Арз.), **Катюша** (Мерлино Арз.), **Люся** (Мадаево Поч.), **Марфа** (Верегино Арз.), **Прасковья** (Абрамово Арз.), **Любáнька** (Чернуха Арз.), **Акулька** (Салганы Кр.-Окт.), **Дунька** (Архангельское Шатк.), **Маруська** (Морозовка Арз.), **Фрося** (Котиха Арз.), **Дуняша** (Яново Серг.), **Света**. *Света – это Катков у нас, ему лет тридцать. Он как деушка, застенчивый, румяный, – вот и Света он паэтаму* (Лукоянов), **Варвара** (Зеленые Горы Вад.) и др.;

– от одушевленных существительных со значением лица только женского пола:

Бáбонька (П. им. Степана Разина Лук.), **Бабушка**. *Мальчишка у бабушки всё время живёт, вот и про-*

звали ево так Бабушкой (Чернуха Арз.), **Бáушка**. *Ведёт сия, как баушка* (Первомайск), **Бабуся** (Измайловка Ард.), **Бабдуня**. *В детстве, бывало, как чуть, так сразу зовёт свою бабу Дуню, жалутся на всех. Вот и стал Бабдуня* (Макарьево Лыск.), **Баба Рязанская** (Курилово Д.-Конст.), **Мама Лиза**. *Мужик, а зовут так, по маме* (Беговатово Арз.), **Мамáша** (Малая Якшень Шатк.) и др.;

– от одушевленных апеллятивов женского рода со специфическими морфемными и функциональными показателями женскости:

Принцесса. *У неёó походка жёнска и вообще медлительнай. Вот и назвали в насмешку вроде* (Казаково Арз.), **Нянька**. *В детстве сидел с младшими детьми* (Замятино Арз.), **Хинíха**. *По бабушке назвали. Она была Хиниха* (Борнуково Бут.), **Мíлка** (Б. Туманово Арз.), **Гусы́ня** (Б. Туманово Арз.) и др.;

– от одушевленных субстантивов женского рода со значением живого существа (не-лица) с дифференциацией по полу, типа:

Коза. *Вертявай он, как коза* (Ветошкино Арз.), **Корова**. *Ему Быков фамилие, вот и прозвали Корова, обидно, неприятно* (Мухтолово Ард.), **Курица** (Малая Мажарка Кр.-Окт.), **Куручка** (Леметь Ард.), **Кошка** (Трудовое Див.), **Овца** (Виля Выкс.) и др.;

– от неодушевленных имен существительных женского рода со значением предмета; здесь сильна и предметная ассоциативность:

Бляха. *Он всегда на груди какие-нибудь бляхи носит, ордена, значки* (Новый Усад Спас.), **Баклуша**. *Он на баклуше ходит, ну на чурке деревянной, протез носит с войны, как баклуша сделан он, протез-ат* (Мотовилово Арз.), **Куча** (Лидовка Арз.), **Бутылка**. *Бутылка пьет больно, пропил уж всё* (Архангельское Шатк.), **Бахила** (Мотызлей Воз.), **Булавка**. *У него фамилия Буланов, вот и Булавка* (Лесогорск Шатк.), **Булка**, **Буленька** (Курмыш, Мамешево Пильн.), **Дырка**. *Штаны с дыркой носил* (Лопатино Лук.), **Бормотуха**. *Бормотуху, вино краснó пил.* (Новый Усад Арз.), **Нормализация** (Курмыш Пильн.), **Дружба** (Мухтолово Ард.), **Дудá**, **Дудочка** (Толба, Пожарки Серг.), **Черёмуха** (Малиновка Б.-Болд.), **Чекушка** – чекушка ‘бутылка’ (Ильинское Поч.), **Тарелка** (Макарьево Лыск.), **Тáпочка** (Новый Мир Вад.), **Революция** (Ломовка Арх.), **Репá** (Виля Выкс.), **Вещь**. *Газета* (Б. Туманово Арз.), **Козья Ножка** (Абрамово Арз.), **Беда** (Крюковка Лук.), **Клешня** (Туркуши Кул.), **Вагонетка** (Автодеево Арз.), **Берданка** (Абрамово Арз.), **Жакётка** (Никольское Арз.), **Лепёшка** (Венец Ард.), **Конфетка** (Старое Иванцево Шатк.), **Капелька** (Красное Сеч.), **Колбаса** (Ждановка Кр.-Окт.), **Картóша** (Княжиха Пильн.) и др.

Сохраняется родовая квалификация при образовании прозвищ трансонимизацией, от топонимов: **Европа** (Малый Макателём Перв.), **Канада** (Абрамово Арз.), **Караганда** (Лопатино Серг.), **Колыма** (Кошелиха Перв.), **Куба** (Сеченово, Курилово Д.-Конст.), **Вологда** (Шатки) и др.

Во всех случаях второго типа (сохранение женского рода в прозвищах) использование слов на *-а/-я* для называния лиц мужского пола не переводит их в класс имен мужского рода, подобно тому, как в апеллятивном пространстве, по признанию В. В. Виноградова, применение к лицам мужского пола слов типа *шляпа, стерва, башка, голова, змея, пила, баба, курица* не меняет их род (см.: [2: 71]).

Как раз несоответствие грамматического рода и синтагматики (типа *Жакетка пришла*) полу прозываемого через подчеркнутое значение женскости служит дополнительным средством создания коннотативности прозвища. Более того, в этом проявляется интенция нарочитой номинации лица словом женского рода для выражения повышенной эмоционально-экспрессивной, аксиологической, негативной окрашенности (насмешки, иронии, уничижения).

Еще больше подчеркивает такое несоответствие явлений *род – пол* согласуемый адъектив в составных прозвищных номинантах мужчин, например:

Ворона Общипанная (Мухтолово Ард.), *Курочка Рябенькая* (Пермеево Б.-Болд.), *Коленкорова Голова*, *Кувишинова Голова* (Красный Бор Шатк.), *Лошадина Башка* (Балахониха Арз.), *Большая Энциклопедия* (Малая Мажарка Кр.-Окт.), *Хромая Нога* (Ковакса Арз.), *Милая Роща* (Высокий Оселок Спас.), *Мать Дорогая* (Выездное Арз.), *Дубина Дубовая* (Семеново Арз.) и под.

В разряде прозвищ на *-а/-я* при актуализации тех или иных ассоциативных, деривационных связей, мотивации при функционировании возможна разнособъектно-объектная, разнореферентная, разногендерная тезоименность, внутри- и внесистемная. См. один из многочисленных примеров:

Мака́ка, ж., обидн. Прозвище девочки. *Фамилия ей Макарова, вот и Мака́ка* (Голяткино Ард.).

Мака́ка, ж., обидн. Прозвище женщины. *Блага́ на лицо-то, ровно как на макаку сходит* (Мотовилово Арз.).

Мака́ка, м., обидн. Прозвище мальчика. *Мака́ка зовут, потому что он похож на макаку. Губы у него больш́и, толсты́, глаза тоже больш́и, выпуклы́* (Новый Мир Вад.).

Мака́ка, м., обидн. Прозвище мальчика. *Потому, что фамилия его Макулин, да и похож на макаку, на обезьяну таку́. Вот и прозвали Мака́ка* (Саблуково Спас.).

Мака́ка, м., обидн. Прозвище мужчины. *Ему́ Макаров фамилие, вот и зовут Мака́ка* (Мухтолово Ард.).

Мака́ка, м., ирон. Прозвище мальчика. *Ане дваешки да на абизьянкав пахожи. А кажнай из них – Мака́ка* (Ореховец Див.).

В целом в этом разряде прозвищ (на *-а/-я*) больше номинант мужского рода, что вписывает-

ся в вывод об одушевленных апеллятивах: «В количественном отношении существительные мужского рода преобладают» [7: 467], (ср.: [2: 65]). Ср. мысль, высказанную в связи с анализом антропонимов (фамилий от мужских имен): «В русском языке вообще слов мужского рода больше, чем слов женского рода» [8: 84] и перечень отперсонимных фамилий на *-а/-я, -о* [8: 100–145].

Такого же функционального, коннотативного результата и эффекта рассогласования явлений *грамматический род – пол* в отапеллятивных прозвищах и с другими финалями, образованных от основ существительных. Здесь наблюдается соотношение:

– мужской род – лицо женского пола:

а) от одушевленных субстантивов –

Милиционер, м. *Она всё про всех пёрва узнавала* (Семеново Арз.), *Профессор*, м. *Умна слишком, всё знат, всё умет* (Большие Бакалды Бут.), *Комендант*, м. *За всем всегда следила, сё в порядке содержала* (Малая Поляна Лук.), *Басмач*, м. *Басмач косинку носила так, как басмач* (Чернуха Арз.), *Бык*, м. *Ана прям бык настоящай, как упрётся – не сваротишь* (Первомайск), *Прокурор*, м. (Азрапино Поч.), *Боец*, м. (Выползово Ард.) и др.

Сохраняют мужской род прозвища женщин, образованных путем перехода в этот разряд мужских персонимов, в том числе их модификатов:

Алексей. *Её назвали так, потому что всё мужское делат* (Стрелка Вад.), *Алёшка*. *Татьяну Жаркову зовём эдак. По отчеству она Ляксевна, и имя тако́ дали* (Смагино Бут.), *Борис*. *Отчество у неё Барисовна, вот и стала Барис* (Первомайск); *Гаврош*, м. (Бритово Шатк.), *Тарас Бульба*, м. (Б. Туманово Арз.) и др.;

б) от неодушевленных субстантивов –

Бориц, м. *Волосы у ней красные, как в борце искупались* (Первомайск), *Барабан*, м. *Уж коли она возьметса разговаривать, так некто́ не вяжись, как барабан гремит. – Ну, Барабан забарабанил* (Костылиха Арз.), *Амортизатор*, м. *Она бегат больно быстро* (Ковакса Арз.), *Блин*, *Загложыш*, м. *Сестра у неё то́ща, зовём Загложыш, а она то́лста, и зовём Блин* (Трудовое Див.), *Трибунал*, м. *Больно хорошо говорила, как сё онно што выступала* (Костылиха Арз.), *Бублик*, м. (Первомайск), *Букетик*, м. (Яново Серг.), *Вагон*, м. (Лидовка Арз.), *Пузырь*, м. (Лукоянов), *Цыплёнок*, м. (Глухово Див.), *Виноградник Усохший*, м. (Елховка Шатк.) и др.;

– средний род – лицо мужского или женского пола:

Крыло, ср. (Стексово Ард.), *Кокó*, ср. (Уланки Шатк., Глухово Див.), *Пузо*, ср. (Берешино Перв.), *Колесо*, ср. (Новый Усад Арз.), *Яблочко*, ср. (Казаково Арз.), *Пиво*, ср. (Тольский Майдан Лук.) – мужчины; *Помело*, ср. (Курилово Д.-Конст.), *Полено*, ср. (Лидовка Арз.), *Коромысло*, ср. (Бутаково Воз.), *Сало*, ср. (Суворово Див.), *Авокадо*, ср. (Перомайск), *Яблочко Румяное*, ср. (Семеново Арз.), *Солнышко*, ср. (Шутилово Перв.) – женщины; а также другие случаи.

При общем синтетически-аналитическом способе выражения рода (ср.: [6: 21–22]) в прозвищах возможны согласование по грамматическому роду и отсутствие такового (*Полено пришло* и *Полено пришёл*), в первом случае актуализируется предметность как база номинации, во втором случае – идея пола (идея лица определенного пола) и как следствие несоответствие рода полу, в обоих случаях – метафоризация, метафорическая ассоциативность, повышенная экспрессия. При этом сочетаемость имеет прагматическую обусловленность со всеми ее составляющими: характером субъекта, объекта (адресата) коммуникации, их взаимоотношений, ситуации, интенции. См. двоякую синтагматику:

Балалó – прозвище мужчины. *Был мужик у нас, так ёво и звали Балалó. Балалó – оно и есь Балалó: болтун больно был, балуил и балуил, спасу никак-во не было. – Балалó, бывало, не переслушаив. Вот какó Балалó было. – Ой, какó негóдно Балалó: набалуил про меня не знай чово!* (Селякино Арз.)

Чисто семантическое обоснование (по полу лица) имеет род неизменяемых прозвищ, составных, образованных антропонимизацией глагольных синтагм, фраз. Например:

Бубú, м. (Смирново Шатк.), *Кáси-Мáси*, м. (Ключищи Шатк.), *Батý*, м. (Юморга Пильн.), *Алë*, м. (Замятино Арз.), *Колë-Молë*, м. (Заречное Арз.), *Кукарéку-За-Рéку*, м. (Круглово Ард.), *Гáври*, м. (Наумовка Арз.), *Вивú*, м. *Не выговаривал Виктор, а говорил Вивú, он немой. Вивú пришёл* (Красный Бор Шатк.), *Мúкки* – Мишин (Мухтолово Ард.), *Ченэпú*, м. (Большое Череватово Ард.), *Валë*, м. (Княжиха Пильн.), *Вáувау*, м. *Вáувау опять заорал* (Замятино Арз.), *Тай*, м. *Не выговаривал «три»* (Новый Усад Спас.), *Понимáеиш*, м. (Туркуши Кул.), *Кости-В-Целофановом-Мешке*, м. (Красный Бор Шатк.), *Коза-Пропáла*, м. (Глухово Див.), *В-Полперца-Мать*, м. (Мотовилово Арз.), *Всë Путем-Всë В Лучшем Виде*, м. (Крюковка Лук.), *Халë-Дётки*, м. (Зелёные Горы Вад.), *Хочу Живу-Хочу Умру*, м. (Спасское), *Куни-Продам*, м. (Кармалейка Ард.) и др. – *Болé*, ж. (Дубское Перв.), *Глюглю*, ж. (Дубенское Вад.), *Али*, ж. (Веригино Арз.), *Браво*, ж. (Бритово Шатк.), *Гóрхо-Пфóхо*, ж. *Гфóхо-Перхо сказала мне про это* (Пешелань Арз.), *Гáйти*, ж. (Маёвка Див.), *В-Рот-Канпот*, ж. (Мадаево Поч.), *Я Говорю-Я Говорю*, ж. (Яново Серг.) и др.

Рассмотренные факты наглядно подтверждают мысль, высказанную, правда, об апеллитивах:

«В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например: *живые мощи*, *колпак* – в применении к человеку, *баба* – по отношению к мужчине, *шляпа* – в переносном значении и т. п.). В этом плане слово выступает как система форм и значений, соотносительная с другими смысловыми единицами языка» [2: 17].

Ср. также высказывание: «Гендерное распределение прозвищ, так же, как и древнерусских имен, часто не соответствует грамматическому роду тех слов, от которых они образованы» [9: 496].

В целом в области совершенно своеобразного класса слов – прозвищ (как дополнительного компонента именования русского человека), с их актуализированной идентификацией, в которых на первый план выдвигается характерологическая (характеристическая) функция на фоне собственно онимических – номинативно-референциальной и дифференцирующей, особую активность проявляет лексико-семантический способ деривации (антропонимизация, трансоимизация) и как его результат – семантический перенос, прежде всего метафоризация, сильная ассоциативность, повышенная эмоционально-экспрессивно-аксиологическая окрашенность, особенно при нарочитом рассогласовании *род – пол*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все сказанное свидетельствует не только о семантико-грамматическом (лексико-грамматическом) характере и проявлении категории рода в области прозвищной номинации, но и о том, что в ней активнее, ярче, нежели в апеллитивном пространстве, реализует себя семантическая составляющая категории рода.

Предложенная дифференциация прозвищ относительно их квалификации по роду может рассцениваться как попытка (некоторые единицы могут вызвать иное прочтение), которая может быть учтена при лексикографической разработке неофициальных антропонимов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее полное название районов области и характер населенных пунктов даны в: Нижегородская область. Административно-территориальное деление: по состоянию на 1 января 1992 г. Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1993. 272 с. См. также [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 704 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание второе. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.

3. Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. Фонетика и морфология. 719 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
5. Климкова Л. А., Гузнова А. В. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: Словарь. СПб., 2021. (В печати).
6. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. С. 19–41.
7. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
8. Суперанская А. В., Суслова А. В. О русских фамилиях. М.: Азбука, 2008. 288 с.
9. Суперанская А. В. Современные русские прозвища // *Folia Onomastica Croatica*. 2003. № 12/13. С. 485–498.

Поступила в редакцию 02.08.2020; принята к публикации 29.12.2020

Original article

Lyudmila A. Klimkova, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod (Arzamas, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0217-164X; *dialekt_arz@mail.ru*

CATEGORY OF GENDER IN UNOFFICIAL ANTHROPOLOGY

Abstract. The author refers to the classical works of Russian linguists stating that noun gender is a non-variable lexico-grammatical category, and then focuses on its realization in individual personal nicknames (primarily with the final -a/-ya) as part of microanthroponymic sphere, specifically through the correlation of such lexico-grammatical classes as appellativity–propriality and animacy–inanimacy. The nicknames used in the Oka-Volga-Sura interfluvial area of the Nizhny Novgorod region are studied using the descriptive, structural and semantic, componential, comparative and other interpretational methods to demonstrate the fact that this category has different semantics compared to the sphere of common nouns. Here, due to actualized identification, the discrepancy in the grammatical markers of noun gender and natural gender is a means of characterization, creation and expression of increased connotation. The author proposes a detailed classification of nicknames according to their gender and draws conclusions about the lexico-semantic character and manifestation of gender in nicknames, about the productivity of lexico-semantic derivation among them (anthroponymization and transonymization) accompanied by associativity and transformation (alongside with morphological derivation), as well as about the applicability of the observations and generalizations contained in classical linguistic works to the material under analysis. The proposed classification of nicknames according to their gender qualification could be taken into account in the lexicographic description of unofficial anthroponyms.

Key words: microanthroponymy, nickname, grammatical gender, natural gender, animacy, inanimacy, appellativity, lexico-semantic derivation, anthroponymization, connotation

For citation: Klimkova, L. A. Category of gender in unofficial anthropology. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.562

REFERENCES

1. Walter, H., Mokienko, V. M. Great dictionary of Russian nicknames. Moscow, 2007. 704 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. The Russian language (grammatical doctrine of the word). Moscow, 1972. 614 p. (In Russ.)
3. Grammar of the Russian language. Moscow, 1960. Vol. 1. Phonetics and morphology. 719 p. (In Russ.)
4. Grammar of the modern Russian literary language. Moscow, 1970. 767 p. (In Russ.)
5. Klimkova, L. A., Guznova, A. V. Informal anthroponymy in the Oka-Volga-Sura interfluvial area of the Nizhny Novgorod region: Dictionary. St. Petersburg, 2021. (In print). (In Russ.)
6. Morphology and syntax of the modern Russian literary language. *Russian language and Soviet society*. (M. V. Panov, Ed.). Moscow, 1967. P. 19–41. (In Russ.)
7. Russian grammar. Moscow, 1980. 288 p. (In Russ.)
8. Superanskaya, A. V., Suslova, A. V. Russian surnames. Moscow, 2008. 288 p. (In Russ.)
9. Superanskaya, A. V. Modern Russian nicknames. *Folia Onomastica Croatica*. 2003;12/13:485–498. (In Russ.)

Received: 2 August, 2020; accepted: 29 December, 2020

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА МИЛОВСКАЯ

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германских языков и литературы факультета романо-германской филологии
Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6886-0678; milnatdm@yandex.ru

АННА СЕРГЕЕВНА ЯЦЕНКО

аспирант 3-го курса кафедры германо-романских языков и литературы факультета романо-германской филологии
Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7743-8797; anit-94@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫСМЕИВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ЮМОРЕ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА

А н н о т а ц и я . В данном исследовании речь идет о лингвистических средствах реализации семантического механизма создания юмористического эффекта в немецких языковых бытовых анекдотах, относящихся к предметно-референциальной области «Женщина и автомобиль», высмеивающих бытующие в немецком обществе гендерные стереотипы. Предлагается ориентированная на его конститутивные признаки дефиниция немецкого языкового бытового анекдота о женщине как представительнице феминной гендерной группы немецкого социума. Уточняется своеобразие семантического механизма создания юмористического эффекта в сюжетах данного типа. Выявляются реализующие данный семантический механизм лингвистические феномены, контекстуально-интерпретационному анализу подвергается процесс формирования юмористического эффекта на их основе. Подчеркивается, что выявленные реализации семантического механизма создания юмористического эффекта позволяют осмыслить в юмористическом ключе гендерные стереотипы о женщине, транслируемые сюжетами предметно-референциальной области «Женщина и автомобиль» в социум. Методами исследования послужили как традиционные лингвистические методы (дефиниционный анализ, семный анализ структуры лексического значения слова), так и лингво-прагматические методы (контекстуально-интерпретационный анализ). Существенная роль отводилась методу гипотетического моделирования ситуации юмористического общения коллективного автора сюжета с его гипотетическим реципиентом. Актуальность данного исследования связана с неослабевающим интересом лингвистического сообщества к феномену юмора, создаваемого этносом средствами национального языка и отражающего юмористическое мышление народа, и отсутствием исчерпывающего знания о нем.

К л ю ч е в ы е с л о в а : языковой бытовой анекдот, Wortwitz, женщина, стереотип, гендер, юмористический эффект, опорный компонент, смеховая реакция

Д л я ц и т и р о в а н и я : Миловская Н. Д., Яценко А. С. Лингвистические средства высмеивания гендерных стереотипов в юморе немецкого этноса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 15–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.563

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокультура немецкого этноса располагает бытовыми анекдотами Witze о среднестатистических представителях самых разных слоев общества, национальных групп, профессиональных коллективов. Такие бытовые анекдоты предлагают реципиенту осмыслить в юмористическом ключе и посмеяться над устойчиво существующими в массовом сознании социума представле-

ниями об их типизированных поступках, поведенческих реакциях, которые принято называть стереотипами. Уточним, что под существующим в массовом сознании стереотипом, как правило, понимают

«определенное постоянное, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации; некий устойчивый образ, детерминированный культурой

посредством установки, который входит в систему миропонимания человека как ее элемент и упорядочивает процесс восприятия действительности» [9: 177].

В данной работе стереотип понимается как культурно и социально обусловленное представление о типизированных качествах, поступках и нормах поведения представителей социума, находящий отражение в языке. В немецкий социум с активностью транслируются многочисленные бытовые анекдоты, предлагающие посмеяться над национальными [11] и этническими [7], [8], [10] стереотипами, которые с неизменным постоянством привлекают внимание лингвистов, нередко акцентирующих свое внимание и на языковой репрезентации юмористического эффекта в них. Не менее популярными являются и бытовые анекдоты о представителях феминной и маскулинной гендерных групп: анекдоты о среднестатистических мужчинах и среднестатистических женщинах. Среди них значительную часть составляют сюжеты, предлагающие посмеяться над гендерно ориентированными стереотипами социума по отношению к представительнице феминной гендерной группы с ее типизированными поступками и поведенческими реакциями. При этом гендерные стереотипы определяются в данной работе как «совокупные культурно и социально обусловленные представления о гендерных ролях» [2].

Наблюдения за широким практическим материалом позволяет утверждать, что особую группу среди немецких бытовых анекдотов, высмеивающих гендерно ориентированные стереотипы по отношению к женщине, составляют немецкие *языковые* бытовые анекдоты. Они являются собой остроумно изложенные небольшие юмористические сюжеты-зарисовки из повседневной жизни женщины. Эти сюжеты на протяжении ряда лет [3], [4], [12], [13], [14] вызывают несомненный¹ и повышенный² интерес лингвистического сообщества³ еще и потому, что юмористический эффект в них создается благодаря присутствию в их текстовом полотне опорного компонента, обнаруживающего в потоке речи амбивалентность значения⁴. Возможность его двоякого толкования⁵ в рамках одного сюжета позволяет проникнуть во второй семантический план последнего, который осмысливается на фоне его нормативно-языкового плана. Учитывая данное обстоятельство, уточним наше толкование немецкого языкового бытового анекдота о женщине, на которое мы ориентируемся в данном исследовании. Это сюжет, предлагающий осмыслить в юмористической модальности, формируемой за счет реализации амбивалентного семантиче-

ского потенциала опорного компонента, гендерно ориентированные стереотипы социума по отношению к типизированным поступкам и поведенческим реакциям, образу мыслей и интеллекту среднестатистической женщины.

Анализ фактического материала данного исследования позволяет говорить о том, что гендерно ориентированные стереотипы по отношению к женщине транслируют в социум и немецкие анекдоты, относящиеся к предметно-референциальной области «Женщина и автомобиль», которые предлагают реципиенту посмеяться над рядом гендерно ориентированных стереотипных представлений социума по отношению к женщине. Обратимся к их рассмотрению.

СТЕРЕОТИП 1. ЖЕНЩИНА НЕ ЗНАКОМА С ТЕРМИНОЛОГИЕЙ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ И ВОЖДЕНИЮ АВТОМОБИЛЯ

Сюжет (1) знакомит реципиента с диалогом, происходящим между блондинкой и пассажиром в ее автомобиле. (1). «*Fahrgast: "Meine Güte! Können Sie nicht etwas schneller vorankommen?" Die Blondine am Steuer: "Nein, ich darf meinen Wagen nicht verlassen"*». Опорный компонент в данном сюжете представлен полисемантической лексемой **vorankommen**. В системе немецкого языка в семантической структуре⁶ данного виртуального языкового знака присутствуют значения двух узуальных значений или ЛСВ [15]. Переход от полисемии к моносемии [1], [6] происходит обычно в акте коммуникации. Это объясняет тот факт, что пассажир такси реализует в своем вопросе значение первого ЛСВ *sich auf einer Strecke nach vorn bewegen* [15]. Блондинка, которой терминология автолюбителей оказывается чуждой, реализует в своем ответе значение второго ЛСВ полисемантической лексики **vorankommen**, а именно значение *Fortschritte machen, Erfolg haben* [15], о чем и свидетельствует ее реплика, диссонирующая с тривиальным в данной предметно-референциальной области сообщением вопросом пассажира. В целом в сюжете представлена ситуация ненамеренного расхождения партнеров по коммуникации в толковании языкового знака **vorankommen**.

Сюжет (2) представляет собой анекдот – шуточный вопрос с кратким ответом на него [3: 35]. Коллективный автор задается вопросом, почему блондинка резко останавливается посреди автотрассы. В пуанте предлагается неожиданный ответ: блондинка останавливает автомобиль, потому что на навигаторе появляется надпись **bitte warten**. (2). «*Warum hält eine Blondine mitten auf der Autobahn plötzlich an? Weil auf dem*

Navi **“bitte warten”** steht!». Опорный компонент в данном сюжете представлен выражением **bitte warten**. К актуализации в нем ожидаемого значения *«пожалуйста, дождитесь от навигатора дальнейшей информации и инструкций по корректировке направления движения»* подталкивает общий ориентир предметно-референциальной области сообщения, задаваемый лексемой **Navi**. Однако блондинка соотносит выражение **bitte warten** не с функционированием навигатора. Она декодирует его как рекомендацию прекратить движение по автотрассе. Иными словами, она дополняет значение исходящего от навигатора реплики-выражения **bitte warten** *«ждите от навигатора дальнейшей информации и дальнейших инструкций по корректировке направления движения»* дополнительным значением *«ждите, остановив свой автомобиль посреди автотрассы вопреки требованиям и правилам дорожного движения»*. В анекдоте (2) вновь представлена ситуация ненамеренного расхождения «партнеров по коммуникации» в толковании выражения **bitte warten**.

И в сюжете (1), и в сюжете (2) смех реципиента вызывает возможность двунаправленного осмысления сюжета благодаря столкновению-расхождению значений опорного компонента [3: 21–22]. В целом такие анекдоты предлагают посмеяться над укоренившимся в немецкой культуре мнением об отсутствии у недалекой и бестолковой женщины элементарных знаний в области терминологии по эксплуатации и вождению автомобиля.

СТЕРЕОТИП II. ЖЕНЩИНА И ЭКЗАМЕН НА ПОЛУЧЕНИЕ ВОДИТЕЛЬСКОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ – НЕСОВМЕСТИМЫЕ ПОНЯТИЯ

В сюжете (3) вниманию реципиента представлен диалог женщины за рулем, совершившей наезд на другую машину, водитель которой выражает свое негодование по поводу аварийной ситуации. Обращаясь к женщине с вопросом о том, сдавала ли она (хоть один!) экзамен для получения водительских прав: *«Sie dummes Huhn, haben sie überhaupt eine Fahrprüfung gemacht?»*, водитель машины получает ошеломляющий ответ: *«Bestimmt öfter als sie!»* (3). *«Eine Frau hat mit ihrem Auto ein anderes Fahrzeug gerammt. Brüllt der Fahrer: “Sie dummes Huhn, haben sie überhaupt eine Fahrprüfung gemacht?” “Zischt die Frau zurück: “Bestimmt öfter als sie!”»*.

Опорный компонент в примере (3) представлен лексемой **eine**. К актуализации в опорной лексеме **eine** значения неопределенного артикля *weibliche Form von vgl. ein (unbestimmter Artikel)*

[15] подталкивает общий ориентир тематики коммуникативной ситуации, задаваемый лексемой **Fahrprüfung**. Реализация женщиной в лексеме **eine** благодаря омонимичности⁷ их форм, но вопреки ситуации значения количественного числительного **eine (Kardinalzahl)** [15] создает возможность двунаправленного осмысления перспективы интерпретации изначально заданного тривиального сюжета. Юмористический эффект в данном примере достигается в результате расхождения персонажей в толковании языкового знака **eine**.

Сюжет (4) предлагает вниманию реципиента диалог инструктора и женщины Frau Maier, сдающей экзамен для получения водительских прав. (4). *«Fahrprüfung – Frau Maier ist dran. Sie ist furchtbar aufgeregt. Der Fahrlehrer versucht Sie etwas zu beruhigen: “Nah, Frau Maier, sie haben doch sicher die Regeln im Kopf!”. Entgegnet sie drauf: “Nein, warum? Blute ich aus der Nase?”»*.

Инструктор пытается подбодрить женщину фразой: *«Nah, Frau Maier, sie haben doch sicher die Regeln im Kopf!»*. Однако на подбадривающую реплику он получает абсурдный ответ: *«Blute ich aus der Nase?»*. Опорный компонент в данном примере представлен полисемантической лексемой **die Regel (Pl: die Regeln)**. Инструктор в своей реплике реализует данную лексему в значении ее ЛСВ *aus bestimmten Gesetzmäßigkeiten abgeleitete, aus Erfahrungen und Erkenntnissen gewonnene, in Übereinkunft festgelegte, für einen jeweiligen Bereich als verbindlich geltende Richtlinie; [in bestimmter Form schriftlich fixierte] Norm, Vorschrift* [15].

На это значение лексемы **die Regel** настраивает ситуация проведения экзамена, обозначенная лексемой **Fahrprüfung**. Тем не менее госпожа Майер, сдающая экзамен, декодирует опорную лексему **die Regel** через значение ее ЛСВ *Menstruation* [15], являющееся абсурдным в данной предметно-референциальной области сообщения. Таким образом, в предложенном примере моделируется ситуация ненамеренного расхождения партнеров по коммуникации в толковании языкового знака **die Regel**, акцентирующая изначально примитивную наклонность женщины реагировать на мир только сквозь призму физиологических процессов своего организма. Постигаемая парадоксальность двунаправленного осмысления перспективы интерпретации изначально заданного тривиального сюжета и вызывает смех реципиента.

Анекдоты (3) и (4) призывают реципиента посмеяться над устоявшимся во времени и ориентированным на представительниц феминной

гендерной группы стереотипным представлением социума о неспособности женщины получить водительское удостоверение.

СТЕРЕОТИП III. ЖЕНЩИНА НЕ ЗНАЕТ УСТРОЙСТВА АВТОМОБИЛЯ И НАЗВАНИЙ КОМПЛЕКТУЮЩИХ ЕГО ДЕТАЛЕЙ

В сюжете (5) вниманию реципиента предлагается фрагмент разговора шофера (*Schauffeur*) с баронессой (*Baronin von Palme*) о такой важной в техническом устройстве автомобиля детали, как свечи **Kerzen**. Обращаясь к даме с вопросом о необходимости их замены, водитель получает не вполне адекватный вопросу ответ: «*Wieso? Haben wir etwa schon Weihnachten?*». (5). «*Der Schauffeur fragt die Baronin von Palme: "Sollen wir dem Wagen neue Kerzen einsetzen lassen?" Frau Baronin antwortet verwundert: "Wieso? Haben wir etwa schon Weihnachten?"*».

Опорный компонент в данном примере представлен существительным **Kerzen**. Семантическая структура⁸ существительного **die Kerze** включает в себя в современном немецком языке несколько узуальных значений. К актуализации ЛСВ *wechselbarer Teil der Zündanlage, mit dessen Hilfe das Kraftstoff-Luft-Gemisch elektrisch gezündet wird* (свечи зажигания) [15] в опорной лексеме подталкивает общий ориентир тематики коммуникативной ситуации, задаваемый лексемой **Schauffeur**. Однако дама, не имеющая ни малейшего представления о техническом устройстве автомобиля, реализует в лексеме **die Kerze** вопреки ситуации значение другого ее ЛСВ *meist zylindrisches Gebilde aus gegossenem Wachs, Stearin, Paraffin o. Ä. Mit einem Docht in der Mitte, der mit offener Flamme brennend Licht gibt* (рождественские свечи) [15]. Юмористический эффект в данном сюжете достигается в результате расхождения персонажей в толковании полисемантического языкового знака **die Kerze**, а именно за счет столкновения-расхождения различных семантических планов, потенциально заложенных в его семантической структуре на уровне языка в виде различных узуально закрепленных значений. Смех же реципиента вызывает его ложное декодирование женским персонажем, обескураживающее своей неожиданностью и возникающее вопреки предметно-референциальной области сообщения. В целом анекдот (5) настраивает реципиента осмыслить в юмористической модальности стереотипное представление социума об отсутствии у женщины элементарных знаний о техническом устройстве автомобиля.

СТЕРЕОТИП IV. ЖЕНЩИНА НЕ ЗНАКОМА С ПРАВИЛАМИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В сюжете (6) реципиенту предлагается диалог между блондинкой и полицейским. (6). «*Eine Blondine fährt mit ihrem Jaguar durch die Straße. Auf der Landstraße gerät sie in eine Polizeikontrolle. "Entschuldigung, meine Dame", sagt der Beamte, "wir beide müssen einen Alkoholtest machen". "Prima!", entgegnet die Blondine, "in welchem Pub fangen wir an?"*».

Первым персонажем, представителем дорожно-патрульной службы и стражем порядка на дорогах, высказывается просьба-требование к блондинке, находящейся за рулем транспортного средства, пройти тест, показывающий содержание алкоголя в ее крови. При этом полицейский, представляющий **Polizeikontrolle**, пользуется языковым знаком **Alkoholtest**. Достаточная «подвижность, текучесть, значительная размытость и неопределенность семантики»⁹ [5] данного языкового знака мотивирует декодировать в нем не совсем определенное значение *alkoholischer Test*. Страж порядка на дорогах, мотивируемый стереотипным, принятым и ожидаемым в современном немецком социуме декодированием внутренней формы лексемы **Alkoholtest** по модели *Test nach Blutalkohol*, приписывает ей ее обычное и привычное для всех носителей немецкого языка значение *Test zur Ermittlung des Grades der Konzentration von Alkohol im Blut* [15]. Блондинка за рулем в результате нестереотипного декодирования внутренней формы лексемы **Alkoholtest** по стихийно сложившейся и ложной модели *Test von Alkohol* наделяет ее значением *Test(ieren) von alkoholischen Getränken (Alkoholgenuss) in einem Pub* [4: 135]. В данном примере смех реципиента вызывает ложное декодирование блондинкой за рулем языкового знака **Alkoholtest**. Расхождение блондинки и представителя дорожной патрульной службы в декодировании лексемы **Alkoholtest** в данном случае представлено столкновением-расхождением значений языкового знака, формируемых при его стереотипно и нестереотипно декодированной внутренней форме. Анекдот (6) призывает реципиента посмеяться над стереотипным представлением социума о незнании женщиной правил по регулированию дорожного движения и поведению на дороге.

СТЕРЕОТИП V. ЖЕНЩИНА НЕ УМЕЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПАРКОВКУ АВТОМОБИЛЯ

Сюжет (7) представляет собой анекдот – сентенцию [3], [4]. Коллективный автор с большой иронией, замаскированной под псевдовосхищение, делится с социумом наблюдением

о «способности женщины выполнять несколько дел одновременно». Однако ошеломляющее продолжение-пояснение уточняет, что эта способность женщины ориентирована в первую очередь на парковку автомобиля на двух парковочных местах одновременно (7). «Frauen sind tatsächlich **multitaskingfähig**! Sie können auf zwei Parkplätzen gleichzeitig parken». Опорный компонент в данном сюжете представлен лексемой **multitaskingfähig**. В основе данной лексемы лежит заимствованное из английского языка и получившее артикль среднего рода существительное (*das*) *Multitasking* с его значением *gleichzeitiges Abarbeiten mehrerer Tasks in einem Computer* [15]. Образованная на этой основе лексема **multitaskingfähig** тяготеет в современном немецком языке к значению *die Fähigkeit besitzend, mehrere Aufgaben gleichzeitig zu bewältigen* [15]. Однако поясняющее продолжение анекдота, реализуемое в его пуанте, стимулирует реципиента к ситуативной переаранжировке сем [5], а именно к приращению к значению лексемы **multitaskingfähig** дополнительной семы *auf zwei Parkplätzen parken*. В результате переструктурирования сем лексема обретает значение *die Fähigkeit besitzend, auf zwei Parkplätzen gleichzeitig zu parken*. Юмористический эффект в данном сюжете достигается за счет ситуативной возможности двунаправленного толкования языкового знака **multitaskingfähig** и столкновения-расхождения его нормативно-языкового семантического плана *die Fähigkeit besitzend, mehrere Aufgaben gleichzeitig zu bewältigen* и ситуативно скорректированного семантического плана [3: 65–76] *die Fähigkeit besitzend, auf zwei Parkplätzen gleichzeitig zu parken*. Открытие и осмысление реципиентом параллельной перспективы интерпретации лексемы **multitaskingfähig** создает возможность двунаправленного осмысления перспективы интерпретации изначально заданного сюжета и вызывает смех реципиента. Как видим, анекдот (7), опираясь на амбивалентный потенциал опорного компонента, призывает реципиента посмеяться над стереотипным

представлением социума о неумении женщины парковаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкий языковой бытовой анекдот о женщине представляет собой сюжет, предлагающий осмыслить в юмористической модальности, формируемой за счет реализации амбивалентного семантического потенциала опорного компонента, гендерно ориентированные стереотипы социума по отношению к типизированным поступкам и поведенческим реакциям, образу мыслей и интеллекту среднестатистической женщины. Семантический механизм создания юмористического эффекта в таких сюжетах представляет собой столкновение-расхождение значений их опорного компонента. Востребованными его реализациями в сюжетах данной предметно-референциальной области является столкновение-расхождение: а) лексико-семантических вариантов опорной лексемы, б) ожидаемого (предписанного контекстом) значения и неожиданного (обусловленного непредсказуемыми ситуативными мыслительными процессами в когнитивной сфере одного из партнеров по коммуникации) варианта значения опорного компонента, в) значений омонимов, являющихся опорными компонентами сюжета.

Установлено, что данные реализации семантического механизма создания юмористического эффекта в сюжетах предметно-референциальной области «Женщина и автомобиль» позволяют осмыслить в юмористической модальности различные гендерно ориентированные стереотипы социума по отношению к женщине: а) женщина не знакома с терминологией по эксплуатации и вождению автомобиля; б) женщина и экзамен на получение водительского удостоверения – несовместимые понятия; в) женщина не знает устройства автомобиля и названий комплектующих его деталей; г) женщина не знакома с правилами дорожного движения, д) женщина не умеет осуществлять парковку автомобиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иванов В. М. Явление эквивокции в дискурсе анекдота в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999. 135 с.
- ² Ковтунова Е. А. Семантические трансформации в акте коммуникации: (на материале современных языковых анекдотов): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 207 с.
- ³ Москалёва С. И. Лингвистические способы создания комического в некооперативном речевом общении (на материале немецких языковых бытовых анекдотов): Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 200 с.
- ⁴ Девкин В. Д. Занимательная лексикология: *Worthumor* = Язык и юмор: Пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. М.: ВЛАДОС, 1998. 311 с.
- ⁵ Девкин В. Д. Немецкая лексикография: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2005. 669 с.
- ⁶ Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

⁷ Новиков Д. Н. Разграничение полисемии и омонимии в свете когнитивной лингвистики: (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 173 с.

⁸ Никитин М. В. Указ. соч. С. 65.

⁹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
2. Любимова Н. В. Гендерные стереотипы сегодня // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады II междунар. конф., 22–23 ноября 2001 г. М.: Рудомино, 2002. С. 227–235.
3. Миловская Н. Д. Юмор немецкого этноса. Языковой бытовой анекдот. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. 191 с.
4. Миловская Н. Д. Стратегии и тактики немецкого языкового бытового анекдота. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2016. 168 с.
5. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. Герцена, 2003. 277 с.
6. Ольшанский И. Г. Функциональные аспекты исследования полисемии // Лексика и лексикография. М.: Отд. лит. и яз. РАН, 2002. Вып. 13. С. 90–96.
7. Попов Я. В. Стереотипы в восприятии и порождении юмора русским и немецким этносом // Вестник Московской международной академии. 2013. № 1. С. 60–65.
8. Попов Я. В. Этнические стереотипы в национальном юморе как выражение социальных страхов // Вестник Московской международной академии. 2014. № 2. С. 101–108.
9. Семашко Т. Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): В 2 ч. Ч. II. С. 176–179.
10. Собянина В. А. Языковая репрезентация этностереотипов в немецких анекдотах и шутках (на примере интернет-сайтов) // Известия Волгоградского социально-педагогического университета. 2018. № 1. С. 125–130.
11. Фролова Л. Н. Национальные стереотипы русских и немцев. Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 10. С. 245–254.
12. Шувалов В. И. Ироюмористический ингредиент комического // Слово в языке и речи: аспекты изучения: Материалы Междунар. науч. конф. к юбилею проф. В. Д. Девкина. М.: Прометей, 2005. С. 435–443.
13. Foerst R. Die Zündung des Witzes: Eine umfassende Untersuchung der humorbedingten Auslösung des Lachreizes. Hamburg, 2001. 365 S.
14. Macha J. Sprache und Witz. Die komische Kraft der Wörter. Bonn: Bümmler, 1992. 125 S.
15. Online-Wörterbuch Duden [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.duden.de/> (дата обращения 11.02.2020).

Поступила в редакцию 26.03.2020; принята к публикации 19.10.2020

Original article

Natalya D. Milovskaya, Dr. Sc. (Philology), Assoc. Prof.,
Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6886-0678; milnatdm@yandex.ru

Anna S. Iatsenko, Postgraduate Student,
Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7743-8797; anit-94@yandex.ru

LINGUISTIC MEANS OF RIDICULING GENDER STEREOTYPES IN THE HUMOR OF GERMAN ETHNOS

Abstract. This study addresses the linguistic means of implementing a semantic mechanism for creating a humorous effect in German linguistic everyday jokes related to the subject-reference area “a woman and a car”, which make fun of gender stereotypes in the German society. The authors give the definition of a German linguistic everyday joke about a woman as a representative of the feminine gender group of the German society with the special focus on its constitutive features. The article establishes the distinctive characteristics of the semantic mechanism for creating a humorous effect in the jokes of this type, identifies the linguistic phenomena that implement this semantic mechanism, and conducts the detailed contextual and interpretative analysis of a humorous effect formation process on the basis of these phenomena. It is emphasized that the revealed implementations of the semantic mechanism for creating a humorous effect make it possible to humorously comprehend a whole series of gender stereotypes about a woman, which are transmitted to society through the subjects of the subject-reference area “a woman and a car”. The researchers used both traditional linguistic methods (definition analysis and the componential analysis of a word’s lexical meaning structure) and linguo-pragmatic methods (contextual and interpretation analysis). A significant role was given to the method of hypothetical modeling of the situation of humorous communication between the collective author of the plot and the hypothetical recipient. The relevance of this study is associated with the unflagging interest of the linguistic community

in the understudied phenomenon of humor created by an ethnic group with the means of the national language and reflecting the humorous thinking of the people.

Key words: linguistic everyday joke, Wortwitz, woman, stereotype, gender, humorous effect, core component, laughter reaction

For citation: Milovskaya, N. D., Iatsenko, A. S. Linguistic means of ridiculing gender stereotypes in the humor of German ethnos. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):15–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.563

REFERENCES

1. Kobozeva, I. M. Linguistic semantics. Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.)
2. Lyubimova, N. V. Today's gender stereotypes. Gender: language, culture, communication: Proceedings of the II international conference, November 22–23, 2001. Moscow, 2002. P. 227–235. (In Russ.)
3. Milovskaya, N. D. Humor of the German ethnos. Linguistic everyday joke. Ivanovo, 2014. 191 p. (In Russ.)
4. Milovskaya, N. D. Strategies and tactics of the German linguistic everyday joke. Ivanovo, 2016. 168 p. (In Russ.)
5. Nikitin, M. V. Foundations of cognitive semantics. St. Petersburg, 2003. 277 p. (In Russ.)
6. Ol'shanskiy, I. G. Functional aspects of the study of polysemy. *Lexis and lexicography*. Moscow, 2002. Issue 13. P. 90–96. (In Russ.)
7. Popov, Ya. V. Russian and German ethnos stereotypes in humor perception and production. *Bulletin of Moscow International Academy*. 2013;1:60–65. (In Russ.)
8. Popov, Ya. V. Ethnic stereotypes in a national humor as a reflection of social fears. *Bulletin of Moscow International Academy*. 2014;2:101–108. (In Russ.)
9. Semashko, T. F. Stereotype as fragment of linguistic world-image. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov, 2014. No 2 (32): In 2 parts. Part II. P. 176–179. (In Russ.)
10. Sobyagina, V. A. Linguistic representation of ethnic stereotypes in German anecdotes and jokes (based on Internet websites). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2018;1:125–130. (In Russ.)
11. Frolova, L. N. National stereotypes of the Russians and the Germans. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2008;10:245–254. (In Russ.)
12. Shuvalov, V. I. Ironical and humorous component of the comical effect. *Words in language and speech: aspects of studies: Proceedings of the International Research Conference Commemorating the Anniversary of Prof. V. D. Devkin*. Moscow, 2005. P. 435–443. (In Russ.)
13. Foerst, R. Die Zündung des Witzes: Eine umfassende Untersuchung der humorbedingten Auslösung des Lachreizes. Hamburg, 2001. 365 S.
14. Macha, J. Sprache und Witz. Die komische Kraft der Wörter. Bonn: Bümmler, 1992. 125 S.
15. Online-Wörterbuch Duden. Available at: <https://www.duden.de/> (accessed 11.02.2020).

Received: 26 March, 2020; accepted: 19 October, 2020

ЗОЯ ИВАНОВНА МИНЕЕВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 3575-1628-3586-2908; zmineeva@rambler.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООТРОПОВ У А. С. ПУШКИНА

А н н о т а ц и я . Рассматривается употребление зоотропов – названий животных, птиц в переносных антропоцентричных значениях, которые Пушкин использует в речевых актах разных типов. Актуально выявление единиц, которые автор привлекает для экспликации положительной и отрицательной оценки свойств человека, его действий, поведения. Для семантического и прагматического анализа привлекаются тексты разных жанров: трагедии, роман, стихи, эпиграммы, письма. Новизна исследования заключается в сопоставлении семантики и прагматики зоотропов в текстах Пушкина и современных авторов (с помощью Национального корпуса русского языка) и лексикографии с целью определения узуальных и окказиональных единиц. В результате определяются, во-первых, единицы, которые используются для выражения положительной оценки в ласковых обращениях к женщине, при выражении дружеского отношения, одобрения; семантика таких единиц включает мелиоративный компонент. Во-вторых, выявляются зоотропы, которые Пушкин использует для выражения негативной оценки, неодобрения, порицания, брани; семантика этих единиц включает пейоративный компонент. Семантика оценки нивелируется в случае языковой игры, шутки. Референтами положительной и отрицательной оценки выступают герои пушкинских текстов, люди, с которыми Пушкина связывали официальные и неофициальные, дружеские, семейные отношения. Делается вывод о том, что зоотропы Пушкин использует с целью эксплицировать оценку, проявить широкий диапазон положительных и отрицательных эмоций и интенций, а также для языковой игры. В анализируемую группу слов входят узуальные и окказиональные лексемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : зоотроп, прагматика, метафора, метонимия, оценка, пейоративная коннотация, мелиоративная коннотация, языковая игра

Д л я ц и т и р о в а н и я : Минеева З. И. Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564

ВВЕДЕНИЕ

Простота, точность и легкость пушкинского слога, присущие прозаическим и поэтическим произведениям, пронизывают творчество создателя литературного языка и в немалой степени достигаются благодаря точной и емкой образности мудрого и зоркого гения. Взгляд Пушкина во время размышлений, созерцания, наблюдения обращен к внешнему миру с его разнообразными обитателями и внутрь, к своим переживаниям и разгадке человеческих характеров. С одной стороны, насекомые, которые жалят, вредят, наносят ущерб, досаждают поэту, отравляют наслаждение прекрасным временем года: *Ох, лето красное! Любил бы я тебя, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи!* («Осень», 1823, П¹, т. 2: 380). Эти неприятные ощущения ассоциативно связаны с негативной реакцией на действия людей, с которыми автор должен иметь дело. С другой стороны,

общение с природой доставляет удовольствие и вызывает приятные ассоциации: *В чужбине свято наблюдаю Родной обычай старины: / На волю птичку выпускаю / При светлом празднике весны* («Птичка», 1823, П, т. 2: 7). Наблюдения за птицами и насекомыми служат источниками положительных и отрицательных эмоций, инструментом характеристики реальных людей и героев произведений, следовательно, представляют собой путь возникновения мелиоративной и пейоративной коннотации в антропоцентрических значениях названий животных.

Объектом нашего исследования служит сфера пересечения двух миров, природы и человека, точнее, особенности взаимодействия знаний, полученных в процессе наблюдения поэта за миром животных (сфера источника в когнитивном понимании метафоры), и рефлексии в связи с разнообразными проявлениями человеческих типов и характеров (сфера цели).

Данное исследование, целью которого является характеристика прагматических свойств зоотропов у Пушкина в аспекте узuality – окказиональности, продолжает анализ антропоцентрических ЛСВ в материалах «Словаря языка А. С. Пушкина»² и Национального корпуса русского языка (НКРЯ)³ [5]. Основные аспекты исследования – определение круга зоотропов, коннотативные компоненты которых обеспечивают соответствующую прагматику у Пушкина и в современном языке, а также зоотропов с окказиональными и архаичными компонентами, не позволяющими использовать данные единицы в аналогичной прагматической функции в современном языке. Другими словами, нас интересует и необычный (с точки зрения современного восприятия) способ выражения Пушкиным актуальной прагматики с помощью окказионального языкового средства, и случаи семантического сдвига, изменения значения слова, влияющего на реализацию его прагматики.

Изучение пушкинского языка предпринимается учеными в аспекте архаичности – неархаичности:

«С одной стороны, язык Пушкина понятен и не ощущается как архаичный... С другой стороны, пушкинский язык настолько отличается от современного узуса, что интуитивно ощущается как “не вполне свой”, даже если все его элементы не вызывают проблем понимания» [1: 76]

и включает случаи, когда определенный смысл выражается необычным для современного носителя языка способом: «Значение таких выражений в принципе понятно, но сегодня так бы не сказали» [1: 78].

Изучается также семантика слова и ее изменение с XIX века до настоящего времени, такой анализ позволяет преодолеть трудности в понимании интенций автора [6].

ЗООТРОПЫ В ТЕКСТАХ ПУШКИНА

Инвентарь лексем, включающих названия животных в переносном значении, у А. С. Пушкина достаточно объемный и разнообразный с точки зрения представленных в нем классов единиц и реализуемой с их помощью прагматики.

Человек и в настоящее время, и во времена Пушкина и подл., и высок, и мелочен, и великодушен, что находит отражение в исследуемых текстах.

Перенос: название животного → человек может быть метафорическим или метонимическим, а может представлять собой сплав их взаимопереходов. Переносные антропоцентрические значения названий животных в русской картине мира разнообразны, функционально значимы

и прагматически нагружены. Функционирование таких единиц в XIX веке активно изучается [2], [8]. Прагматика имеет дело с оценочными и околочечными значениями, ассоциациями и коннотациями. Пушкин использует прагматический потенциал этих единиц, имплементируя вполне определенные интенции и находя в зоотропах универсальное средство идентификации и характеристики Homo sapiens.

При прагматическом подходе к анализу языковых единиц акцентируется внимание прежде всего на коммуникативных целях того или иного речевого акта, в котором выражается одобрение или порицание определенных качеств референта. Можно также говорить о прагматической установке автора воздействовать на читателя таким образом, чтобы он разделил положительную или отрицательную оценку свойств характера, внешности, манеры поведения, особенности взаимодействия с автором. В одних случаях Пушкин концентрирует свое внимание на аномальных проявлениях человеческого характера, свойств, действий, не соответствующих ожиданиям автора и его представлениям о норме и обуславливающих негативную оценку. В других – коммуникативная цель автора состоит в выражении одобрения.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Экспликация симпатии, похвалы, восхищения осуществляется с помощью лексем, семантика которых включает мелиоративный коннотативный компонент.

Названия птиц традиционно используются в русском языке с целью выражения положительной оценки при комплиментарно-ласковом обращении к девушке, женщине. Пушкин использует зоотропы *косатка*, *лебедушка*, *соловейко*, *пташка*, *птичка*, *голубка*, *голубушка*, *голубчик*, *сокол*. Прагматика положительной оценки, как правило, не обусловлена проявлением конкретного качества, свойства референта, а связана с личностными качествами и положительными эмоциями поэта.

Косатка

У Пушкина вторичное значение лексемы базируется на исходном *косатка* в значении ‘ласточка’ (СП, т. 2):

Согласен, – говорит отец, – Ступай благополучно, Моя Наташа, под венец: Одной в светелке скучно. Не век девицей вековать, Не век косатке распевать, Пора гнездо устроить, Чтоб детушек покоить («Жених», 1825, П, т. 2: 92).

В современном языке имеются омонимы *косатка* ‘дельфин’ и *косатка* ‘рыба’ (БАС-3⁴, т. 8:

510); НКРЯ содержит словоупотребления первого омонима, в том числе в сложениях *дельфин-косатка* (1993), *кит-косатка* (1964, 2002–2009), в сочетании с прилагательным *плотоядный* (2009) и *хищник* (1963). Единичное употребление формы множественного числа отмечается в спортивной сфере для обозначения спортсменов канадского клуба «Ванкувер Кэнакс», известного в России тем, что за него играл российский хоккеист П. Буре. Пушкинской *косатке* соответствует стилистически маркированный омофон *касатка* ‘деревенская ласточка’ и *трад.-нар.* ‘ласковое обращение к женщине, девушке, девочке’ (БТС⁵); в академическом словаре второй ЛСВ снабжен пометой «разговорное» (БАС-3, т. 7: 691). Анализ документов НКРЯ, в которых *касатка* используется в значении ‘дельфин’ (2013, 2014 годы и др.) и ‘спортсмен’ (2009, 2011 годы), ставит под сомнение наличие в современной разговорной речи слова *касатка* (в вокативной функции), мотивированного ЛСВ *касатка* ‘ласточка’.

Лебедушка

Модификационный дериват *лебедушка* у Пушкина представляет собой ласковое обращение к девушке, женщине (СП), эту метафору автор использует в поэтическом тексте: *Что ж, красные девицы, вы примолкли? Что ж, белые лебедушки, притихли?* («Русалка», 1832, П, т. 4: 396), в общении с друзьями: *Прости, прощай – с тобою ли твоя княгиня-лебедушка?* (Письмо П. А. Вяземскому, 13 июля 1825 г., П, т. 9: 167). В современном узусе зоотроп *лебедушка* отсутствует (НКРЯ); по данным лексикографии, сохраняется исходная лексема *лебедь* при обращении к девушке, женщине, в том числе в народно-поэтических текстах (БАС-3, т. 9: 78).

Соловейко

Модификационный дериват *соловейко* мужского рода от названия птицы *соловей* употребляется Пушкиным в прямом значении в стихотворении «Соловей», в переносном значении – по отношению к референту-женщине, обладающей приятным голосом: *Другой Урусов, говорят, женится на Бороздиной – соловейке* (Письмо Н. Н. Пушкиной 3 октября 1832, П, т. 10: 115). В современном языке исходное слово *соловей* используется как обозначение человека с хорошими вокальными данными, при этом наблюдаются коллокации с определяющими прилагательными, лексема *соловейко*, *м.* – Народн.-поэт. Ласк. к ‘соловей’⁶ в число узуальных не входит.

Птичка и пташка

Ласковое обращение к любимой героине *птичка* (первоначально в рукописи) и *пташка*

(в окончательной редакции) автор вкладывает в уста няни: *О пташка ранняя моя!* («Евгений Онегин», 1831, П, т. 4: 71); референт – Татьяна Ларина. Узуальный характер первого зоотропа подтверждается данными словарей [8] и НКРЯ, слово *птичка* в вокативной функции используется с целью выразить положительную оценку референта со стороны говорящего; второй зоотроп входит в состав фразеологизма *ранняя пташка*.

Голубица, голубка, голубушка, голубчик

Пушкиным используются модификационные дериваты ж. р. (*голубица, голубка, голубушка*): *голубица, Красавица-девица* («Жених», 1825, П, т. 2: 94); *Подруга дней моих суровых, Голубка дряхлая моя!* («Няне», 1826, П, т. 2: 152); *Прощай, Мария Ивановна, моя голубушка!* («Капитанская дочка», 1836, П, т. 5: 382) – в качестве ласкового обращения и номинации; м. р. (*голубчик*): *Я с тобой, голубчик, управлюсь, – сказал грозно генерал* («Дубровский», 1832, П, т. 5: 191) – при фамильярном и ироничном обращении к мужчине. *Голубица* и *голубка* в современном языке утратили статус актуальных узуальных средств, переместившись в разряд устарелых. Можно отметить развитие функционально-прагматических свойств у узуальных слов (*голубушка, голубчик*) данной группы, которые употребляются больше для выражения иронии, чем для выражения положительных эмоций.

Сокол

Употребляемое Пушкиным в аппозитивной функции обозначение мужчины (*Прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный!* – *говорила добрая попадья* («Капитанская дочка», 1836, П, т. 5: 382) включает мелиоративный компонент, выражает положительную оценку; данная прагматика сохраняется в современном языке [7], [8].

Таким образом, 5 из 10 названий птиц, привлекающихся Пушкиным для выражения ласкового, приятного отношения к героям произведений и близким друзьям автора, сохраняют характер прагматики и входят в число узуальных единиц современного языка.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Большая группа зоотропов используется для выражения негативной оценки референта, порицания его поведения, неприятия определенных качеств. Пушкин придавал особое значение этому пласту лексики и отдавал себе отчет в серьезности перлокутивного эффекта, наступающего в результате включения в текст такой единицы с мощным воздействующим потенциалом. Каждая из выявленных в пушкинских текстах

лексем занимает определенное место на градусальной шкале в зависимости от эксплицируемой прагматики от иронии до брани.

Тигренок

Модификационный дериват от исходного *тигр* имеет в семантической структуре ('молодой, сильный, хищный') компонент 'невзрослость' и коннотацию негативной оценки. Слово вне контекста не содержит негативно-оценочных коннотаций и скорее включает мелиоративный компонент, обеспечивающий употребление с целью положительной оценки. Тем выразительнее в ткани одной из маленьких трагедий его употребление с целью показать противоестественность, ненормальность противостояния и вражды между скупым отцом и жаждущим богатства сыном. Образ молодого рыцаря, готового в «ужасный век» принять вызов старого отца и сразиться с ним, предстает резко негативным в восприятии герцога, речь которого обращена к враждующим родственникам: *Герцог. Что видел я? что было предо мною? Сын принял вызов старого отца!.. Молчите: ты, безумец, И ты, тигренок! полно* («Скупой рыцарь», 1830, П, т. 4: 319). Использование зоотропа *тигренок* Пушкиным необычно, а прагматика модификационного деривата исключительно индивидуальна.

Щенок

Пушкинский *тигренок* прагматически тождествен современному узуальному *щенок*. Негативно-оценочная грубо-пренебрежительная номинация *щенок* известна Пушкину, он использует ее дважды: *Мужик на амвоне... вязать Борисова щенка!* («Борис Годунов», 1825, П, т. 4: 296); *Вы, щенки! За мной ступайте!* («Утопленник», 1828, П, т. 2: 221).

Насекомые – букашка – наук – жук – мурашка

А. С. Пушкин использует слово *букашка* в предикативной функции в ряду других согипонимов при передаче диалога антагонистов – поэта и критика:

Моё собрание насекомых Открыто для моих знакомых... Вот Глинка – божия коровка, Вот Каченовский – злой наук, Вот и Свиньин – российский жук, Вот Олин – черная мурашка, Вот Раич – мелкая букашка («Собрание насекомых», 1829, П, т. 2: 283).

Букашка появляется у Пушкина именно при передаче диалогов редакторов, критиков и поэта: *Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек. – Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи твои* (Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений, 1830, П, т. 6: 329). После публикации стихотво-

рения Пушкин подвергся резкой критике из-за употребления названий насекомых (*букашка, жук* и др.), обладающих коннотацией резкого уничижения; однако он публикует в «Литературной газете» заметку «Собрание насекомых» (П, т. 6: 65–66), посвященную ранее опубликованному стихотворению, вновь печатает его, сопровождая насмешливо-ироничным комментарием, и обещает издать отдельной книжкой для продажи по 25 рублей, баснословно высокой цене, показывающей ценность и важность ее для поэта, то, что он не готов расстаться с этим текстом.

В современном языке негативная оценка и интенция уничижения при употреблении названий насекомых по отношению к человеку сохраняется: *наук* 'злой', *букашка* и *насекомые* 'ничтожные', *жук* 'хитрый'. *Мурашка* – индивидуально-авторская единица, синонимичная созвучному *букашка*.

Обезьяна

Зоотроп во времена Пушкина представляет собой полисемант. Во-первых, *обезьяна* используется автором в значении 'щеголь, модник' как слово, хорошо известное читателям-современникам. В романе обезьянами названы светские щеголи и волокиты, например, во фрагменте, который начинается строкой «Чем меньше женщину мы любим...»: *...Но эта важная забава Достойна старых обезьян Хваленых дедовских времен: Ловласов обветшала слава Со славой красных каблучков И величавых париков* («Евгений Онегин», 1831, П, т. 4: 76). Автор напоминает, что в стародавние времена ловеласы в модных париках и красных каблучках имели успех, однако теперь он видит в них *старых обезьян*, и негативная оценка, прагматика осуждения усугубляются с помощью зависимого прилагательного, также приобретающего негативно-оценочную коннотацию: *старый* 'плохой'. Аргументом в пользу того, что зоотроп у Пушкина употребляется именно в значении 'щеголь', служит контекст со словом *щегольство*: *Но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который и прозвал его остроумно французской обезьяною* («Арап Петра Великого», 1837, П, т. 5: 27).

Во-вторых, под влиянием французского языка лексема *обезьяна* имела значение 'француз'. В протоколе собрания лицеистов в октябре 1828 года Пушкин вслед за своими друзьями называет себя «французом (смесью обезьяны с тигром)», здесь прослеживается аллюзия к выражению Вольтера «*tigre-stinge*» (обезьяна-тигр, или смесь обезьяны с тигром) для характеристики французов: «Выражение “смесь обезьяны

и тигра” (“tigre-stinge”) было пущено в ход Вольтером как характеристика нравственного облика француза» [3: 380]. Ю. М. Лотман пишет о том, что «две лицейские клички Пушкина по сути являются одной... и ее парафразом» [3: 381]. Употребление слова *обезьяна* в значении ‘француз’ встречаем в стихах Пушкина: *О Вольтер! О муж единственный! Ты, которого во Франции Почитали богом неким, В Риме дьяволом, антихристом, Обезьяною в Саксонии!* («Бова», 1814, П, т. 3: 382). Зоотроп *обезьяна* в значении ‘некрасивый человек’ в XIX веке известен, однако Пушкиным не употребляется.

Генерализация семантики зоотропа делает возможным его употребление для общей негативно-оценочной характеристики без уточнения конкретного качества, обусловившего эту оценку:

Тупые лица, тупая важность – и только! Как ей было скучно! Как она казалась утомленною! Она увидела, чего им было надобно, что могли понять эти обезьяны просвещения, и кинула им каламбур («Рославлев», 1831, П, т. 5: 139).

Сегодня человек, названный обезьяной, представляется прежде всего кривлякой, бездумно повторяющим за кем-либо, слепо копирующим, перенимающим чье-либо поведение, манеры, слова. Репрезентация данного значения представлена в знаменитом рассказе М. Зощенко «Обезьяний язык» и других текстах, а также отражена в лексикографических дефинициях: «*обезьяна* 2. Разг. О человеке, который подражает другим, передразнивает других, гримасничает, кривляется. 3. Разг. Об очень некрасивом человеке» [8]. *Обезьяна* с ЛСВ ‘щеголь’ современным языком утрачена, развитие семантики слова происходит по типу генерализации (‘подражание моде’ → ‘подражание’), прагматика негативной оценки остается неизменной.

Собака – пес

Собака и *пес* используются Пушкиным как бранные слова (СП) в устах рыцаря, который бранит жида Соломона за то, что тот не дает ему денег в долг:

Жид. *Ах, милостивый рыцарь, Клянусь вам: рад бы... право, не могу. Где денег взять?* Альбер. *Полно, полно. Ты требуешь заклада? Что за вздор!.. Иль рыцарского слова тебе, собака, мало?* («Скупой рыцарь», 1830, П, т. 4: 305).

Прагматически употребление зоотропа *собака* обусловлено необходимостью для рыцаря обозначить собственное превосходство и низкое положение ростовщика: как смеет «проклятый жид» и «разбойник», он же «почтенный Соломон», не верить благородному рыцарю. Кроме того,

рыцарь выражает таким образом свое возмущение тем, что Соломон предлагает ему воспользоваться услугами аптекаря, который может дать яд для богатого, но безмерно скупого отца Альбера:

Альбер. *Как! отравить отца! и смел ты сыну... Иван! держи его. И смел ты мне!.. Да знаешь ли, жидовская душа, Собака, змей! Что я тебя сейчас же На воротах повешу. Жид. Я... я шутил. Я деньги вам принес. Альбер. Вон, пес!* (П, т. 4: 308).

Лексема *пес* употребляется для выражения презрительно-пренебрежительного отношения, с подчеркиванием асимметрии статуса и низкого положения референта:

Больно спесив Кирилла Петрович! А небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: Вон, старый пес! («Дубровский», 1833, П, т. 5: 171).

Единство и неделимость творчества Пушкина наблюдаем в использовании зооморфных образов, переходящих из одного произведения в другое. «*Собака!*» – презрительно бросает один благородный рыцарь ростовщику Соломону, другие рыцари – вассалам: *Подлецы, собаки вот мы вас!* («Сцены из рыцарских времен», 1835, П, т. 4: 425). Это же бранное слово повторяет Савельич по отношению к самозванцу Пугачеву: *«Помилуй, батюшка Петр Андреич!» – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке*» («Капитанская дочка», 1836, П, т. 5: 300). Категоричность негативной оценки в речи слуги оттеняется ласково-уважительным, почтительным *батюшка* в именовании молодого хозяина.

В современном языке употребление лексем *собака* и *пес* сопряжено с прагматикой брани и выражения презрения: «*Собака* 3. Разг. О злом, жестоком, грубом человеке / употр. как бранное слово. *Ты стрелял, с.? Отойди с дороги, с. паршивая!*» (БТС, с. 1224); «*Пес* 2. О человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками. *Ах он п. такой; п. паршивый, поганый (бранно)*» (БТС, с. 826).

Змея – змей

Корреляты существительных мужского и женского рода *змея* и *змея* семантически и прагматически тождественны, и варьирование их выбора Пушкиным объясняется версификационными целями. В вышеприведенном фрагменте из «Скупого рыцаря» используется *змея* как квазисиноним зоотропа *собака*, в другой маленькой трагедии – *змея* в речи Сальери как средство зримо представить человека, обьятого завистью:

Сальери. *Кто скажет, чтоб Сальери гордый был Когда-нибудь завистником презренным, Змеей, людьми растоптанною, вживе Песок и пыль грызущую бесильно?* («Моцарт и Сальери», 1830, П, т. 4: 324).

В современном языке сохраняются оба коррелята, причем, как видим, при этом возможно использование лексем в ряду с другими бранными зоотропами:

– *Ах же ты гад, ах ты змей, ах ты барбос ты противный, подколодная гадюка, сволочь и сукин же ты рассын!* – кричала женщина, которую ему и узнавать не надо было, потому что женщина являлась его законной супругой (НКРЯ: Попов Е. Вне культуры (2000)).

Свинья

Зоотроп у Пушкина используется в значении ‘грязный’ и при общей негативно-оценочной характеристике. Референтами на уровне обобщения выступают русский человек как носитель прототипических черт, в другом случае – член семьи (дедушка). Во-первых, при описании типичных черт, присущих этнической группе, к которой относится сам автор, Пушкин обращает внимание на тяготы русских путешественников, с нетерпением ожидающих баню: *Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньей, идет в баню, которая наша вторая мать* (Письмо Н. Н. Пушкиной 3 октября 1832 г., П, т. 10: 114.). Во-вторых, негативно оценивается поведение дедушки, который тратит деньги не на членов семьи, в круг которых входит Пушкин, а на себя и свои прихоти: *Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10000 приданого. А не может заплатить мне моих 12000* (Письмо П. В. Нащокину 22 октября 1831 г., П, т. 10: 75).

В современном языке зоотроп узуальный, представляет собой полисемант, что подтверждается лексикографическими данными: *Свинья* 2. Разг. О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками. *Настоящая с. С. свиньей*. 3. Разг. О человеке, поступающем низко, подло, грубо (БТС, с. 1161). Прагматика порицания свойственна использованию данной лексики в первом и втором значениях, оба значения представлены у Пушкина.

Скот и Скотина

Референтами выступают редакторы, цензоры, которых Пушкин называет *скотами* за вмешательство в творческий процесс, попытки диктовать, какие изменения должны быть внесены в текст:

...если согласие мое, не шутя, тебе нужно для напечатания Разбойников, то я никак его не дам, если не пропустят жид и харчевни (*скоты! скоты! скоты!*), а пока – к чорту его (А. А. Бестужеву 29 июня 1824 г., П, т. 9: 104).

Реализуется прагматика брани, выражения крайне негативного отношения (троекратный

повтор) к лицам, воспоминание о которых неприятно.

Это брат его, князь Григорий, известная скотина («На углу маленькой площади», 1832, т. 5: 490); *Комендантское место около полустолетия занято дураками; но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали* (Дневник 1833–1835, П, т. 7: 341).

Зоотропу свойственна прагматика обозначения асимметрии статуса, подчеркивание говорящим своего более высокого положения:

– *Вы что зеваете, скоты?* – продолжал он, обращаясь к слугам: – *бегите отказать ему* («Арап Петра Великого», 1827, П, т. 5: 30).

Обе единицы узуальные, их функции остаются неизменными в современном употреблении. *Скот* 2. Презрит. О грубом, низком, подлом человеке.

Если он не совершенный с., то обязан извиниться. / Бранно. *Выведите этого скота!*; *Скотина* 2. м. и ж. Презрит. = Скот (2 зн.). *Какая-то с. перебила в вагоне все стекла.* / Бранно. *Ты еще бранишься, с. ты этакая!* (БТС, с. 1201).

Выползок

Слово *выползок*, синоним к *червяк* в распространенной аппозитивной конструкции, Пушкин использует в эпиграмме на критика Каченовского, выдержанной в крайне резком тоне: *Уймись! – и прежним ты стихом доволен будь, Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!* («На Каченовского», 1818, П, т. 1: 67). *Выползок*, м. 1. Кожа змеи, наружный покров гусеницы или насекомого, который она сбрасывает во время линьки. 2. В речи рыболовов – червяк, выползший на поверхность земли (БАС-3, т. 3: 513).

Реализуется интенция уничижения, подкрепляемая контекстом: *выползок плюгавый* (презрит. ‘невзрачный, жалкий на вид человек’). Пушкин уподобляет критика Каченовского червю, выползшему из-под птичьего хвоста, *гузна*. Слово *выползок* на основании анализа данных НКРЯ следует определить как бранное узуальное слово: *Выползок проклятый! Холоднокровная сволочь! Чума в желтых очках!* (НКРЯ: М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)).

Зоотроп используется современными авторами:

Где я... что со мной... Почему позволяю всем этим выползкам безнаказанно бродить по проклятому дому под нереальное звучание моего собственного голоса? (НКРЯ: Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)); *Ладно, ничтожнейший Воронков, выползок из ЦК комсомола, «писатель», ничего не писавший и не написавший...* (НКРЯ: Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008)) и др.

Козел

Чрезвычайно важная и интересная рефлексия Пушкина по поводу того эффекта, который достигается при употреблении зоотропа *козел*, содержится в эпиграмме. Пушкин по существу заложил основу юрислингвистики (лингвокриминалистики) в метаязыковом комментарии, который представляет собой предостережение авторам и наставление о том, как избежать ответственности при использовании негативно-оценочной лексики: *Нельзя писать: Такой-то де старик, Козел в очках, Плюгавый клеветник, И зол, и подл: Все это будет личность* («Эпиграмма», 1829, П, т. 2: 274).

Именно *козел в очках* вслед за Пушкиным использовал М. Горький, такие данные предоставляет Национальный корпус: *Ну, куда тебе, козел в очках, деньги?* (НКРЯ: Максим Горький. Жизнь Клина Самгина. Часть 2 (1928)), а зоотроп *козел* нашел широчайшее употребление с серьезными для адресантов последствиями.

В настоящее время зоотроп *козел* реализует прагматику брани, выражения универсальной резкой негативной оценки. *Козел* «Бранно. О человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью. *Ну и к! Старый к.!*» (БТС, с. 437). Предостережение Пушкина о том, что «не лъзя», иначе «*это будет личность*», звучит своевременно.

По-прежнему бранные зоотропы не утратили своей актуальности и маркируют наличие эмоционально-экспрессивной оценки, используются «с целью обидеть адресата, оскорбить его» (БТС: 16).

Таким образом, негативная оценка выражается с помощью ряда зоотропов в экспрессивных речевых актах в стихотворных и прозаических произведениях, а также в разговорном жанре эпистолярной прозы. Один зоотроп окказиональный (*тигренок*), остальные семь узуальны и современны.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Игра со словом у Пушкина охватывает лексический, словообразовательный и синтаксический уровни. Автор использует для языковой игры сходство внешней формы, позволяющей сближать семантически далекие лексемы (паронимы и омонимы), разные способы словообразования (усечение и заменительная деривация), возможность перестраивать фразему-предложение. При этом эффект не ограничивается шуткой, каламбуром, а помогает автору достичь прагматического эффекта противопоставления, выразить оценку референтов.

Парономазия: *баран* – *барон*

Каламбурное сближение в рамках одного текста разных по семантике, но фонетически близких лексем намечает контекстуальную антонимию: *барон* означает статусного, важного человека, *баран*, напротив, – глупого, а потому незначительного. В дружеском послании Пушкин говорит о бароне Дельвиге и пытается предостеречь его от агрессивных действий недоброжелателей: *Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона* (Письмо П. А. Плетневу 9 декабря 1830, П, т. 9: 376). Игровой характер словопотребления упомянут в монографии [7: 293].

Заменительная деривация: *соловей-разбойник* – *грач-разбойник*

Окказиональный дериват *грач-разбойник* создан Пушкиным на основе узуального составного композита *соловей-разбойник* путем заместительной деривации, замены компонента *соловей* на *грач*. Как и в предыдущем случае, поэтом создается эффект контекстуальной антонимии при актуализации внутренней формы исходного слова. Название птицы *соловей* – носитель положительных качеств, поэтому для реализации прагматики негативной оценки этот компонент в узуальном *соловей-разбойник* заменяется на *грач* с пейоративной коннотацией. С помощью окказионального композита реализуется прагматика пейоризации: *Брата я пожурил за рукописную известность «Бахчисарая». Каков Булгарин и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники* (Письмо П. А. Вяземскому, апрель 1824, П, т. 9: 95).

«Северная Пчела» – северные шмели

Аналогично интенция пейоризации реализуется при употреблении лексемы *шмель* как контекстуально сниженной по сравнению с *пчела*; северными шмелями называет Пушкин Булгарина и Греча, издателей журнала «Северная Пчела»:

За разбор «Мысли», одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству (Письмо М. П. Погодину 1 июля 1828, П, т. 9: 280).

Усечение: *сверчок* – *сверчь*

Зоотропы *сверчок* и *сверчь*, несомненно, отличаются от других названий насекомых, поскольку представляют собой шутовское прозвище поэта в «Арзамасе»: *Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверчь* (письмо П. А. Вяземскому 1831, П, т. 10: 62).

Согласно «Этимологическому словарю» Фасмера, слово *сверчок* восходит к праславянскому *sveřьсѣ ‘вид насекомого’ и образовано от глагола с семантикой звука *сверчати* ‘пронзительно кричать, трещать, щебетать’ // звукоподражательное с экспрессивным преобразованием⁷.

Следовательно, слово *сверч* – окказионализм, образованный усечением от девербатива *сверчок*: *сверчати* ‘трещать’ → *сверчок* ‘насекомое’ → *сверч* ‘прозвище Пушкина в «Арзамасе» и антониминация’.

Пушкин использует полисемическую и омонимическую аттракцию: *бабочка-Филимонов* (журнал «Бабочка») – *бабочка* (‘баба’).

В каламбуре у Пушкина фигурируют омонимы *бабочка* ‘девушка’ (уменьшительно-ласкательный суффиксальный дериват от *баба* + -очк(а) → *бабочка*) и *бабочка* в составе композита (журнал «Бабочка» → *бабочка-Филимонов*, деонимизация, метонимия). Эффект языковой игры достигается каламбурным сближением омонимов, обозначающих, с одной стороны, редактора журнала, с другой – «парнасской» девушки:

Жуковский со смехом говорил, что говорят, будто бы пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к бабочке-Филимонову, в неблагоприятную Коломну, подала повод этому упреку. Филимонов конечно..., а его бабочка конечно рублевая, парнасская Варюшка (Письмо П. А. Вяземскому 25 января 1829, П, т. 9: 29).

Омонимическая аттракция при языковой игре довольно часто используется в современной речи.

Игра с паремией

Исходная пословица – *Далеко кулику до Петрова дня* – используется Пушкиным как средство для противопоставления поэтов: *Конечно, он поэт, но не Вольтер, не Гете... далеко кулику до орла!* (Письмо П. А. Вяземскому 25 мая 1825,

П, т. 9: 163). Орнитоним *кулик* из известной паремии Пушкин заменяет негативно-оценочным зоотропом *кулик* ‘плохой поэт’ для противопоставления *орлу* ‘хорошему поэту’.

Зоотропы в современном языке нередко используются в языковой игре как выражение лингвокреативности [4]. Приемы, которые применяет Пушкин, сохраняют свою актуальность для современных авторов.

Выводы

Наследие Пушкина предоставляет богатый материал для диахронического анализа семантических и функционально-прагматических особенностей русских зоотропов. Названия животных в переносных антропоцентрических значениях автор использует в поэтических и прозаических произведениях, в письмах к друзьям и родным. Проведенное исследование показывает, что эти лексико-семантические варианты сформировали тот корпус зоотропов, который мы имеем сегодня.

Значительная часть зоотропов Пушкина, использованных для выражения положительной и отрицательной оценки, входит в состав узальной лексики и сохраняет соответствующую прагматику. Актуальны использованные Пушкиным конкретные приемы языковой игры на разных уровнях языковой системы.

В целом прагматические коннотативные компоненты исследуемых лексем, которые обнаруживаются в языке Пушкина, за редкими исключениями оказываются аутентичными тем, которые входят в состав современных единиц. Прагматика зоотропов в пушкинских текстах во многом предопределяет тенденции развития этого пласта лексико-семантической системы русского языка. Пушкинское обращение с зоотропами современно и актуально.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Госиздат, 1959–1962. (П.)

² Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Азбуковник, 2000. (СП)

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (дата обращения 30.06.2019).

⁴ Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 3. М.; СПб.: Наука, 2003. 665 с. Т. 7. М.; СПб.: Наука, 2007. 730 с. Т. 8. М.; СПб.: Наука, 2007. 841 с. (БАС-3)

⁵ Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2008. 1536 с. (БТС)

⁶ Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. С. 191.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Т. 3. М., 1971. С. 574–575.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добровольский Д. О. Лексическая семантика в диахронии: язык художественной прозы Пушкина и современное словоупотребление // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 76–82.

2. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянских культур, 2010. 512 с.
3. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. 847 с.
4. Минеева З. И. Агентивы в языковой игре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2017. № 4. С. 169–175.
5. Минеева З. И. Зоотропы в словаре А. С. Пушкина // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 107–114.
6. Пеньковский А. Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 2003. 640 с.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
8. Фролова О. Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 137–158.

Поступила в редакцию 20.04.2020; принята к публикации 10.11.2020

Original article

Zoya I. Mineeva, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 3575-1628-3586-2908; zmineeva@rambler.ru

PRAGMATIC POTENTIAL OF ZOOTROPES IN WORKS BY ALEXANDER PUSHKIN

Abstract. The article analyzes the use of zootropes, i. e., the names of animals and birds with figurative anthropocentric meanings that Pushkin used in speech acts of various types. The author identifies the units that Pushkin used for positive and negative evaluation of people's features, actions, and behavior. Texts of different genres, such as tragedies, novels, poems, epigrams, and letters, are subjected to semantic and pragmatic analysis. Semantics and pragmatics of zootropes in the texts written by Pushkin and modern authors (retrieved from the Russian National Corpus) are compared in order to identify usual and occasional units. As a result, first of all, the units used for positive evaluation in affectionate addresses to women or for expressing amiable attitude and approval are exposed; the semantics of such units comprise meliorative components. Secondly, zootropes are exposed that Pushkin used for expressing negative evaluation, disapproval, reprimand, and verbal abuse; the semantics of those units comprise pejorative components. Evaluation semantics are neutralized in cases of language game or jokes. Positive and negative evaluations are referred to the characters of Pushkin's texts and people with whom Pushkin had official, unofficial, friendly or family relations. The conclusion is made that Pushkin used zootropes with the aim to explicitly express evaluation and expose a wide range of positive and negative emotions and intentions. Zootropes were also used by Pushkin for language game. The analyzed words included both usual and occasional lexemes.

Key words: zootrope, pragmatics, metaphor, metonymy, evaluation, pejorative connotation, meliorative connotation, language game

For citation: Mineeva, Z. I. Pragmatic potential of zootropes in works by Alexander Pushkin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564

REFERENCES

1. Dobrovolskiy, D. O. Lexical semantics in diachrony: the language of Pushkin's prose and modern word usage. *Author's lexicography and the history of words: celebrating the 50th anniversary of the publication of Pushkin's Language Dictionary*. Moscow, 2013. P. 76–82. (In Russ.)
2. Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. Materials for the dictionary of metaphors and similes of the Russian literature of the XIX and the XX centuries. Issue 2: Animals, insects, fish and snakes (L. L. Shestakova, Ed.). Moscow, 2010. 512 p. (In Russ.)
3. Lotman, Yu. M. Pushkin. St. Petersburg, 1995. 847 p. (In Russ.)
4. Mineeva, Z. I. Agentives in a language game. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2017;4:169–175. (In Russ.)
5. Mineeva, Z. I. Zootropes in Alexander Pushkin's glossary. *Author's lexicography and the history of words: celebrating the 50th anniversary of the publication of Pushkin's Language Dictionary*. Moscow, 2013. P. 107–114. (In Russ.)
6. Pen'kovskiy, A. B. Nina: The cultural myth of the Golden Age of Russian literature in linguistic coverage. Moscow, 2003. 640 p. (In Russ.)
7. Sannikov, V. Z. The Russian language in the mirror of language game. Moscow, 2002. 552 p. (In Russ.)
8. Frolova, O. E. Figurative meanings of animal names in explanatory dictionaries (anthropocentric aspect). *Russian Language and Linguistic Theory*. 2005;2(10):137–158. (In Russ.)

Received: 20 April, 2020; accepted: 10 November, 2020

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ВЫРОВЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры медиа-лингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6882-2479; e.vyrovitseva@spbu.ru

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЩЕГЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры медиа-лингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1778-2021; e.scheglova@spbu.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО КОМИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

А н н о т а ц и я . Феномен языковой игры как способа создания журналистского образа – юмористического, ироничного, сатирического – рассматривается как наиболее актуальная проблема, как востребованная и активно развивающаяся традиция в современных российских СМИ. Эстетика постмодернизма вызвала интерес к иронии – эффективному способу как оценки событий, явлений, фактов реальной действительности, так и выражения авторской позиции. В ситуации языковой инфляции все более привлекательным становится многофункциональный текст, рассчитанный на со-творчество, основанное именно на языковой игре. Исследователи определяют «вирус иронии» как характерную черту современного медиатекста, причем парадигма иронии постоянно расширяется: от легкого юмора до уничтожающего сарказма и гротеска. Обращение к творчеству авторитетных и популярных авторов позволяет выявить особенности и закономерности развития языка СМИ. В статье впервые предпринята попытка определить и систематизировать функциональные типы языковой игры как способа создания комического эффекта. На основе анализа работ известных журналистов выделены приемы языковой игры, которые наиболее активно используются для создания юмористического, ироничного, сатирического образов: паронимазия, каламбур, парадоксальная метафора, трансформация фразеологизмов, стилистический контраст. Сделаны выводы о том, что языковая игра как умышленное нарушение нормы проявляется на разных уровнях текста: грамматическом, лексико-семантическом, синтаксическом, стилистическом; что языковая игра в заголовках выполняет различные функции в зависимости от типологических особенностей издания и интенций автора. Очевидно, что обращение публицистов к смеху как к простой и острой форме критики позволяет реализовать различные коммуникативные намерения: юмор, сатира, разоблачение, оскорбление и другие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : языковая игра, ирония, юмор, сатира, публицистический образ, медиатекст

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование проведено при поддержке гранта «Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде» (Соглашение с РНФ № 19-18-00530 от 07.05.2019).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Выровцева Е. В., Щеглова Е. А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 31–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.565

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно языковую игру связывают с категорией комического. И это не случайно. Комическое – «выражение автором своего отношения к чему-либо посредством смеха» [21: 252]. А. А. Бернацкая отмечает:

«Для исполнителя ЯИ необходимы чувство юмора, врожденное чувство языка и специфические, так

сказать, “инженерно-конструкторские” умения, чтобы производить “реконструкцию” формальной стороны высказывания» [3: 39].

Для того чтобы «играть» с языком, нужно как минимум иметь чувство юмора: «Можно сказать, что юмор – это одновременно и тип речевого поведения» [21: 252]. Кроме того, для создания языковой игры необходимо переконструирование

речевого потока, что сходно по своей природе с комическими трансформациями текста и дискурса. А. А. Негрышев выделяет два системных признака языковой игры: намеренное нарушение нормативности и комический эффект [15]. В. Раскин и С. Аттардо, создавая свою теорию комического, предложили выделить в качестве макрокомпонента этой категории семантический аспект [20], [27]. В. Раскин замечает, что все существующие теории комического сводятся к принципу несоответствия, который он считает основным механизмом создания комического эффекта [27]. Языковая игра помогает обнажить это несоответствие, представив его в занимательной для адресата форме.

Языковая игра как феномен уже несколько десятилетий достаточно широко представлена в работах филологов [7], однако первыми к понятию обратились философы: в научный оборот термин языковая игра (*Sprachspiel*) был введен Л. Витгенштейном. Многие авторы представили сугубо лингвистическое осмысление термина, понимая под языковой игрой отклонения от языковой нормы:

«...они имеют место, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. д.)» [9: 175].

При этом ученые представляют языковую игру как прямую реализацию поэтической функции языка, сужая таким образом область ее применения до художественной литературы. Эта линия лингвистической интерпретации термина была продолжена в дальнейших исследованиях. Так, В. З. Санников (1999) в монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» предлагает разграничить шутки ситуативные (предметные), основанные на юмористическом обыгрывании жизненных ситуаций, и собственно языковые, в основе которых лежит интерпретация языковых средств с целью намеренного нарушения нормы. Предметные шутки В. З. Санников предлагает не относить к фактам языковой игры. При этом не учитывается сложность разграничения в повседневной речевой практике первой и второй разновидности [17].

В настоящее время накопился достаточно большой объем работ, рассматривающих арсенал средств, которые могут осуществлять языковую игру [12], [16], [19]. Отдельную группу представляют исследования, рассматривающие языковую игру как характеристику, при-

сущую определенной жанровой форме [8], [22]. Активно развивается изучение языковой игры в медиа, однако эти исследования также в основном сосредоточены на поиске лингвистических средств выражения языковой игры [10], [14], [23]. Между тем британский исследователь Д. Кристал отмечает, что пространство языковой игры и средства ее реализации безграничны:

«Игра со словами – общечеловеческая деятельность. Люди получают удовольствие в вытаскивании слов и воссоздании их в новом облике, перестраивая в интеллектуальные узоры, находя внутри них скрытые смыслы и пытаясь использовать их по специально придуманным правилам в очень разнообразных вариациях» (Здесь и далее перевод наш. – Е. В., Е. Щ.) [24: 64].

Языковая игра является естественной формой бытования языка, вся человеческая жизнь состоит из совокупности языковых игр [21], [23], [24]. Следовательно, невозможно описать все средства осуществления языковой игры, но необходимо искать пути ее изучения в области лингвистики с учетом коммуникативной основы явления. Так, Н. Д. Арутюнова понимает под языковой игрой

«последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [2: 8].

Таким образом, при рассмотрении языковой игры как комического ресурса в цифровой медиакommunikации логично вернуться к широкому, коммуникативному, пониманию языковой игры Л. Витгенштейна: «Языковой игрой я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он сплетен» [5: 79]. Согласно его концепции, языковая игра неразрывным образом сопряжена с формой деятельности, которая ее порождает. Новая форма деятельности ведет за собой новые игры, этому направлению в области медиалингвистики уже посвящены исследования [15], [25]:

«...текст, обыгрывающий в рамках того или иного институционального дискурса определенный “фрагмент” фактологической информации, способствует тем самым ее коммуникативному “усилению” и соответственно является более прагматически маркированным по сравнению с нейтрально-прототипическим типом текста» [15].

Не менее важно понимание слова *игра*, которое получило отражение в толковых словарях разных языков. Например, в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой во втором значении слово определяется как

«занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов и служащее для заполнения досуга, для развлечения, являющееся видом спорта и т. п.»¹. В «Оксфордском толковом словаре» *игра* толкуется как «что-то, что делается для развлечения и отдыха»². «Лонгманский словарь английского языка и культуры» определяет игру как «деятельность исключительно для развлечения»³. Схожая интерпретация дается и в словаре Гриммов: игрой «обычно называется деятельность, которая совершается не ради результата или практической цели, а ради развлечения и удовольствия»⁴. Сходство в толкованиях в словарях английского, немецкого и русского языков основано на понимании игры как деятельности ради самой деятельности и веселья, с ней связанного, и исходит из философского осмысления проблемы игры:

«Это действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроение игры есть отрешенность и восторг – священный или просто праздничный, смотря по тому, является ли игра сакральным действием или забавой. Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несет с собой радость и разрядку» [18: 152].

Сходным образом А. Вежбицкая полагает, что «в игре есть особая цель или задача», но «эта цель не имеет никакого смысла вне игры» [4: 214]. Это понимание языковой игры находит подтверждение в исследованиях конкретного материала в различных сферах речевой деятельности [26]. Профессиональная речевая деятельность журналиста – это особая сфера бытования языка, которая должна порождать свои коммуникативные формы языковой игры.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования стали тексты российских изданий «Известия», «Коммерсантъ», «Новая газета», опубликованные на официальных сайтах этих изданий в период с 2016 по 2019 год. Методом сплошной выборки были проанализированы медиатексты известных публицистов, влияющих на формирование «языкового вкуса эпохи». Исследование способов создания публицистического образа представляется актуальным как в контексте развития отечественной публицистики, так и с точки зрения функционирования медиаречи: «Изучение медиатекстов – основа для формирования представления о том, как реальность конструируется и репрезентируется в средствах массовой информации» [13: 27]. Важнейшей характеристикой языка СМИ стала ирония, что объясняется тра-

дициями отечественной публицистики и результатом воздействия эстетики постмодернизма. Именно эстетика постмодернизма ввела «моду» на интертекстуальность как универсальный способ формирования медиареальности. Особое место в этом процессе занимает игра с прецедентными текстами, что обеспечило современным авторам практически неограниченные возможности для иронической оценки реальной действительности.

Методологические подходы обусловлены спецификой материала исследования и его задачами. Были использованы следующие методы: лингвистический, функциональный, структурно-композиционный, текстуальный, дискурсивный, а также типологизация. В основу методологии был положен лингвокультурологический анализ различных способов и средств создания комического эффекта в современном медиатексте. Дискурсивный анализ как система методов интерпретации медиатекстов нацелен на выделение принципов создания комического эффекта с помощью языковой игры.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕДИАСТИЛЯ

Языковая игра как востребованный и полифункциональный прием в эпоху «интерпретации готового слова» [1] оказывается важнейшей составляющей современного медиасталя, при этом выбор того или иного способа смещения языковой нормы обусловлен дискурсивными особенностями коммуникации, в том числе типологическими особенностями издания, предлагающего целевой аудитории семиотически значимые для нее тексты. «Выражение автором своего отношения к чему-либо посредством смеха»⁵ оказывается важнейшей типологической характеристикой специальных рубрик в периодических изданиях, телевизионных программ («Прожекторперисхилтон», «Вечерний Ургант», «Все было с Дмитрием Быковым», «Фоменко фейк», «Дежурный по стране с Михаилом Жванецким»), проектов на Ютубе («Гражданин поэт», «BadKomedian», «Немагия»). Не менее значимыми при выборе приемов комического оказываются интенции автора, а языковая игра становится важнейшей составляющей идиостиля публициста [6].

К наиболее популярным программам подобного типа на отечественном телевидении можно отнести «Куклы» (НТВ, 1994–2002); «Информационно-паразитическая программа “Итого”» (НТВ, 2001–2002); «Информационно-успокоительная программа “Тушите свет!”» (2000–2003); «Мульт Личности» (Первый канал, 2009–2013), «Прожекторперисхилтон» (Первый канал,

2008–2012, 2017). Самые знаменитые специальные рубрики – «12 стульев» в «Литературной газете»; авторские проекты Андрея Бильжо в газетах «Коммерсантъ», «Известия», в журнале «Вокруг света»; раздел «Филантропия» в «Независимой газете» и др. Языковая игра в большинстве названий привлекает внимание аудитории и создает комический эффект.

В характеристике программ «Тушите свет!» и «Итого» комический эффект усиливается обыгрыванием типологического определения «информационно-аналитическая программа», где заменяется вторая часть составного слова. В одном случае на «паразитическая»: в программе высмеивались наиболее актуальные события и новости, таким образом создатели программы пародировали, а значит, «питались» подобно паразиту, еженедельные телевизионные обзоры, в частности программу «Итого». В другом случае слово «аналитическая» заменялось на «успокоительная». Комический эффект усиливался двойным прочтением выражения «Тушите свет!». В прямом значении семантическая составляющая проявляется на уровне героев и сюжета: Хрюн и Степан – пародийные образы знаменитых ведущих программы «Спокойной ночи, малыши!». Второе значение фразеологизма «Тушите свет!» означало разрушение надежд, плохой финал чего-либо. Именно с такой позиции высмеивались события реальной действительности.

В названии программы «Мульт личности» комический эффект заключался в обыгрывании известного выражения «культ личности», весь текст программы держался на языковой игре: высказывания политиков трансформировались, вписывались в намеренно парадоксальный контекст.

Прецедентность как растиражированный прием языковой игры оказывается наиболее востребованным в современных заголовках, причем дискурсивная адаптация представляется особенно заметной, хотя всегда сохраняется общая доминирующая функция – создание комического эффекта. Созданный с помощью языковой игры образ не всегда получает развитие в журналистском материале и не реализует важнейшую функцию – информационную. На первый план выходят коммуникативная, экспрессивная и рекламная функции, а информативная функция смещается в подзаголовок. В современной медиапрактике подобный тип заголовка называют «кликбейт-заголовок», в котором игровой эффект основан на следующих приемах:

- параномазия – «Билль о словах», «Откат Европы», «Бей до дна»;

- каламбур – «Браво на ошибку», «Из “Заряда” вон выходящий», «Мировое первенство по баксу»;
- окказионализмы – «Нефтеубывающая отрасль», «Незабываемые впечатления»;
- трансформация, нередко парадоксальная, фразеологизма – «Отряд ртутного раздражения», «Песнь о вещих коллегах», «Места для почетных гвоздей», «Дорогу осилит дающий»;
- рифмовка – «Ситуация неуместная – в воде неизвестная», «Злой рок коснулся дорог».

Далеко не всегда использование игрового заголовка с ярко выраженной иронической коннотацией оправданно, но стремление привлечь внимание потенциального читателя оказывается более важной задачей. Игровые заголовки сделали узнаваемым стиль «Известий», «Комсомольской правды», Lenta.ru. Ставший чрезвычайно популярным, вплоть до превращения в штамп, способ создания комического эффекта можно назвать «игрой ради игры», так как смеховая модель и ироническая интенция автора ограничиваются заголовком.

Другой вариант использования приемов языковой игры в современной медиакommunikации основан на обращении к прецедентному тексту с целью создания публицистического образа, который, как правило, выражает главную авторскую идею. Такой подход характерен для колумнистики изданий «Новая газета», «Собеседник», «Сноб», что проявляется уже на уровне заголовка: «Птица высокого помета» (параномазия); «Назвался Другом – полезай в кузов. Скандал в благородном семействе» (параномазия и крылатое выражение, в основе которого – название водевиля XIX века); «В Питере – прыть!» (параномазия); «Децл правды в День сурка» (параномазия и название знаменитой голливудской комедии) и др. Публикации – это критически-сатирическое освоение действительности, рассчитанное на подготовленного реципиента, фоновые знания которого позволяют понять языковую игру.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ИРОНИЧЕСКИХ РЕПОРТАЖАХ АНДРЕЯ КОЛЕСНИКОВА

Интерес как объект исследования с этой точки зрения представляют иронические репортажи Андрея Колесникова в газете «Коммерсантъ». Языковую игру можно назвать причиной трансформации традиционного жанра. При сохранении цели – создание эффекта присутствия – расширяются коммуникативные возможности медиатекста: реципиент включается в игру, основанную на намеренном искажении нормы, и в увлекательный

процесс со-творчества, который держится на выстраивании довольно сложного ассоциативного ряда. Эмоциональный диалог с аудиторией превращается в доминанту развернутого авторского высказывания, где в основе сложного медиаобраза политического события и политического деятеля лежит ирония.

Стилистический и семантический контраст, то есть сопоставление несопоставимых элементов, как на уровне значения, так и на уровне стиля, рождает комический эффект во многих публикациях:

«Производитель крымского вина рассказывал президенту, что он начал работать с виноградниками в Крыму в 2008 году, первое вино сделал только в 2013-м. Но зато и вино его обещает жить долго» (19.03.2019); «Но все же надежда не умирала даже и последней» (7.02.2019).

В репортажах А. Колесникова экспрессивно-коммуникативную функцию реализует заголовок, а информационную – подзаголовок, всегда построенный по единому принципу – сказа, или зачина сказки: «О времена, о врио! Как Владимир Путин Александру Беглову свидетельствовал»; «Проще пареного рэпера. Как на совете по культуре Владимир Путин разбирался с ее носителями». Созданный в заголовке комический образ получает развитие в тексте.

В интертекстуальных заголовках, в развернутых авторских метафорах А. Колесникова выражается концептуальная и эмоциональная позиция автора, чаще всего обыгрывается известный, можно сказать хрестоматийный, прецедентный текст: «Белеет пандус одинокий»; «Министерия-буфф»; «И в град входя, благословил»; «С чего просыпается Родина» и т. п. При этом границы и качество комического различаются – от едкого уничтожающего сарказма до тонкой иронии, позволяющей высказать позитивное отношение к герою или событию, но всегда эмоциональное отношение автора выражено с помощью создания комического эффекта.

В репортаже «Грудой тел, суматохой явленный день отошел. Как Майк Помпео Владимира Путина в Сочи ждал» (15.05.2019) ассоциативный ряд держится на ироническом прочтении стихотворения Владимира Маяковского «Разговор с товарищем Лениным». Торжественный пафос Маяковского пародируется в описании политического события:

«У Владимира Путина в Ахтубинске Астраханской области была запланирована, можно сказать, эпическая программа <...> Майк Помпео и Сергей Лавров гораздо больше, возможно, смогли бы рассказать миру после встречи уже с Владимиром Путиным <...> Но Майк Помпео даже не улыбнулся <...> И все-таки они встретились в этот день <...> величайший по томительности ожидания день».

Развивается и заявленный в заголовке мотив «суматохи», как с помощью лексических повторов – «кроме чудовищной суматохи», так и нагнетанием однородных членов – Владимир Путин увидел: «комплекс “Кинжал”, беспилотники “Охотник-Б”, “Иноходец”, “Корсар”, “Форпост-Р”, радиолокационные станции “Каста-2В”, “Подлет”, комплекс средств автоматизации и “Фундамент-М”». Комический эффект достигается и созданием семантического контраста: указание на сложность и статус мероприятия, с одной стороны, и рассуждения о рснницах пресс-секретаря Госдепартамента госпожи Ортеги – с другой. В финале окончательно развенчается заявленный в заголовке пафос:

«Конечно, возникает законный на первый взгляд вопрос: а о чем же они там все-таки говорили потом? Ведь не молчали же, в самом деле. Да, и мне тоже интересно было бы узнать. Узнаю – сразу скажу».

Контраст в основе и создания публицистического образа, и языковой игры, и иронической оценки можно назвать значимой особенностью репортажей А. Колесникова. Причем нередко это каламбур: «Protvino veritas. Как и где Владимиру Путину может в руки вдруг упасть национальная идея» (9.02.2018); «Здесь русский дух, здесь Беларусью пахнет» (26.12.2018); «Государственный кремлевский творец. Как Владимир Путин объявил крестовый поход за права человека» (1.02.2019).

В репортаже «Несбыточное давление» заявленная в названии метафора разворачивается в тексте, а главным средством создания комического эффекта становится игра, основанная на многозначности слов и на омонимии:

«То есть толкотня в небольшом фойе была такой же, как в Стамбуле на Гранд-базаре в базарный день <...> И точно так же стояла не очень приличная очередь в единственный мужской туалет (мрачные подробности, хорошо, опустим). И снова было не продохнуть (в буквальном, конечно, смысле слова) в самом зале...»; «И идея проводить разросшийся съезд разросшейся, слава богу, организации все там же, на площадке, которая эту организацию уже давно не способна переварить... Да не покажется ли и сам съезд РСПП, проходящий на фоне этой уходящей натуры, такой же натурой? Ну в натуре!...».

В создании медиаобраза политического события участвуют иронические эпитеты: *ошеломляющая легкость, адские бытовые неудобства, истощающе сформулирована, важнейших задач бизнеса*. Несоответствие должного и явного усиливается языковой игрой: «А Борис Титов тем временем, пользуясь данными презентации, на пальцах демонстрировал».

Смех, как доходчивая и острая форма критики, как реализация коммуникативных намерений, например оценить негативные явления, требует сознательно-активного восприятия со стороны аудитории, которая за языковой игрой должна увидеть упрек, недовольство, порицание, насмешку, возмущение, разоблачение и т. п. Очень часто в текстах встречается ироническое обыгрывание несоответствия статуса человека и его поведения.

Намеренное нарушение правил сочетаемости позволяет создать комический эффект и дать оценку герою или событию: *«Господин Баррозу странно застенчиво улыбался»; «И долго еще он говорил под пересмеивающиеся лица и взгляды участников совещания»*. Стилистический и семантический контрасты в публицистике А. Колесникова превращаются в универсальное средство оценки. Между тем фактическая основа репортажа позволяет создавать эффект присутствия, а языковая игра становится способом удержания внимания аудитории, которая приглашена к со-творчеству.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕЛЕОБОЗРЕНИЯХ ИРИНЫ ПЕТРОВСКОЙ («НОВАЯ ГАЗЕТА»)

Языковая игра решает различные задачи в публицистике Ирины Петровской: заявленный в заголовке образ разворачивается в критической интерпретации и оценке современного телевидения. Для создания комического эффекта автор использует прежде всего такие виды языковой игры, как трансформация фразеологизмов и каламбур. В сравнении с репортажами А. Колесникова заголовочный комплекс в материалах И. Петровской представляется более связным и целостным, как на семантическом, так и на стилистическом уровне: *«Говорит и показывает подворотня. На российском ТВ появился новый тип ведущего – гопник»* (13.04.2018); *«Чудотворное ТВ. Путин и Малахов как Дед Морозы нового времени»* (10.01.2019); *«Ведущий хам. Закон отрицательной селекции в телеэфире страны»* (23.05.2019). Авторская оценка не ограничивается иронией, публицист резко критикует явления современной действительности, обращаясь к таким средствам комического, как сатира, сарказм, гротеск.

И. Петровская не высмеивает, а обличает, причем выбор языковых средств и форм всегда детерминирован не только априори негативной оценкой, которая давно стала типологической особенностью «Новой газеты», но и особенностями объекта критики. Комический эффект приобретает определенную стилистическую окраску: для игровой интерпретации выбирают

ся элементы разных функциональных стилей: разговорного – *«Сортир-ТВ. “Международная пилорама” пробивает дно и устремляется все ниже и ниже»* (25.05.2018); художественного – *«Эксклюзив против суперэкссклюзива. С началом телесезона разверзлась бездна»* (11.09.2018); официально-делового – *«Битва с экстрасенсами. Канал “Россия” разоблачает телевизионное мракобесие»* (25.01.2019).

В публикации *«Говорит и показывает подворотня»*, где создан памфлетный образ политических ведущих Первого канала Артема Шейнина и Анатолия Кузичева, особую роль играет экспрессивная сниженная лексика: *«“Не, он нас разводит конкретно”, – недоверчиво процедил Шейнин, после чего они и срезались»; «за неточное ударение можно было схлопотать строгача»; «отчего бы и не поглумиться над “терпилой”»*. Резко критикуя новый тип ведущего – «гопнический», И. Петровская намеренно «жонглирует» просторечной, разговорной лексикой, жаргонизмами, «договариваясь» о правилах игры.

Языковая игра всегда основана на активной коммуникации, когда ее участники понимают и признают правила этой игры, с этой точки зрения сатирический образ, создаваемый в телеобозрениях «Новой газеты», интересен с точки зрения его многоаспектности и полифункциональности.

И. Петровская часто обращается к прецедентным текстам и фразеологическим выражениям, причем точная или трансформированная цитата не всегда обозначена кавычками: таким образом демонстрируется равноправие адресанта и адресата:

«Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь на посмешище – найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? Нашлись, конечно, и щелкоперы, и бумагомараки – разнесли если не по всему свету, то по Сети эту историю, тем более что свой ответ Урганту Соловьев самолично выложил в Сеть, поскольку в эфире на Москву он не прозвучал (Соловьев посчитал эту тему недостойной федерального эфира)» (15.09.2017); *«И вот – новый поворот. Оказалось, что таки да, угроза жизни реально существует»* (7.06.2019).

В первом примере большая цитата из речи героя комедии Н. Гоголя дана без кавычек, а известная любому школьнику комическая ситуация разоблачения переносится в современные реалии. Языковая игра оказывается наиболее эффективным и убедительным средством критики, позволяющим аудитории «достроить», понять и посвоему интерпретировать сатирический образ.

Показательна с этой точки зрения кольцевая композиция данного текста: каламбур в заголовке, основанный на паронимии «Птица высокого помета», повторяется в финале, где уже обыгрывается как случайная оговорка:

«Так что, мальчики, не ссорьтесь. Все одним... миром мазаны. Все *птицы высокого помета, то есть помета*. И все это было бы смешно, когда бы не было так противно».

Здесь сразу несколько игровых моментов: многоточие указывает на возможную замену слова «миром»; известное выражение «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» из стихотворения М. Лермонтова трансформируется в эксплицитную оценку через лексему «противно».

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ ДМИТРИЯ БЫКОВА

Убедительным примером того, как языковая игра становится самой яркой особенностью идиостиля публициста, является творчество Дмитрия Быкова, который смело экспериментирует с языком на самых разных уровнях: лексическом, морфологическом, стилистическом. Так, наиболее востребованными при создании комического эффекта, выражающего практически всегда однозначно негативное отношение автора к объекту критики, становятся окказионализмы: «*мегалидер*»; «*безвыборность*»; «*извратное влечение*»; «когда б не *нацпредатели*»; «*конь-вой*»; «ты, *безъяйкая*»; «мне, еврею, *частушkopиcцy*»; «и мы, после гнили и *обрези*, *отребья*, *тряпья* и *скрепья*»; «*Сплошная нежить, немочь, нехоть*» и т. п. Этот тип языковой игры можно назвать словомейкерством.

Игровая интерпретация действительности вписывается в концепцию семантической игры, которую Ю. М. Лотман определил как «условие риторической организации текста» [11: 187]. На уровне содержания и композиции комическое проявляется в обыгрывании фактов реальной действительности, создании нелепых, порой парадоксальных ситуаций. На принципе парадоксальности основана и трансформация – смещение (иногда разрушение) прецедентных текстов, фразеологических стандартов: «но клянусь, что жру не в знак протеста: *просто жру, и просто на свои*»; «*В этой жизни умирать паршиво. Но не жить – значительно хуже*».

Игровая интерпретация – это «оценочное отношение к объекту. Игра – это всегда субъективная интерпретация события» [13: 30]. В текстах Д. Быкова комический эффект создан намеренным нарушением нормы:

- грамматической – «*клянуся мамой*», «Да так, *нипочему*», «И *злилась* все *лютей*»;

- лексико-фразеологической за счет прибавления, убавления, переноса значений – «Как молвил Мышкину Рогожин – уродцы, князь, людишки, князь!», «Мучительно думать о старости: прокисшая, мутная взвесь...»;
- синтаксической, чаще всего на уровне парцелляции и инверсии – «Лишь мы. Да эти санкции. Да Крым. Да Киселев», «...да, старость нам светит веселая. Щедрее, чем юность была. Конечно, слегка суетливая».

Показателен в этом плане текст Д. Быкова, в котором ужесточение контроля над прессой превращается в развернутую метафору, в основе которой языковая игра – противопоставление мягкого и твердого знака. Уже в названии создается иронически-парадоксальный образ – «Мягкие стихи» (Новая газета. 22.05.2019), он получает развитие на всех уровнях текста, но наиболее экспрессивно это выражено на графическом и семантико-стилистическом уровнях. Автор обыгрывает слова, в которых есть твердый знак:

«отныне не *сЪязвить*, не *сЪехать*, а скоро и не *сЪесть*...»; «А твердый знак в связи с *изЪятьем* сменили запятой»; «Когда в *разЪевшуюся* прессу вернулся твердый знак»; «Не будет *волеизЪявлений* и *обЪявлений*»; «огромная страна *сопит* в *обЪятиях* субъекта» и т. п.

На семантическом уровне обыгрываются значения слов «мягкий» и «твердый»:

«Всегда боролась с твердым знаком *твердеющая власть*»; «*Сопrotивлеенье оттвердело*, исчез СССР, все, кто умеет делать дело, *выписывали “ер”*»; «Сегодня нужен *мягкий кончик*».

Высмеивание и разоблачение ситуации проявляется и на уровне стиля: высокая книжная лексика «сталкивается» с грубыми выражениями: с одной стороны, цитата из стихотворения Бориса Слуцкого «Для тех, кто до сравнений лаком», специальная лексика «Простились с *ижицей* и *ятем*, и с *древнею фитой*»; а с другой стороны, просторечные оскорбительные высказывания и намеки – «И даже *съездить по хлебалу* не может никому»; «И *объявлений, блин*».

Саркастические и гротескные образы становятся эксплицитным способом оценки, которые зачастую основаны на речевой агрессии – грубых просторечных выражениях, навешивании ярлыков, сниженной лексике и жаргоне. Именно языковая игра позволяет отнести Д. Быкова к типу журналиста-ритора: это

«конкретная личность, излагающая свои мысли посредством осознанно мотивированной речевой деятельности и подкрепляющая их паралингвистическими действиями в экстралингвистических условиях» [1: 116].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функции языковой игры в смеховом дискурсе обусловлены типологическими особенностями

издания – типом информации, методами освоения действительности и типом аудитории. Это проявляется уже на уровне заголовков, самым популярным типом которых в современных медиа оказывается игровой с очевидным доминированием комической коннотации.

Наиболее востребованным с точки зрения игровой интерпретации оказывается обращение к прецедентным текстам. Такой тип заголовка востребован не только в массовых и бульварных изданиях, но и в молодежных медиа, где дискурсивная особенность проявляется в обращении почти исключительно к произведениям школьной программы или популярным сегодня названиям, цитатам, именам. В аналитических, критических видах текста иронический или сатирический образ разворачивается в тексте, что проявляется на всех его уровнях: графическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом. Чаще всего в таких заголовках используются каламбур, трансформация фразеологизма, парадоксальная авторская метафора.

Уровень коммуникации адресат – адресант при обращении к прецедентным феноменам оказывается весьма различным: от прецедента как знака до развернутой метафоры.

Не менее значимыми в конкретной коммуникативной ситуации оказываются интенции авто-

ра, которые детерминированы как редакционной политикой издания, так и мировоззренческими, эстетическими, психологическими установками.

Репортер Андрей Колесников освещает деятельность президента России Владимира Путина, что позволяет говорить об одной теме и о доминировании одного принципа создания комического эффекта – иронической интерпретации политических событий. Комический эффект в публикациях создается с помощью контрастного заострения высокого и низкого, иронического «заземления» на себя, неожиданных сравнений и согласований, мнимого отстранения, размытых определений.

Обозреватель Ирина Петровская, хотя и ограничена темой – программы современного телевидения, намеренно выбирает такие факты, события, явления, которые необходимо разоблачить, которые требуют от публициста экспрессивной сатирической оценки.

В сатирической публицистике Дмитрия Быкова резкой критике подвергаются не отдельные факты современной действительности, а идеи, концепции, ситуации, которые не соответствуют ценностным представлениям автора об идеале и которые, с его точки зрения, должны быть развенчаны и уничтожены. Поэтому языковая игра приобретает черты речевой агрессии и даже стеба.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1981. С. 628.

² Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1978. P. 649.

³ Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, Addison Wesley Longman, Inc., 1998. P. 1025.

⁴ Grimm J., Grimm W. von Deutsches Wörterbuch auf CD-ROM und im Internet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dwb.uni-trier.de/de/> (дата обращения 19.12.2019).

⁵ Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л. Р. Дускаевой; Редкол.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 252.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненкова И. В. Медиакурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 391 с.
2. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
3. Бернацкая А. А. Креативность в языке и с языком: к онтологическим основаниям языковой игры // Игра как прием текстопорождения: Коллективная монография / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. С. 34–43.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 2. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
6. Выровцева Е. В. Идиостиль как выражение позиции автора (на примере публицистики Дм. Быкова) // Коммуникация в современном мире / Под общ. ред. проф. В. В. Тулупова. Ч. I. Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2014. С. 142–144.
7. Гермашева Т. М. Языковая игра как инструмент актуализации лингвистической креативности // Вестник АГУ. 2017. № 1 (192). С. 30–33.
8. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47–51.
9. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. И. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.

10. Ильясова С. В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). С. 91–100.
11. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 703 с.
12. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43–48.
13. Мельник Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник (Томск). 2012. № 1. С. 27–30.
14. Михневич О. И. Особенности языковой игры в массмедийном политическом дискурсе // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 99–104.
15. Негрышев А. А. Языковая игра в новостном медиа-тексте: референциально-прагматический аспект // Медиаскоп. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/en/node/669> (дата обращения 25.02.2020).
16. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта, 2006. 344 с.
17. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 542 с.
18. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
19. Цикужева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 90. С. 169–171.
20. Attardo S. Humorous texts: A semantic and pragmatic analysis. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
21. Augarde T. Oxford guide to word games. Oxford; New York: Oxford University Press, 1986. 1216 p.
22. Chiaro D. The language of jokes: Analysing verbal play. London; N. Y.: Routledge, 1992. 129 p.
23. Cook G. Language play, language learning. Oxford: Oxford University Press, 2000. 235 p.
24. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge University Press, 2006. 524 p.
25. Helle-Valle J. Language-games, in/dividuals and media uses // B. Bräuchler and J. Postill (Eds.). Theorising media and practice. Oxford and New York: Berghahn, 2010. P. 191–211.
26. Marone V. Looping out loud: A multimodal analysis of humour on Vine // The European Journal of Humour Research. 2016. No 4 (4): Special issue on humour in social media. P. 50–66.
27. Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht-Boston-Lancaster: D. Reidel, 1985. 283 p.

Поступила в редакцию 13.04.2020; принята к публикации 25.11.2020

Original article

Ekaterina V. Vyrovtsseva, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-6882-2479; e.vyrovtsseva@spbu.ru

Ekaterina A. Shcheglova, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-1778-2021; e.scheglova@spbu.ru

LANGUAGE GAME AS A COMIC MEANS IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The phenomenon of language game as a way to create a journalistic image – humorous, ironic, satirical – is considered a pressing issue as one the most popular and actively developing traditions in modern Russian media. The aesthetics of postmodernism aroused interest in irony – an effective way of assessing events, phenomena or facts of reality, and expressing the author's position. In the situation of language inflation, multifunctional texts designed for co-creation based on language game are becoming increasingly attractive. Researchers define the “irony virus” as a characteristic feature of modern media texts, and the irony paradigm is constantly expanding: from mild humor to annihilating sarcasm and grotesque. Studying the works of authoritative and popular authors enables us to identify the features and patterns of the media language development. The article for the first time attempts to identify and systematize the functional types of language game as a way to create a comic effect. The authors analyze the works of famous journalists to identify language game techniques that are most actively used to create a humorous, ironic, satirical image: paronymy, pun, paradoxical metaphor, phraseological unit transformation, and stylistic contrast. The conclusions are drawn that language game as a deliberate violation of the norm manifests itself at different levels of the text – grammatical, lexical and semantic, syntactic, and stylistic ones, and that in headlines language game performs various functions, depending on the typological features of the publication and the author's intentions. It's obvious that publicists' appeal to laughter as a simple and sharp form of criticism makes it possible to realize various communicative intentions: humor, satire, exposure, insult, and others.

Keywords: language game, irony, humor, satire, journalistic image, media text

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant “The comic as a communicative resource in the digital news environment” (Agreement No. 19-18-00530 of May 7, 2019).

For citation: Vyrovtsseva, E. V., Shcheglova, E. A. Language game as a comic means in modern media discourse. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):31–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.565

REFERENCES

1. Annenkov, I. V. Media discourse of the XXI century. Linguophilosophical aspect of media language. Moscow, 2011. 391 p. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. Anomalies and language (The problem of language “world view”). *Topics in the Study of Language*. 1987;3:3–19. (In Russ.)
3. Bernatskaya, A. A. Creativity in language and with language: the ontological foundations of language game. *Game as a method of text production: Collective monograph*. (A. P. Skovorodnikov, Ed.). Krasnoyarsk, 2010. P. 34–43. (In Russ.)
4. Vezhbitskaya, A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.)
5. Wittgenstein, L. Philosophical works. Part 2. Moscow, 1994. 612 p. (In Russ.)
6. Vyrovtsseva, E. V. Idiostyle as the reflection of the author’s position (illustrated with D. M. Bykov’s journalism). *Communication in the modern world*. Voronezh, 2014. P. 142–144. (In Russ.)
7. Germasheva, T. M. Language game as a tool for updating linguistic creativity. *The Bulletin of Adyge State University*. 2017;1(192):30–33. (In Russ.)
8. Gridina, T. A. Language game in the genre of political joke. *Political Linguistics*. 2011;4(38):47–51. (In Russ.)
9. Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. I. Language game. *Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture*. Moscow, 1983. P. 172–214. (In Russ.)
10. Ilyasova, S. V. Language game: word-formation, graphic, orthographic (on the material of the modern Russian mass media texts). *Media Linguistics*. 2015;1(6):91–100. (In Russ.)
11. Lotman, Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg, 2004. 703 p. (In Russ.)
12. Maslova, V. A. Political discourse: language games or playing words? *Political Linguistics*. 2008;1(24):43–48. (In Russ.)
13. Melnik, G. S. Media text as an object of linguistic research. *Journalist Yearbook (Tomsk)*. 2012;1:27–30. (In Russ.)
14. Mikhnevich, O. I. Peculiarities of the language game in the mass media political discourse. *Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: Linguistics creativity*. 2015;1:99–104. (In Russ.)
15. Negryshev, A. A. Language game in news media text: reference-pragmatic aspect. *Mediascope*. 2010;4. Available at: <http://www.mediascope.ru/en/node/669> (accessed 25.02.2020). (In Russ.)
16. Norman, B. Yu. Playing on the edges of language. Moscow, 2006. 344 p. (In Russ.)
17. Sannikov, V. Z. The Russian language in the mirror of language game. Moscow, 1999. 542 p. (In Russ.)
18. Huizinga, J. Homo Ludens: Papers on the history of culture. Moscow, 1997. 416 p. (In Russ.)
19. Tsikusheva, I. V. Language game phenomenon as an object of linguistic investigation. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009;90:169–171. (In Russ.)
20. Attardo, S. Humorous texts: A semantic and pragmatic analysis. Berlin, 2001. 238 p.
21. Augarde, T. Oxford guide to word games. Oxford, New York, 1986. 1216 p.
22. Chiaro, D. The language of jokes: Analysing verbal play. London, N. Y., 1992. 129 p.
23. Cook, G. Language play, language learning. Oxford, 2000. 235 p.
24. Crystal, D. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge University Press, 2006. 524 p.
25. Helle-Valle, J. Language-games, individuals and media uses. *B. Bräuchler and J. Postill (Eds.). Theorising media and practice*. Oxford and New York, 2010. P. 191–211.
26. Marone, V. Looping out loud: A multimodal analysis of humour on Vine. *The European Journal of Humour Research*. Special issue on Humour in Social Media. 2016;4(4):50–66.
27. Raskin, V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht-Boston-Lancaster, 1985. 283 p.

Received: 13 April, 2020; accepted: 25 November, 2020

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

КОЛЛЕКЦИЯ ТВЕРСКИХ КАРЕЛЬСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ФОНОГРАММАРХИВЕ ИЯЛИ КарНЦ РАН

А н н о т а ц и я . Предложен обзор тверских карельских аудиоматериалов, хранящихся в фондах Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск). Записи произведены сотрудниками института в период с 1958 по 1983 год в 62 населенных пунктах восьми районов Калининской (Тверской) области от 168 информантов. Материалы коллекции представляют собой научную, культурную и историческую ценность. Они содержат образцы речи всех трех тверских диалектов собственно карельского наречия карельского языка: толмачевского, весьегонского и держанского. В бытовых рассказах подробно описаны все стороны традиционного жизненного уклада тверской карельской семьи конца XIX–XX веков. Образцы разнотипного устного народного творчества тверских карелов могут послужить основательной базой для изучения фольклорной традиции региона. Материал коллекции представлен в статье в виде двух сводных таблиц, которые помогут пользователям ориентироваться в ней. Источник может быть полезен для широкого круга специалистов: лингвистов, фольклористов, историков, этнографов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : тверские карелы, карельский язык, аудиоматериалы, Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, образцы речи, фольклорные тексты

Б л а г о д а р н о с т и . Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Новак И. П. Коллекция тверских карельских диалектных материалов в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 41–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.566

ВВЕДЕНИЕ

Материалы устной истории, такие как произведения народного творчества (предания, легенды, были и пр.) или записанные лингвистами с целью фиксации диалекта образцы речи, являются важнейшими источниками для изучения не только языка, но и этнокультурной истории карельского народа, не обладающего продолжительной письменной традицией. В Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск) хранится крупнейшая в России коллекция аудиозаписей, произведенных сотрудниками института в ходе работы экспедиций в места компактного проживания карелов Карелии, Тверской, Ленинградской и Мурманской областей. Первые грамзаписи карельского фольклора датированы 1940–1941 годами. Десятилетие с 1948 по 1957 год также представлено в основном фольклорными аудиоматериалами. Плановая запись образцов карельской речи лингвистами

института началась в 1958 году и вскоре стала основным средством научной фиксации¹.

Значительную часть карельских материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН представляют записи, выполненные в Тверской Карелии с 1958 по 1983 год². Пополнение коллекции тверских карельских материалов производится и в настоящее время при помощи современных средств аудио- и видеофиксации.

РАННИЕ ТВЕРСКИЕ КАРЕЛЬСКИЕ АУДИОМАТЕРИАЛЫ

Самые ранние тверские карельские аудиозаписи лингвистов М. И. Муллонен, Г. Н. Макарова, В. П. Тарасова, В. Е. Злобиной и этнографа Р. Ф. Тароевой датированы 1958–1963 годами. Они представляют собой 34 единицы хранения³ (№ 32–34, 38, 80–82, 119–138, 237–238, 241, 299–302), содержащие в общей сложности около 250 треков образцов речи и фольклорных текстов, собранных от 96 информантов

в 36 населенных пунктах Весьегонского (5 пунктов/10 информантов), Зубцовского (3/5), Краснохолмского (1/1), Лесного (2/4), Лихославльского (3/7), Максатихинского (2/3), Рамешковского (9/13) и Спировского (11/53) районов Калининской области.

В табл. 1 приведена следующая информация о ранних записях коллекции: район, населенный пункт, фамилия и инициалы информанта (с указанием года рождения, при наличии), год записи,

номер единицы хранения, фамилия собирателя, а также записанные жанры: 114 бытовых рассказов, 51 сказка, 32 записи частушек (от одной до 11 частушек в треке), 18 образцов детского фольклора, 14 песен, 13 плачей (рекрутские, свадебные, похоронные), 4 заговора, присказка, бывальщина, пословицы и поговорки. Подача материала производится в алфавитном порядке: название района > название населенного пункта > фамилия и инициалы информанта⁴.

Таблица 1. Тверские карельские аудиоматериалы 1958–1963 годов⁵
Table 1. Tver Karelian audio materials from 1958–1963

Место записи	Информант, год рождения	Жанр	Год	Ед. хр.	Собиратель
Весьегонский район					
Алексино	Лоскутова А. П.	рассказ, част.	1958	34	Муллонен
Ивашково	Смирнова М. Н., 1901	кумул.	1958	34	
Мосеевское	Антонов Ваня	рассказ	1958	34	
	Антропова, Иванова	част.	1958	34	
	Виноградов Я. А.	рассказ	1958	34	
	Манжин К. В.	поговорки, пословицы, част.	1962	241	Тароева
	Смородинов Н. С., 1909	программа	1958	32	Муллонен
Тимошкино	Красненкова И. А., 1891	рассказ	1958	32	
Филиппово	Полетаева А. А.	рассказ	1958	34	
Зубцовский (Погорельский) район					
Александровское	Чугаева М. И.	присказка, рассказ, сказка, част.	1961	138	Макаров
Новое	Павлова А., 1890	рассказ	1960	128	
	Стогова М.	плач, рассказ, сказка	1960	128	
Семеновское	Журавлев Ф. Е., 1892	рассказ, част.	1960	127	
	Смирнова С.	сказка	1960	127	
Краснохолмский район					
Коровкино	Кудрявцева М. И.	диалог, рассказ, сказка	1958	38	Муллонен
Лесной район					
Свищево	Румянцев И. И., 1882	рассказ	1958	32, 34	Муллонен
	Румянцева Е. И., 1875	диалог, песня, рассказ	1958	32, 34	
Спирово	Варфоломеева Е. П.	песня, сказка	1958	33, 34	
	Смирнова А. П.	сказка, част.	1958	33	
Лихославльский район					
Виноколы	Соколов И. Д., 1922	легенда, песня, рассказ, сказка	1961	136, 137	Макаров
	Трусов И. Ф., 1885	рассказ	1961	136	
Воробьево	Данилова Т. М.	рассказ	1963	299	Злобина
	Смирнов А. А., 1885	заговор, рассказ	1963	300	
	Смирнова А. В.	рассказ	1963	300	
Гнездово	Ермолаева А. А., 1904	колыб., рассказ	1962	237	Тароева
	Тимофеева А. А.	рассказ	1962	237	
Максатихинский район					
Горячево	Голубев Я. Г., 1890	сказка	1958	33	Муллонен
Раевское	Гумилев И. Я., 1886	сказка	1958	33	
	Иванов А. И., 1890	бывальщина, песня	1958	33	
Рамешковский район					
Дымцево	Информантка, 1886	свад. песня, част.	1958	33	Муллонен
Зубцово	Прокофьев М. М.	рассказ, сказка	1960	130, 131	Макаров

Продолжение табл. 1

Место записи	Информант, год рождения	Жанр	Год	Ед. хр.	Собиратель
Кожино	Волкова А. Е., 1896	рассказ	1958	33	Муллонен
	Ратаев Н. П., 1890	рассказ, сказка	1958	33	
Марково	Беляков М. А.	рассказ	1960	131	Макаров, Тарасов
	Белякова И. А., 1893	рассказ	1960	124	
	Кулакова А. Ф., 1897	рассказ, част.	1960	131	
Лядины	Годунова У. Н., 1892	рассказ	1962	239	Тароева
	Лаврентьев М. Л., 1882	рассказ	1962	238, 239	
Перегородка	Кузнецова П. И., 1896	рассказ, част.	1962	238	
Пустораменка	Белякова А. К., 1873	рассказ	1960	123, 125, 126, 129	Макаров
Среднее	Гладков Г. А.	рассказ	1958	33	Муллонен
Устюги	Бубнова М. К.	кумул., рассказ, свад. плач, сказка, част.	1960	124	Макаров, Тарасов
Спировский район					
Березовка	Смирнов В. Е., 1931	сказка	1961	135	Макаров
Козлово	Борисов И. Ф., 1902	рассказ	1960	122	
	Орлова А. П.	песня, рассказ	1959	82	
	Радужева А. С.	песня, част.	1959	81, 82	
	Титова Е. Е.	песня	1959	81, 82	
Крапивка	Шахматова Е. А.	песня, пох. плач, рассказ, рекр. плач, свад. плач, част.	1959, 1960	81, 82, 120	Макаров, Тарасов
	Воробьев А. Ф.	рассказ	1961	133, 134	Макаров
	Королев Н. А., 1884	рассказ	1961	133	
	Теляшов Н. И.	рассказ	1961	134	
	Теляшова А. С.	рассказ	1961	134	
Малое Козлово	Гагарин Н. Ф., 1916	рассказ, сказка, част.	1960	120–122	Макаров, Тарасов
	Комарова М.	рассказ	1960	120	
	Руджина А.	рассказ	1960	120	
	Фадеев А. Ф.	рассказ	1960	120	Тарасов
	Федоров Витя	рассказ	1960	120	Макаров, Тарасов
Малое Нивище	Кудряшова М. Д.	заговор, рассказ, част.	1960	119	
	Хвалова П.	рассказ	1960	119, 120	
Нестериха	Виноградова Т.	сказка, част.	1960	122	
	Комаров В.	анекдот, сказка	1960	122	
Никулино	Громова М. М., 1893	рассказ	1963	301	Злобина
	Макарова Т. П., 1887	кумул., рассказ	1963	302	
	Максимова М. А.	плач, рассказ, рекр. плач, сказка, част.	1963	300, 302	
	Соколова М. М., 1990	кумул., песня, рассказ	1963	299, 301, 302	
	Прыдкова Н., 1990	рассказ, сказка	1963	301	
Пасынки	Гаврилова Е. М.	детск. байка	1959	81	Макаров
	Лебедева, Смородова О.	част.	1959	80	
	Коннычева А.	рассказ	1960	130	Макаров, Тарасов
	Рыбкина А., 1885	рассказ	1960	130	
	Смирнов К.	стих.	1959	80	Макаров
	Смирнов Т., 1948	сказка	1959	80	
	Смирнова З. Ф.	сказка, стих.	1959	80	
	Смородова М. Ф.	рассказ	1961	132	
	Смородова П. И.	рассказ	1960	119, 120	Макаров, Тарасов
	Смородова П. Ф.	рассказ	1960	120	
	Тимичева М., 1889	рассказ	1960	130	Макаров

Окончание табл. 1

Место записи	Информант, год рождения	Жанр	Год	Ед. хр.	Собиратель
Плоское	Гаврилов И.	частушки	1959	80	Макаров
	Гаврилова Н. И.	песня, част.	1959	80	
	Лебедев В.	сказка, част.	1959	80	
	Лебедев Ф. Л.	детск. байка	1959	81	
	Лебедева Н. В.	детск. байка, кумул., сказка, считалка	1959	80, 81	
	Никитина М. А., 1904	рассказ	1962	238	Тароева
	Петров И. П.	рассказ	1961	132	Макаров
	Петрова Е. П.	песня, рекр. плач, част.	1959	80	
	Смородов Толя	песня	1959	80	
	Смородова Оля	песня, част.	1959	80	
	Соколова А.	детск. байка	1959	80	
	Тарасова М.	плач	1959	80	
	Тарасова Н. Н., 1904	рассказ	1962	238	Тароева
Тимошкино	Черногорова К. И.	рассказ	1961	132, 133	Макаров
	Зазубрина М. Д., 1911	детск. песня, сказка	1961	135, 136	
Яблонька	Соловьев М. А.	рассказ, сказка	1961	134, 135	Злобина
	Софронова М. С., 1893	рассказ, сказка	1963	299	

Материалы этой части коллекции выборочно представлены в сборнике «Образцы карельской речи» (1963)⁶, составленном Г. Н. Макаровым.

ТВЕРСКИЕ КАРЕЛЬСКИЕ АУДИОЗАПИСИ А. В. ПУНЖИНОЙ

Основная часть коллекции тверских карельских диалектных материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН представлена записями, произведенными в период с 1966 по 1983 год языковедом А. В. Пунжиной (1934–2020), в том числе в совместных с коллегами В. П. Федотовой и Н. Н. Мамонтовой экспедициях. Речь идет о 129 единицах хранения (№ 674–685, 850–857, 1199–1209, 1226–1236, 1574–1593, 1970–1977, 2830–2837) с записанными на них 1,5 тыс. треками – образцами диалектной речи и фольклора (около 65 часов записи) (табл. 2).

Тверская карелка Александра Васильевна Пунжина родилась в г. Калинин 20 мая 1934 года. Ее родители были родом из окрестностей села Толмачи Лихославльского района. Закончив в 1953 году Толмачевскую среднюю школу, Александра Васильевна поступила на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. После окончания университета она несколько лет проработала учителем в школе, а в конце 1965 года была приглашена на должность научного сотрудника в сектор языкознания Института языка, литературы и истории.

Свою первую поездку в родную Тверскую Карелию с целью сбора лингвистического материала А. В. Пунжина совершила еще в студенческие годы в составе экспедиции по заполнению «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» под руководством Г. Н. Макарова. Летом 1966 года состоялась ее первая, совместная с В. П. Федотовой, экспедиция уже в качестве языковеда в родной Лихославльский район Калининской области. В Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН хранятся аудиоматериалы, записанные тогда в с. Толмачи, деревнях Ветча, Прудово, Черновка, Воскресенское, Митецкое (7 ед. хр.). Тем же летом Александре Васильевне удалось записать и карелов Спировского района (деревни Прудовка, Ямное, Морозовка – 5 ед. хр.). В последующие годы практически ежегодно совершалась одна экспедиция к тверским карелам, сбор языкового материала осуществлялся также во время отпусков, проводимых исследовательницей на малой родине [2: 73–74].

Записанный в процессе полевой работы материал по всем тверским карельским диалектам послужил основой для кандидатской диссертации А. В. Пунжиной по теме «Именные категории в тверских говорах карельского языка» (1977), а также богато проиллюстрировал словарные статьи составленного языковедом «Словаря карельского языка: Тверские говоры» (1994) [1: 76–79], [2: 72–73].

Таблица 2. Тверские карельские аудиоматериалы А. В. Пунжиной⁷
 Table 2. Tver Karelian audio materials recorded by A. V. Punzhina

Место записи	Информант, год (место) рождения	Жанр	Год	Единица хранения
Весьегонский район				
Абросимово	Дорофеева А. И., 1914	антропонимия, топонимия	1971	1582
Корнягово	Локкин Т. П., 1894	рассказ	1971	1579
Плоское	Воробьев Д. Е., 1904	рассказ	1971	1576
	Воробьев Я. П., 1900	рассказ	1971	1577
	Воробьева П. С., 1904	рассказ	1971	1577
Поповка	Губанов И. П., 1885	рассказ, топонимия	1971	1581
	Смирнова А. С., 1907	антропонимия, нар. мед., приметы, рассказ	1971	1581
	Федотова А. И., 1900	антропонимия, рассказ	1971	1580
Пятницкое	Портнова А. Т., 1894	рассказ	1971	1580
	Портнова М. Т., 1899	антропонимия, рассказ	1971	1580, 1582
	Рипатти М. И., 1910 (Ленинградская обл.)	песня, рассказ	1971	1581
Старое Шилково	Гусева М. П., 1894	рассказ	1973	1974
	Квасова Л. И.	рассказ	1973	1974
	Соколов П. И., 1884	рассказ	1973	1974
	Соколова М. К., 1822	приметы, рассказ	1973	1974, 1976
	Сыроварова М. М., Горбина А. Ф.	рассказ	1973	1976
Тимошкино	Комарова А. А., 1918	рассказ, топонимия	1971, 1973	1582, 1583, 1973
	Комарова Е. С., 1909	нар. мед., приметы, рассказ	1971	1575, 1577, 1583
	Красненкова Е. И., 1907 (Новое Шилково)	рассказ	1973	1972
	Красненкова И. А., 1893	рассказ, гадания, нар. мед., обычаи, поверья, приметы	1971, 1973	1575, 1578, 1579, 1970–1973
	Руймин Витя, 1962 (Новое Шилково)	рассказ	1973	1971
	Смирнова В. М., 1898 (Иван-гора)	антропонимия, рассказ, топонимия	1971, 1973	1574, 1971
Чухарево	Светлова Е. А., 1901 (Яснево)	поверья, приметы, рассказ	1983	2836, 2837
Щетка	Чистякова М. Ф., 1906	рассказ	1971	1582
Яснево	Катков И. А., 1896	песня, рассказ	1973	1976
	Каткова А. А., 1901, Каткова З. И., 1928	кумул.	1973	1976
Зубцовский район				
Александровское	Абрамова Е. Н., 1898	рассказ	1967	854
Васильевское	Туманова А. Г., 1906	рассказ, сказка	1967	854, 855
	Туманова А. С., 1901	нар. мед., обычаи, поверья, рассказ, свад. обряд, топонимия	1967, 1969, 1970, 1978, 1980	1234, 1235, 1591, 2834, 2835
Ивановское	Данилова П. Н., 1885	рассказ	1967	851
	Денисова М. Я., 1891	рассказ	1967	850
Новое	Гранская Е. С., 1895	антропонимия, поверья, рассказ	1967, 1969, 1970	853, 1228, 1235, 1584–1587, 1590, 1591
	Михайлова Ф. Н., 1894	поверья, приметы, рассказ, част., шутка	1967, 1969, 1970	852, 1227, 1228, 1235, 1584–1588, 1590, 1591
	Павлова А. И., 1892	поверья, приметы, рассказ, част., шутка	1967, 1969, 1970	853, 1226, 1227, 1229, 1584, 1585, 1587, 1588, 1591
	Перышкин А. И., 1893	рассказ, топонимия	1970	1590

Окончание табл. 2

Место записи	Информант, год (место) рождения	Жанр	Год	Единица хранения
Семеновское	Лепчикова М. М., 1899	легенда, обряды, обычаи, поверья, приметы, рассказ, топонимия	1967, 1969, 1970	855, 1230–1233, 1589
Лихославльский район				
Ветча	Гречуляев Ф. Ф.	бывальщина	1966	677
Воскресенское	Карасева М. Ф.	рассказ, част.	1966	679
Гаврилково	Веселов М. М., 1936	рассказ	1973	1975
	Веселова А. И., 1907	рассказ	1973	1975
	Веселова Е. И., 1941 (Комаровка)	рассказ	1973	1975
Змеево	Порозова Е. К., 1904	рассказ	1978	2832
	Чумарев Г. А., 1903	рассказ, топонимия	1978	2830
	Чумарева А. Ф., 1907	рассказ, топонимия	1978	2830
Курганы	Борисова М. И., 1908	рассказ	1969	1199–1207, 1236
	Пунжина Д. И., 1902	поверья, рассказ	1969	1199, 1236
Митецкое	Шишкова А. И.	плач	1966	679
Прудово	Белякова А. М., 1905	поверья, приметы, рассказ, свад. обряд	1978	2831, 2833
	Макарова Е. К.	рассказ	1966	677, 678
	Никифорова Н. Я.	песня, част.	1966	677
Толмачи	Беляева М. А., 1911	плач, рассказ, част.	1966, 1969	678–680, 1205,
	Лисицына Е. Ф., 1908 (Спорное)	легенда, обычаи, поверья, приметы, рассказ	1966, 1969, 1970	675, 1208, 1209, 1592, 1593
	Пунжин В. И., 1906 (Курганы)	рассказ	1966, 1969	675–677, 1206, 1207
	Родионова П. П.	песня, рассказ	1966	674
Черновка	Суслова А. А.	плач, топонимия	1966	678
Максатихинский район				
Сельцы	Воробьев В. П., 1898	рассказ	1973	1975
	Воробьева А. А., 1899	рассказ	1973	1977
Рамешковский район				
Лахино	Куманин В. В., 1917	рассказ	1967	857
Пальцево	Петрова М. И., 1892	рассказ	1967	857
	Смолина П. М., 1904	присказка, рассказ	1967	856
	Царенков И. П., 1908	рассказ	1967	856
Спировский район				
Морозовка	Николаева А. П.	песня, плач, рассказ, част.	1966	684, 685
	Суричева И. Н.	приметы, рассказ, част.	1966	683
Прудовка	Александрова В. М.	сказка	1966	682
	Белова П. Я.	присказка, рассказ, сказка	1966	681, 682
	Семенова А. Т.	кумул., плач, рассказ	1966	681
	Смирнов П. А.	бывальщина	1966	684
	Смирнова П. А.	бывальщина, рассказ, сказка	1966	682, 684
Ямное	Овчинников С. Е.	рассказ	1966	685
	Овчинникова М. Н.	рассказ	1966	680

В Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН хранятся аудиозаписи, произведенные А. В. Пунжиной от 72 информантов из 30 населенных пунктов шести наиболее густонаселенных в середине XX века карелами районов Тверской области: Весьегонского (10 пунктов/28 информантов), Зубцовского (5/10), Лихославльского (9/19), Максатихинского (1/2), Рамешковского (2/4) и Спировского (3/9). Больше всего образцов диалектной речи записано от информантов М. И. Борисовой (170 образцов) из д. Курганы и Е. Ф. Лисицыной (96) из с. Толмачи Лихославльского района, М. М. Лепчиковой (131) из д. Семеновское, А. С. Тумановой (108) из д. Васильевское, а также А. И. Павловой (120), Ф. Н. Михайловой (81), Е. С. Гранской (66) из д. Новое Зубцовского района, И. А. Красненковой (134) из д. Тимошкино и Е. А. Светловой (66) из д. Яснево Весьегонского района. И это не удивительно, ведь многих информантов А. В. Пунжина записывала неоднократно, например, Е. С. Гранскую в 1967, 1969, 1970 и 1971 годах, а А. С. Туманову в 1967, 1969, 1970, 1978 и 1980 годах. Знание языковедом карельского языка и местных социокультурных норм помогали расположить респондентов к себе, позволяя им ощутить собственную значимость, что отразилось и на качестве полученной информации.

По жанрам записи представлены следующим образом: наиболее распространены бытовые рассказы (1254 записи), приметы (45), поверья (42), обычаи (27), народная медицина (25), обряды (24: крещение, свадебные, похоронные). Такие фольклорные жанры, как сказки (11), частушки (11), плачи (10), песни (9), гадания (7), легенды (5), шутки (7), присказки (4), кумулятивные стихотворения (2), бывальщины (2), встречаются в записях значительно реже, что объясняется профессиональной ориентацией собирателя именно на фиксацию живой диалектной речи. В материалах коллекции также представлено 16 записей по топонимии (Семеновское, Васильевское, Тимошкино, Поповка, Абросимово, Новое, Змево) и 7 по антропонимии.

С расшифровками А. В. Пунжиной можно познакомиться в изданиях «Прибалтийско-финское языкознание» (1971)⁸, «Näytteitä karjalan kielestä» (1994) [6], «Слушаю карельский говор» (2001) [5], «Культура повседневности карельской семьи» (2014) [4].

НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ АУДИОЗАПИСЕЙ КОЛЛЕКЦИИ

Уникальность представленных в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН тверских карельских материалов не вызывает сомнения.

География записей свидетельствует о том, что на пленке хранятся образцы говоров всех карельских диалектов региона: толмачевского (около 55 % записей), весьегонского (18 %) и держанского (27 %). Толмачевские говоры представлены на территориях Лихославльского, Спировского, Рамешковского, Максатихинского и Лесного районов. В населенных пунктах Весьегонского и Краснохолмского районов карелы говорят на весьегонском диалекте карельского языка. На территории Зубцовского района в нескольких деревнях вдоль р. Держа пока еще можно найти носителей находящегося на грани исчезновения держанского карельского диалекта, сильно отличающегося от остальных тверских.

Богатый материал коллекции может выступить в качестве базы для подробного лингвистического анализа как фонетической и морфологической, так и лексической системы тверских диалектов карельского языка. Качество оцифрованных аудиозаписей образцов речи позволяет применять к ним современные компьютерные методики исследования, например, в процессе изучения фонетической системы языка. Образцы речи, записанные в середине прошлого столетия, в совокупности с современными материалами могут послужить основой для анализа диахронических преобразований в системе карельского языка региона.

Кроме лингвистической, материалы коллекции содержат в себе историческую ценность: основная часть записей представлена бытовыми рассказами, то есть воспоминаниями информантов о пережитом, в них отражена материальная и духовная культура тверских карелов за вековой период – с конца XIX до второй половины XX века. В аудиоматериалах подробно описаны все стороны традиционного жизненного уклада тверской карельской семьи. Работа с записями позволит исследователю посмотреть на описываемую проблему изнутри, глазами рядовых карелов. Учет таких моментов интервью, как паузы, интонация, эмоции, колебания и пр., дает возможность проследить отношение респондентов к предмету рассказа, их оценку описываемого события [3].

Отдельные бытовые рассказы содержат богатый материал на тему местной истории. Много воспоминаний посвящено судьбе целых семей. В рассказах о поселениях Толмачи, Курганы, Гаврилково и Прудово Лихославльского района, Новое, Семеновское и Васильевское Зубцовского района, Корнягово, Пятницкое, Абросимово и Старое Шилково Весьегонского района содержится информация об истории деревень и их жителях.

Чтобы продемонстрировать, насколько уникальные сведения способны предоставить специалистам материалы коллекции, приведем две тематические подборки из их подробных описей. В первой

представлены бытовые рассказы, посвященные этнографии детства: рассказы о воспитании, средствах ухода за малолетними детьми, о детских играх и игрушках I половины XX века (табл. 3).

Таблица 3. Материалы по этнографии детства
Table 3. Materials on the ethnography of childhood

Ед. хр. / трек	Название	Информант	Год	Место записи
32/4	Образцы диалекта (о детстве)	Красненкова И. А.	1958	Тимошкино
120/7	<i>Kuin lapšie rissittih</i> / Как детей крестили	Шахматова Е. А.	1960	Козлово
124/8	<i>Kuin lašta kylvetetäh</i> / Как ребенка парят	Бубнова М. К.	1960	Марково
679/5	<i>Kuin kačotah pienie lapšie</i> / Как ухаживают за маленькими детьми	Беляева М. А.	1966	Толмачи
853/5	Дети, их игры	Павлова А. И.	1967	Новое
1205/6	<i>Lapšien ruavot</i> / Обязанности ребенка	Борисова М. И.	1969	Курганы
1205/8	<i>Kizaimma lattah</i> / Играли в лапту			
1208/8	<i>Pereheššä oldih vain brihalapšet</i> / В семье были только сыновья	Лисицына Е. Ф.	1969	Петрозаводск
1208/16	<i>Bobuo eulun, luajittih muččuo koissa</i> / Игрушек не было, кукол делали дома			
1208/17	<i>Kizattih bakkizih</i> / Играли в чижа			
1208/18	<i>Enžimäizet ruavot lapšilla</i> / Первые работы для ребенка			
1226/13	<i>Mih kizattih lapšet</i> / Во что играли дети	Павлова А. И.	1969	Новое
1228/7	<i>Lapšet nänkýidih pereheššä nuorembie</i> / Дети нянчили младших в семье	Михайлова Ф. Н.	1969	Новое
1228/9	<i>Bobuo lapšilla oli vähä</i> / Игрушек у детей было мало			
1228/12	<i>Tyttölapšet školah ei piäšty, pidi kezrätä</i> / Девочки в школу не ходили, нужно прясть			
1228/13	<i>Lapšet pienenä zavodittih auttua</i> / Дети с малолетства помогали	Лепчикова М. М.	1969	Семеновское
1230/8	<i>Kuin kažvatettih lapšie</i> / Как воспитывали детей			
1230/9	<i>Mih kizattih lapšet</i> / Во что играли дети			
1230/10	<i>Lapšet aivoin zavodittih ruadua</i> / Дети рано начинали работать	Красненкова И. А.	1971	Тимошкино
1578/12	<i>Lapšilla oli vähä bobuo</i> / У детей было мало игрушек			
1578/13	<i>Kuin kizattih lapšet</i> / Как играли дети	Соколова М. К. Сыроварова М. М. Горбина А. Ф.	1973	Старое Шилково
1976/1	<i>Lapšet kizattih kodaz'ih</i> / Дети играли в домики			
1976/2	<i>Lapšie kačottih akat</i> / За детьми присматривали бабушки			
2832/22	<i>Pereheššä šyndy lapši</i> / В семье родился ребенок	Порозова Е. К.	1978	Змеево
2832/30	<i>Lapšet pereheššä autettih ruadua</i> / Дети в семье помогали работать			
2832/31	<i>Bobozet i kizat</i> / Игрушки и игры			
2834/26	<i>Kizat lapšin, nuor'iz'on</i> / Игры детей, молодежи	Туманова А. С.	1980	Васильевское
2836/27	<i>Kizat</i> / Игры	Светлова Е. А.	1983	Чухарево
2836/30	<i>Lapšet kizattih gralih, kazakkaziin</i> / Дети играли в грали, в казаков			

В материалах коллекции содержится большое число рассказов, описывающих различные обряды жизненного цикла от рождения до смерти, народную медицину, ремесла и промыслы тверских карелов, особенности животноводства, сельского хозяйства и строительства в регионе. Эти мате-

риалы могут предоставить исследователю бесценные детали и показать локальные особенности, характеризующие многообразие карельской культуры. Проиллюстрируем это при помощи еще одной подборки материалов по теме «Банная культура и обрядность» (табл. 4).

Таблица 4. Материалы о банной культуре и обрядности
Table 4. Materials on bath culture and rituals

Ед. хр./трек	Название	Информант	Год	Место записи
124/8	<i>Kuin lašta kylvetetäh</i> / Как ребенка парят	Бубнова М. К.	1960	Марково
1203/13	<i>Kylyh pidäy männä bluaslovenjanke</i> / В баню нужно идти с благословением	Борисова М. И.	1969	Курганы
1208/11	<i>Lašta kylvetettih kylyššä</i> / Ребенка мыли в бане	Лисицына Е. Ф.	1969	Петрозаводск
1229/2	<i>Kylyh mänet vaššanke</i> / В баню идешь с веником	Павлова А. И.	1969	Новое
1229/3	<i>Kylyh näh</i> / О бане			
1231/7	<i>Kylyö eulun, kylbimä kiuguašša</i> / Бани не было, парились в печи	Лепчикова М. М.	1969	Семеновское
1972/10	<i>Juovuttih kylyššä</i> / Угорели в бане	Красненковы И. А. и Е. А.	1973	Тимошкино
2831/13	<i>Kylyššä kylbimä vaššalla</i> / В бане парились веником	Белякова А. М.	1978	Прудово
2833/13	<i>Kylyh pidi mahtua männä</i> / В баню нужно уметь идти			
2837/26	<i>Kylyššä kylvemmä vaššalla</i> / В бане паримся веником	Светлова Е. А.	1983	Чухарево

Приведенные подборки – лишь незначительная часть богатого этнографического материала по тверским карелам, который содержат в себе аудиозаписи коллекции. Чтобы показать, насколько информативными они могут быть, приведем небольшой отрывок расшифрованного образца речи (ед. хр. 1592/6–8), который по тематике подходит к обеим предложенным выше подборкам. Текст представляет собой образец толмачевского говора карельского языка. Он записан А. В. Пунжиной в 1970 году от своей матери Евдокии Феоктистовны Лисицыной 1908 г. р.:

«*Kylyh käyndiä pidäy tiediä, mahtua männä da i lähtie mahtua. Toko kuin mänet kylyh, pidäy jo olla iččiellä tože čistoina i pidäy bluasloven'n'anke männä, tallata oigiella jallalla kynnykšeštä piäličči, da i šanuo ves'ma jo armahazešti: "Kylyn izändäzet, kylyn emändäzet, ottakkua milma omakši". Da i rubiet ka peziečemäh. ...*

Suaduoh nagole viidih kylyh lapšie. Buabo ottau lapšen, a roženča, muamo, jällesti siizimanke, štobi ei händäh šuuveldais'... Pežöy buabo da šidä bluasloviu, štobi tullah ottamah lašta, što čistoi ois' i ottaja, äššen i lapši lienöy čistoi i ožakaš ... I lieu ves'ma hyvä lapši. Rubieu hiän jo lihazie laškomah i väliän rubieu hiän jo i kažvamah lähtöy. A muamolla lapšen nelläkymmendä päiviä ei anneta lašta peššä, i nagole hiän jo muijen jälgeh peziečöy, što hiän ei

ole nagole čistoi. Nagole uglašša i issu, jällicekši vain vuota jälgimäzie löylylödä i jälgimäzie vezilödä, mi jäy. ...

Lašta tože pidi mahtua peššä i tietä kuin hänenkena, midä šanuo... Buabo ottau hänen da bluasloven'n'anke da molitvat hänellä, omat i molitvat ollah lašta kylvettiässä. I šidä lapšen kuin edizeh, ottau vaššan da ristiäy vaššalla kolme kerdua lapšen. A šidä kylvettäy, pežöy, a šidä jällicekši i valau kyngäštä, veden laškou lapšen piähyöh, štobi kyngäštä virdais' hänen piähyöh i piäštä ylči valais'. A šidä jällicekši ottau, imeldäy piälakkazen, tukkaset piälakkazella dai randah i šylgöy žen, štobi häneh ni mi ei tartuis', štobi hiän lieniiš' čistoi lapši, šelgiene i valgiene, štobi häneh nimityš šuudeluš ei tartuis', ni muijen kačahuš ei tartuis' i lieniiš' hiän kun taivaškivyt. A šidä hiän ottau muamon čistoin šovan da edipuolella helmalla i pyyhkiy i šanou: "Kuin tädä šobua niken ei nähyn pidiässä, niin i tädä lapšutta niken ei nägiis' šuuvelešša"..."»⁹.

Богатая палитра фольклорных жанров, представленных в описываемой коллекции: сказки, бывальщины, песни, частушки, детский фольклор (байки, считалки, дразнилки, кумулятивные и колыбельные песни), рекрутские, свадебные и похоронные плачи, заговоры, пословицы, поговорки и др., может послужить основой для изучения оставленной до настоящего момента без должного внимания фольклорной традиции тверских карелов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коллекция тверских карельских диалектных материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН включает в себе не только ценный лингвистический, но и фольклорный и этнографический материал, содержащий информацию о жизненном укладе тверских карелов прошлого столетия.

Часть записей (около 50 %) расшифрована и переведена собирателями, но далеко не все из них опубликованы. Ценнейшие рукописные расшифровки, а также нерасшифрованные аудиозаписи все еще ожидают своего времени и своих исследователей: языковедов, историков, краеведов, этнографов, фольклористов, а также людей, интересующихся историей малой родины и своей семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Описание материалов на карельском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=71> (дата обращения 16.03.2020).
- ² Описание тверского карельского материала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=71> (дата обращения 16.03.2020).
- ³ За одну единицу хранения принимается одна кассета или одна дорожка двухсторонней пленки продолжительностью от 20 до 60 мин.
- ⁴ Познакомиться с подробной описью коллекции можно на сайте Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=71>.
- ⁵ Принятые в таблицах сокращения жанров: колыб. – колыбельная песня, кумул. – кумулятивный стих, нар. мед. – народная медицина, част. – частушки, детск. – детский, пох. – похоронный, рекр. – рекрутский, свад. – свадебный.
- ⁶ Образцы карельской речи / Г. Н. Макаров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 193 с.
- ⁷ Место рождения информанта указывается в таблице лишь в том случае, если оно отличается от места записи.
- ⁸ Образцы диалектных текстов. Карельские говоры // Прибалтийско-финское языкознание. № 5. Л.: Наука, 1971. С. 123–157.
- ⁹ «Нужно знать, как правильно идти в баню и как из нее уходить. Обычно, когда отправляешься в баню, надо быть самому тоже чистым и нужно идти с благословением, наступить правой ногой через порог и сказать очень ласковенько: “Банные хозяева, банные хозяйшкы, примите меня как свою”. И потом вот и будешь мыться. <...>
После родов ребенка всегда относили в баню помыть и попарить. Повитуха берет ребенка, а роженица, мать, следом со сковородником, чтобы его не сглазили... Повитуха моет и затем благословляет, потому что придут за ребенком, нужно, чтобы и берущий чистым был, тогда лишь и ребенок будет здоровым [чистым] и счастливым <...> И будет очень хороший ребенок. А матери сорок дней не дают ребенка мыть, и всегда она моется только после всех, потому что она нечистая. Всегда и сиди в углу, жди последний пар и последнюю воду, что останется. <...>
Также нужно знать, как правильно мыть ребенка, и знать, что при этом надо говорить... Повитуха берет его и с благословением, и молитвы свои есть, когда ребенка парят. И затем берет веник и перекрещивает три раза ребенка. А потом парит, моет, а под конец льет через локоть, воду пускает ребенку на головку, чтобы с локтя текло ему на голову и через голову лилось. А затем возьмет, пососет темечко, волосики на темечке, и сплюнет в сторону, чтобы ничто не пристало, чтобы ребенок был чистенький и беленький, чтобы никакая порча не пристала, ничей сглаз не пристал, и чтобы он стал как небесный камушек. А затем она берет чистую материнскую рубаху и вытирает ребенка передом подола, и говорит: “Как эту рубаху никто не видел при носке, так и этого младенца пусть никто не увидит при попытке сглазить”... (перевод наш. – И. Н.)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виртангта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск: Карелия, 1992. 288 с.
2. Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневности карельской семьи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 69–84.
3. Новак И. П., Пеллинен Н. А. Специфика образов карельской речи как информационного ресурса для историко-этнографических исследований // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 18–23.
4. Расшифровки экспедиционных материалов А. В. Пунжиной 1966–1973 гг. по Тверской Карелии // Культура повседневности карельской семьи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 84–154.
5. Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.
6. Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopisto, 1994. 459 с.

Поступила в редакцию 17.04.2020; принята к публикации 28.12.2020

Original article

Irina P. Novak, Cand. Sc. (Philology),
Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian
Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petroza-
vodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

**COLLECTION OF TVER KARELIAN MATERIALS
IN THE PHONOGRAM ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF LINGUISTICS,
LITERATURE AND HISTORY OF THE KARELIAN RESEARCH CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

Abstract. The article presents an overview of the Tver Karelian audio materials stored in the phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk). The records were made by the members of the institute between 1958 and 1983 with the help of 168 informants in 62 settlements of eight districts of the Kalinin (Tver) region. The materials of this collection have scientific, cultural and historical value. They contain speech samples of all three Tver dialects of the Karelian Proper: Tolmachi, Vesyegonsk and Derzha. The collected stories describe in detail all aspects of life of a Tver Karelian family in the late XIX and the XX centuries. Samples of different folklore genres of the Tver Karelians can serve as a basis for studying the folklore traditions of the region. The main materials of the collection are summarized in two tables that will help the users navigate the collection. The studied source may be of interest to a wide range of specialists, including linguists, folklorists, historians and ethnographers.

Key words: Tver Karelians, Karelian language, audio materials, phonogram archive, speech samples, folklore texts

Acknowledgments. The study was carried out as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Novak, I. P. Collection of Tver Karelian materials in the phonogram archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):41–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.566

REFERENCES

1. Virtaranta, P. Studies on Karelian culture. Petrozavodsk, 1992. 288 p. (In Russ.)
2. Novak, I. P. Audio recordings by A. V. Punzhina as a source of information about the daily life of a Tver Karelian family in the late XIX and the early XX centuries. *Culture of everyday life of a Karelian family*. Petrozavodsk, 2014. P. 69–84. (In Russ.)
3. Novak, I. P., Pellinen, N. A. Specificity of Karelian speech as an information resource for historical and ethnographic research. *Finno-Ugric World*. 2015;1:18–23. (In Russ.)
4. Transcripts of expeditionary materials collected by A. V. Punzhina between 1966 and 1973 in Tver Karelia. *Culture of everyday life of a Karelian family*. Petrozavodsk, 2014. P. 84–154.
5. Listening to the Karelian dialect (A. V. Punina, Comp.). Petrozavodsk, 2001. 208 p. (In Russ.)
6. Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopisto, 1994. 459 p.

Received: 17 April, 2020; accepted: 28 December, 2020

НАТАЛЬЯ КОНСТАНТИНОВНА ГУСЕВА

соискатель кафедры общего языкознания филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7668-7214; nkonstguseva@gmail.com

ОСНОВНЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ АДРЕСАТА В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

А н н о т а ц и я . Вопрос о социальной категоризации адресата в побудительных высказываниях русского языка является частным аспектом более общей проблемы коммуникативных стратегий и тактик побуждения в разных лингвокультурах и связанных с ними вопросов категоризации окружающей действительности. Предметом исследования в настоящей статье являются средства социального дейксиса в глагольных побудительных высказываниях русского языка. В силу своих ярко выраженных конативной и фатической функций императивная форма русского глагола указывает на относительный или абсолютный социальный статус адресата – это так называемые обращения на «ты» и на «Вы», что ставит грамматическое лицо в ряд грамматикализованных средств социального дейксиса. Неличная форма глагола также может служить средством социальной категоризации адресата по причине ее традиционного использования в ситуациях, предполагающих жесткую социально-психологическую иерархию. Кроме названных грамматических средств в русских побудительных высказываниях встречаются лексические средства социального дейксиса. Грамматикализованные и лексические средства социального дейксиса могут комбинироваться в высказываниях, их употребление может быть маркированным и немаркированным. В статье предлагается новая организация категории социального дейксиса в русском языке в побудительных высказываниях на основе интегративного коммуникативно-деятельностного подхода, что позволяет использовать материалы и результаты исследования при подготовке теоретических и практических курсов по коммуникативной грамматике русского языка как иностранного. Этноспецифичность рассматриваемого вопроса обуславливает практическую значимость исследования: некоторые языковые категории проявляют большую по сравнению с другими связь между культурными ценностями, социальной иерархией в обществе и их концептуализацией в языке, и умение верно употреблять их лежит в основе коммуникативной компетенции индивида.

Ключевые слова: социальный дейксис, русские побудительные высказывания, средства социальной категоризации, языковые категории, императивная форма глагола

Для цитирования: Гусева Н. К. Основные и дополнительные средства социальной категоризации адресата в побудительных высказываниях русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.567

ВВЕДЕНИЕ

Категоризация – это одновременно процесс, результат и один из основных инструментов познания мира [7: 40]. Категории, как формы отражения внешнего и внутреннего мира индивида, фундаментальны для распознавания, дифференциации и интерпретации объектов окружающего мира как отдельно, так и в их взаимодействии.

В когнитивистике второй половины XX века научный интерес в изучении категоризации как когнитивной деятельности человека сместился с ее объекта на субъект, в результате чего

категории стали рассматриваться как культуроспецифичные конвенции отдельного социума. В современной парадигме социально-гуманитарных наук вопросы социальной категоризации активно изучаются в самых различных аспектах – от ее онтогенеза и роли социальных категорий как в восприятии «другого», так и в формировании стереотипов в отдельных лингвокультурах до кодификации социального статуса адресата в синтаксисе и проявления категориальной деятельности в социальных категориях как индексальных элементах. В современной лингвистике

языковые категории понимаются как «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровне» [3: 5].

Когнитивная психология рассматривает категоризацию как базовый акт, тесно связанный с языком и отражающий социокультурный опыт индивида. В процессе порождения любого речевого высказывания его элементы отражают не только референтное значение, но и социально-контекстное. Психолингвистический анализ процесса порождения высказывания считается недействительным, если в нем не учитывается «ситуация общения, мотивы говорящего, содержание информации, отношение к ней слушающего и т. д.» [9: 198]. Связь высказывания с контекстом и физическими координатами коммуникативного акта реализуется в дейксисе. В понятие дейксиса традиционно включаются персональный, временной и пространственный дейксис, но некоторые авторы, начиная с Ч. Дж. Филлмора (C. J. Fillmore), выделяют социальный дейксис в самостоятельную единицу дейктической категории.

С. Левинсон (Stephen C. Levinson) к средствам социального дейксиса относит те языковые структуры, в которых кодифицируются социальные характеристики личностей участников интеракции или социальные отношения между ними [19: 89]. Дейктическая информация в естественных языках бывает двух видов: относительная и абсолютная (в терминологии В. И. Карасика – реляционное и субстанциональное измерение [8: 9]). В первом случае дейктическим центром выступает говорящий, который определяет социальный статус других людей относительно своего собственного, исходя из субъективного восприятия объективной реальности. Абсолютный социальный дейксис указывает на социальные признаки референта независимо от его отношений с говорящим [18: 207]. Субстанциональные характеристики социального статуса индивида исторически и этнографически изменчивы [8: 10].

Ч. Дж. Филлмор определяет социальный дейксис как отражение той или иной социальной ситуации, в которой происходит речевой акт [15: 75]. Социально значимая информация может кодифицироваться на разных уровнях языковой системы: на интонационном уровне; в личных и притяжательных местоимениях (например, в английском и других европейских языках); в различных стилях речи – простой, вежливый, гоноративный и почтительный (например, в некоторых языках Восточной Азии); на морфологическом уровне (в японском языке гоноратив-

ные формы образуются при помощи суффикса); в формальных различиях высказываний, зависящих от определенных характеристик участников речевой интеракции (например, в языке билокси (язык американских индейцев) существуют специализированные императивные формы, употребляемые участниками речевого акта в зависимости от их биологического рода и возраста: при обращении мужчины к старшему мужчине, женщины к старшему мужчине или при обращении любого человека, вне зависимости от его пола, к старшей женщине или к ребенку); в именах, титулах, терминах родства, отражающих отношения между говорящим, адресатом, слушающим и третьим лицом; в инвективах, приветствиях и выражениях благодарности; в интонации; в личных глагольных формах (см. также [8: 7]).

Для современного этапа развития лингвистики характерен интерес к вопросам строения концептуальной системы индивида, а также роли языковых форм в концептуализации действительности и передачи в процессе коммуникации объективных и субъективных результатов познания. Под субъективными результатами подразумеваются различные типы оценок и мнений. Использование языковых средств для осмысления окружающей действительности неразрывно связано с интерпретацией оценочных субъективных смыслов, которая в свою очередь опосредована языком и объективируется языковыми формами [4: 6]. Средства социального дейксиса, являясь элементами социальных категорий, транслируют как индивидуальные, так и конвенциональные установки и оценки индивида, поскольку социальная категоризация отличается от других форм категоризации прежде всего включенностью субъекта речи в саму категорию [20: 556].

ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования в настоящей статье являются средства социального дейксиса в побудительных высказываниях русского языка, содержащих императивную или иную форму глагола. Разноуровневые языковые средства социальной категоризации, выполняющие сходные семантические функции, группируются в виде поля с центром и периферией. В целях установления основных (центральных) и дополнительных (периферийных) языковых средств социального дейксиса в побудительных высказываниях анализ языковых средств проводится в рамках интегративного коммуникативно-деятельностного подхода к языку. Метод семантико-прагматического и коммуникативного анализа позволяет

определить специфику прагматических факторов употребления этих средств в русской лингвокультуре. Последующее применение функционального метода выявляет функциональную значимость исследуемых языковых единиц и позволяет сгруппировать языковые средства социальной категоризации в соответствии с функциональным (полевым) подходом к трактовке языковых категорий в лингвистике¹.

Научная новизна исследования заключается в новой организации категории социального дейксиса в русском языке, позволяющей использовать материалы и результаты исследования при подготовке теоретических и практических курсов по грамматике русского языка как иностранного. Практическая значимость обусловлена этноспецифичностью рассматриваемого вопроса: некоторые языковые категории проявляют большую по сравнению с другими связь между культурными ценностями, социальной иерархией в обществе и их концептуализацией в языке [12: 1]. Культурные ценности и понятия кодифицируются в грамматической семантике, в ней же содержится ключ к пониманию социальной структуры общества в ее синхроническом и диахроническом аспектах [14: 3]. Побудительные высказывания как с прототипическим императивом, так и неимперативными глагольными формами особенно информативны в этом плане: их узус формируется в отдельных лингвокультурах на основе социальных конвенций и норм, принятых в социуме [12: 1]. Знание этих норм формирует коммуникативную компетенцию иностранного учащегося, понимаемую как

«способность средствами иностранного языка осуществлять речевую деятельность на основе языковых, социолингвистических знаний в соответствии с целями, задачами и ситуацией общения» [2: 154].

СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Социальная категоризация, предпринимаемая говорящим, связана с оценкой статусных признаков человека как представителя той или иной социальной группы. Социально-психологическим основанием статусной оценки являются ожидания [8: 70]. Наше представление о людях включает в себя знание об их социальном статусе, на основании этого знания мы можем прогнозировать типовое поведение человека, имеющего тот или иной социальный статус. В случае с побудительными высказываниями не только верное определение социального статуса адресата, но и его соответствующее языковое оформление обуславливает перлокутивный эффект. Кроме того, относительный или абсо-

лютный социальный статус адресата определяет стратегии и тактики говорящего в зависимости от стоящей перед ним цели.

Статус адресата оценивается на основе различных параметров, в научной литературе выделяются такие, как власть и солидарность [13], уважение и дистанция [21], превосходство [22]. Эти параметры в свою очередь определяются следующими факторами:

- авторитет или социальное главенство, обусловленные социальными или профессиональными ролями, а также экономическим превосходством;
- возраст;
- превосходство в отдельно взятой ситуации, например, хозяин дома, принимающий гостей;
- контроль и управление поведением других.

Названные факторы могут исключать друг друга. Например, значимость социальной роли может не соответствовать возрасту и вызывать затруднение в выборе языкового средства, указывающего на статус человека. Основными средствами социального дейксиса выступают личные местоимения и личные формы глагола [10: 11–12]. Все вышеприведенные параметры легко находят свое выражение в русской лингвокультуре в оппозиции личных местоимений *ты* и *Вы*²: к старшим по возрасту, званию, должности, к незнакомым людям и т. д. принято обращаться на *Вы*; при обращении к равным по статусу знакомым людям, в кругу семьи и друзей употребляется *ты*. Хотя, для параметра дистанции / близости характерна неоднородность членов оппозиция. Понятие близости между коммуникантами более однозначно, в то время как дистанция может проявляться как между совсем незнакомыми коммуникантами, так и между знакомыми, но на основе особых уважительных отношений. Иными словами, близость всегда находит свое выражение в *ты*, а дистанция может выражаться как в *ты*, так и в *Вы*.

ГРАММАТИКАЛИЗОВАННЫЕ СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Личные формы глагола, тесно связанные с личными местоимениями, особенно ярко проявляют свой дейктический характер в императивных высказываниях по причине необлигаторности и редукции подлежащего при императивной форме глагола. В этом случае целесообразно говорить о грамматическом лице как средстве социального дейксиса. Русская императивная парадигма включает в себя все грамматические лица³, однако не все они несут в себе социально значимую информацию.

Рассмотрим простейшие примеры побудительного высказывания:

(я)	<i>Дай-ка спою!</i>	(мы)	<i>Споем! / Давайте споем!</i>
(ты)	<i>Спой!</i>	(вы, Вы)	<i>Спойте!</i>
(он, она)	<i>Пусть споет!</i>	(они)	<i>Пусть споют!</i>

Когда побуждение обращено к самому себе, грамматическое лицо объединяет в себе каузатора и исполнителя каузируемого действия. Социальная категоризация говорящего производится не иначе, как самим говорящим, и не может быть выражена посредством грамматического лица – местоимение *я* не несет в себе никакой социально значимой информации. Об актуализированном социальном статусе говорящего речь идет только в случае употребления множественного числа: *мы pluralis majestatis* или инклюзивного *мы* (выражение солидарности). Первое несет в себе имплицитное выражение статусной дистанции со слушающими, относится к определенному историческому контексту и в современном русском языке не является репрезентативным. Второе выражает солидарность и означает, что говорящий (каузатор действия) отождествляет себя с исполнителем каузируемого действия, хотя и не предполагает быть исполнителем.

Обращение во втором лице (прототипический императив) неизбежно отразит относительный или абсолютный статус адресата. В этом случае лицо, к которому обращена каузация, объединяет две коммуникативные роли – исполнителя каузируемого действия и слушателя. При обращении к одному человеку этикетные нормы русского языка предполагают выбор между 2Sg (обращение на *ты*) и 2Pl (обращение на *Вы*).

При указании на третье лицо говорящий не может обозначить его социальный статус или идентичность при помощи 3Sg или 3Pl, но только посредством адресивов (*господин, профессор* и т. п.) или гоноративов (в русской языковой культуре это название по имени и отчеству; определенные лексемы, при обращении добавляемые к имени собственному, например *(много)уважаемый*).

Как уже отмечалось выше, кроме рассмотренных форм 2Sg и 2Pl в число средств маркирования социального статуса коммуникантов некоторые исследователи включают *мы* инклюзивное (1Pl), маркирующее более высокий статус говорящего, выражающее солидарность с адресатом или проявление власти со стороны говорящего [1: 153]: *Поднимем руки!* (при врачебном осмотре); *Работаем, работаем!* (сам говорящий не работает).

На основании вышесказанного можно утверждать, что социальный дейксис побудительного высказывания, выражаемый посредством грам-

матического лица императивной формы, включает в себя только категоризацию говорящего и слушающего – это второе лицо единственного и множественного числа и первое лицо множественного числа.

Грамматикализованные средства социального дейксиса С. Левинсон относит к основным [19: 89]. Способность русской императивной словоформы указывать на относительный социальный статус адресата ставит ее в ряд основных средств.

Если говорящий намерен употребить императивную форму глагола, то первым шагом будет определение статуса адресата / исполнителя (категоризация) и актуализация этого статуса языковыми средствами. Говорящий неизбежно окажется перед выбором грамматического лица. При обращении к одному человеку возможны два варианта:

1) – *Через неделю вернусь, не переживай, что со мной может случиться!* (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004))⁴;

2) – *Подождите, Нина Михайловна, подождите! Давайте хоть взглянем для начала!* (А. Волос. Недвижимость (2000)).

Очевидно, что в (1) говорящий обращается к адресату на *ты*, а в (2) – на *Вы*. Ю. Д. Апресян выделяет семь употреблений местоимения 2-го лица ед. ч., а следовательно, и императивной формы с редуцированным подлежащим: 1) *ты* близкое; 2) *ты* родственное; 3) *ты* детское; 4) *ты* старшее; 5) *ты* хамское; 6) *ты* панибратское; 7) *ты* внедиалоговое (при обращении к «абстрактному» человеку) [1: 152]. Все они указывают на статус адресата. В (2) статус адресата актуализируется не только глагольной формой, но и сочетанием имени и отчества, которое в русском языке само по себе является средством выражения социальных отношений между говорящим и адресатом и традиционно указывает на более высокий статус адресата или социальную дистанцию.

В русском языке некоторая социальная дифференциация возможна и при обращении ко множественному адресату:

3) *Никто не отозвался. – Врачи, хирурги, выходи! Снова тишина.* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960));

4) – *Ребята! Берите яблоки, берите груши! Тут так много!* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996)).

По поводу императивных глагольных форм при обращении ко множественному адресату в русском языке Н. С. Трубецкой в письме к Р. О. Якобсону замечал, что выбор этих форм зависит от того, как рассматривается множество – «как дифференцированный коллектив или как коллектив недифференцированный» [17: 224]. Первый случай соответствует примеру (3),

второй – примеру (4). Б. А. Успенский считает обращение ко множеству адресатов с императивной формой в единственном числе явлением обратным обращению к одному адресату в 2РІ (возвеличивание собеседника) и возможным только в том случае, когда группа лиц занимает зависимое положение (умаление собеседника) [10: 26]. Такое явление наблюдается, например, в военных командах: *Стой! Разойдись!*

В побудительных высказываниях с редуцированным подлежащим могут употребляться глагольные формы, отличные от императивных. Это могут быть формы инфинитива:

5) – *Не беспокоить!* – по селектору приказывал я секретарше в приемной. (Ю. Поляков. Небо падших (2009));

или индикатива прошедшего или настоящего времени:

6) – *Ты у меня вспомнишь, чего и не помнил! Пошел, я сказал! Вперед!* (А. Слаповский. Синдром Феникса (2006));

7) – *Итак, ты сегодня под утро бежишь, оставляешь записку, что все в бригаде Мозгуна нехорошие люди.* (Н. Кочин. Парни (2014)).

Хотя инфинитив не согласуется с грамматическим лицом, совершенно очевидно, что в (5) говорящий определяет свой статус выше статуса адресата. В (6) форма прошедшего времени согласуется с биологическим родом адресата и числом – грубое категорическое побуждение обращено к мужчине. В (7) говорящий выступает как вышестоящий по статусу и содержанием его высказывания является приказ. Высказывания (5)–(6) соответствуют второму лицу единственного числа (обращение на *ты*) и не могут предполагать обращения на *Вы*. В (7) сама глагольная форма указывает на 2Sg. Кроме указания на социальный статус адресата формы инфинитива и прошедшего времени увеличивают категоричность побуждения. Категоричность ориентирована на перлокутивный эффект. Основная цель говорящего в побудительном высказывании – это каузация какого-либо действия, и категоричность, выражаемая языковыми средствами, выступает дополнительной интенцией говорящего добиться безоговорочного исполнения требуемого действия посредством указания на подчиненный статус адресата.

В устной коммуникации, когда участники интеракции четко определены, инфинитив воспринимается как безоговорочный приказ, характерный прежде всего для ситуаций с жесткой иерархией, и является выражением власти, что совершенно очевидно в (5). В письменной речи инфинитив часто встречается в инструкциях, рецептах и правилах техники безопасности, но в этом

случае на первый план выходит иная функция инфинитива – обезличивание адресата.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Джон Дж. Гумперц (John J. Gumperz) подразделяет коммуникативные ситуации на транзакционные (transactional) и личные (personal) [16: 149]. В транзакционных ситуациях на первый план выходят статусно-ролевые отношения коммуникантов, когда участники выступают в интеракции соответственно правам и обязанностям своих статусов⁵. К средствам социального дейксиса в транзакционных ситуациях, таким образом, относятся все имена нарицательные, обозначающие социальные роли. В кругу близких людей это термины родства *мама, сынок, бабушка* и т. д., в сфере официальных отношений – *господин директор, товарищи солдаты, граждане судьи*. Отметим, что в отличие от многих европейских языков в русском в качестве апеллятивов не употребляются названия должностей, ученых степеней или профессий.

В личных интеракциях субъекты действуют как индивиды и не преследуют особых социально детерминированных целей⁶ [16: 149]. Средства социального дейксиса в личном диалоге ограничиваются личными местоимениями, метафорическими диминутивами типа *зайчик, кошечка* и именами собственными, то есть теми средствами, которые не обозначают социальных ролей.

Ситуация в (2) представляется транзакционной. Однако имя и отчество в сочетании с императивной формой второго лица единственного числа не всегда указывает на такие отношения. Главным показателем статуса или наличия дистанции остается императивная форма глагола:

8) – *Ты, Николай Степанович, ступай прямо в них в парилку.* (Г. Горин. Сауна (1974–1984)).

В (8) второе лицо единственного числа указывает на близость говорящего и адресата, а имя в сочетании с отчеством лишь подчеркивает доверительный характер взаимодействия, несмотря на наличие определенной дистанции, скорее всего возрастной. Ситуация представляет собой личную интеракцию.

Как уже отмечалось, лексические средства социальной категоризации не ограничиваются именем в сочетании с отчеством и включают в себя такие статусные показатели, как термины родства, названия должностей, ученые степени и т. п. Для обращения к соотечественникам в официальной обстановке чаще всего используется имя в сочетании с отчеством по причине трудной приживаемости апеллятивов *господин* и *госпожа*, а также ярко выраженной связи

апеллятива *товарищ* с эгалитарной идеологией советского прошлого, которая утратила свою актуальность в современном мире. Этикетные апеллятивы типа *товарищ*, *господин* обычно сочетаются с фамилией или названием должности и, что совершенно очевидно, используются в транзакционных ситуациях:

9) – *Извольте, я предоставлю вам этот шанс... Товарищ Раппопорт, введите арестованного!..* (С. Довлатов. Заповедник (1983));

10) – *Да ведь, по сути, – они по сравнению с ним ликбезовцы! Ваше время истекло, товарищ Крымов, катись.* (В. Гроссман. Жизнь и судьбы, часть 1 (1960));

11) – *Ну, ну – господин Козлов, почувствуй, какво без первого помощника, попробуй сам урезонь рвачей...* (О. Глушкин. Последний рейс (1990–1999));

12) – *Господин Путилин, поставьте себя на мое место.* (Л. Юзефович. Князь ветра (2001)).

В некоторых узкопрофессиональных контекстах возможен также редкий случай употребления апеллятивов-титлов:

13) – *Слушай, доктор, дай курнуть, сил уж нет терпеть!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013));

14) – *Профессор, спасите нашу девочку, озолотим, век ваши должники!* (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)).

Как видно из примеров (9)–(12) и (13)–(14), лексические средства социального дейксиса в транзакционных ситуациях не влияют на выбор императивной формы и при обращении к одному адресату допускают как единственное число, так и множественное (этикетную форму). Независимость глагольной императивной формы от лексических средств социального дейксиса подтверждает первичность грамматического лица в процессе языковой социальной категоризации адресата.

В личных интеракциях могут использоваться как имена собственные, так и метафорические диминутивы. При обращении по имени говорящий может употребить имя в сочетании с отчеством, как в (5), либо без него, либо использовать уменьшительное имя.

15) – *Вы, Сережа, осваивайтесь тут, фотографии смотрите – в этой древней кладовке много занимательного, есть кое-что и любопытное.* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996));

16) – *Звони, Саша, в Москву, а я обзову наших ребят.* (В. Астафьев. Затеси (1999));

17) – *Ах, не буду вам мешать! Димочка, расскази же Сереже!.. – Да.* (А. Волос. Недвижимость (2000));

18) – *Кларочка, принесите, пожалуйста, археологическую карту Алма-Атинской области, – попросил Зыбин очень ласково. – Я ее у вас тогда оставил на столе.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978));

19) – *Да ты спи, касаточка, спи... Беспечальному сердечку-то сон сладок...* (М. Палей. Дань саламандре (2008)).

Полное имя собственное без отчества как средство социального дейксиса в (15)–(16) не влияет на выбор императивной формы. Употребление диминутива имени собственного (17)–(18) позволяет употреблять как единственное, так и множественное число императивной формы. Таким образом, имя собственное с отчеством (2) и (8), без отчества (15)–(16) или его диминутивная форма (17)–(18) сочетается с обеими императивными формами как в транзакционной, так и в личной ситуации. Сочетание имени и отчества со вторым лицом множественного числа (2) и имени без отчества (16), в том числе диминутива (17), со вторым лицом единственного числа считаются традиционными в русской лингвокультуре и немаркированными, а случаи сочетания имени и отчества со вторым лицом единственного числа (8) и имени без отчества – со вторым лицом множественного числа (15), в том числе диминутива (18), являются маркированными. Маркированность последних заключается в уменьшении социальной дистанции, выражаемой глагольной формой, и указывает на транзакционность ситуации, в которой на первый план выступают статусно-ролевые отношения.

Употребление метафорического диминутива (19) как маркера близких социально-психологических отношений или родства обязывает к употреблению единственного числа императивной формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средства социального дейксиса подразделяются на основные и дополнительные. В побудительных высказываниях к основным относятся грамматикализованные средства, то есть те, которые актуализируют статусно-ролевые отношения говорящего и адресата посредством грамматических форм. Это императивные формы глаголов второго лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа. При обращении к одному лицу собственно императивные формы второго лица позволяют дифференцировать адресата в зависимости от социально-психологической дистанции или состояния превосходства или власти, существующих между говорящим и адресатом. Первое лицо множественного числа, используемое в побудительных предложениях, может рассматриваться как средство, сокращающее эту дистанцию в силу его инклюзивного характера. Неимперативные глагольные формы являются социально маркированными: говорящий занимает более высокое положение и содержанием волеизъявления является приказ.

Лексические средства социальной категоризации, прежде всего именные, относятся к дополнительным. Немаркированными являются сочетание имени и отчества со вторым лицом

множественного числа и сочетание иных видов имен собственных со вторым лицом единственного числа. Обратные сочетания отличаются маркированностью, которая заключается

в уменьшении социально-психологической дистанции, выражаемой глагольной формой, и указывает на транзакционность ситуации со статусно-ролевыми отношениями на первом плане.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О теории функционально-семантических категорий/полей см.: [5]; Бондарко А. В. Система времен русского глагола: (В связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968. 36 с.
- ² Здесь мы придерживаемся написания местоимения Вы с прописной буквы согласно правилам русской орфографии и для различения обращений в единственном числе и во множественном (см.: Правила русской орфографии и пунктуации: [полный академический справочник] / Российская акад. наук, Отд-ние историко-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова; [Н. С. Валгина и др.]. М.: Эксмо, 2007. 478 с.).
- ³ Описание состава русской императивной парадигмы не входит в задачу настоящего исследования, за основу берется точка зрения, согласно которой допускается наличие в императивной парадигме всех возможных лично-числовых комбинаций [6: 27], [11: 123].
- ⁴ Источниками примеров послужили произведения русскоязычных авторов, размещенные в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).
- ⁵ ...participants [...] suspend their individuality in order to act out the rights and obligations of relevant statuses [16: 149].
- ⁶ ...in personal interaction [...] participants act as individuals, rather than for the sake of specific social tasks [16: 149].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Балыхина Т. М. Словарь терминов и понятий текстологии // Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы: Научно-методические очерки. Терминологический словарь. М.: Московский государственный университет печати, 2003. С. 135–212.
3. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (7). Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация когнитологов», 2006. С. 5–22.
4. Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (035). С. 5–12.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
6. Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
7. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК Гнозис, 2002. 333 с.
9. Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979. 317 с.
10. Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2011. 344 с.
11. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
12. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (Eds.). Commands: A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2017. 328 p.
13. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // Sebeok T. A. (Ed.). Style in language. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960. P. 253–276.
14. Enfield N. J. Ethnosyntax: introduction // Enfield N. J. (Ed.). Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 3–30.
15. Fillmore C. J. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington, Indiana: Indiana University Linguistic Club, 1975. 86 p.
16. Gumperz J. J. Linguistic and social interaction in two communities // American Anthropologist. 1964. Vol. 66 (6). P. 137–153.
17. Jakobson R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes. Prepared for publication by Roman Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. The Hague, Paris: Mouton, 1975. xxiii, 508 p.
18. Levinson S. C. Pragmatics and social deixis // Proceeding of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 1979. P. 206–223.
19. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge University Press, 1983. 483 p.
20. Liberman Z., Woodward A. L., Kinzler K. D. The origins of social categorization // Trends in cognitive sciences. 2017. July 21 (7). P. 556–568.
21. Molinelli P. "Lei non sa chi sono io!": potere, solidarietà, rispetto e distanza nella comunicazione // Linguistica e Filologia. 2002. Vol. 14. P. 283–302.
22. Rauch G. Aspects of deixis // Essays on deixis. G. Rauch (Ed.). Tübingen: Narr, 1983. P. 9–60.

Поступила в редакцию 17.06.2020; принята к публикации 30.09.2020

Original article

Natalya K. Guseva, Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7668-7214; nkonstguseva@gmail.com

PRIMARY AND SECONDARY MEANS FOR THE SOCIAL CATEGORIZATION OF ADDRESSEE IN RUSSIAN IMPERATIVE STATEMENTS

Abstract. The issue of the social categorization of the addressee in imperative statements is a constituent question of the larger problem of communicative imperative strategies and tactics in different linguistic cultures. The subject of the research is the means of social deixis in Russian imperative statements. Imperative forms of Russian verbs can reveal relative or absolute social status of the addressee due to their strongly marked conative and phatic functions. This refers to informal and formal address pronouns – or so-called “T and V forms of address”. The capacity of a verb to indicate the social status of the addressee, the psychological or social distance between the speaker and the hearer makes it one of the grammaticalized means of social deixis. Impersonal verbal form can also be an instrument of the social categorization of the addressee because of its primary perlocutive effect and its traditional use in the situations that presuppose a strict hierarchy and therefore social and psychological distance between the addresser and the addressee. Apart from the said grammatical means, the Russian imperative statements may contain lexical means of social deixis. Both grammar and lexical means can be combined in the statements, and their use can be marked or unmarked. The article proposes a new organization of the social deixis category in the verbal imperative statements of the Russian language on the basis on the integrative communicative approach. This enables to use the research materials and results in the preparation of theoretical and practical courses on communicative grammar of Russian as a foreign language. The ethno-specificity of the issue determines the practical significance of the study: some linguistic categories show a greater connection between cultural values, social hierarchy in society, and their conceptualization in language than others, and the ability to use them correctly underlies the communicative competence of an individual.

Key words: social deixis, Russian imperative statements, means of social categorization, language categories, imperative verb

For citation: Guseva, N. K. Primary and secondary means for the social categorization of addressee in Russian imperative statements. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.567

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Selected works. Vol. II. Integral description of the language and systemic lexicography. Moscow, 1995. 767 p. (In Russ.)
2. Balyhina, T. M. Dictionary of textology terms and concepts. *Language testing in foreign language teaching: current status and challenges: Research and methodological papers. Dictionary of terms*. Moscow, 2003. P. 135–212. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N. Language categories as a format of knowledge. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2006;2(7):5–22. (In Russ.)
4. Boldyrev, N. N., Panasenkov, L. A. Cognitive grounds of lexical categories and their interpretative potential. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2013;2(035):5–12. (In Russ.)
5. Bondarko, A. V. Functional grammar. Leningrad, 1984. 136 p. (In Russ.)
6. Gusev, V. Yu. Typology of imperatives. Moscow, 2013. 336 p. (In Russ.)
7. Dzyuba, E. V. Linguo-cognitive categorization in Russian linguistic consciousness. Ekaterinburg, 2015. 286 p. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. The language of social status. Moscow, 2002. 333 p. (In Russ.)
9. Luria, A. R. Language and consciousness. Moscow, 1979. 317 p. (In Russ.)
10. Uspenskiy, B. A. Ego Loquens: Language and communication space. Moscow, 2011. 344 p. (In Russ.)
11. Hrakovskiy, V. S., Volodin, A. P. Semantics and typology of imperatives. Russian imperative. Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
12. Aikhenvald, A. Y., Dixon, R. M. W. (Eds.). Commands: A cross-linguistic typology. Oxford, 2017. 328 p.
13. Brown, R., Gilman, A. The pronouns of power and solidarity. *Sebeok, T. A. (Ed.). Style in language*. Cambridge, Mass, 1960. P. 253–276.
14. Enfield, N. J. Ethnosyntax: introduction. *Enfield N. J. (Ed.). Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture*. Oxford, 2004. P. 3–30.
15. Fillmore, C. J. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington, Indiana, 1975. 86 p.
16. Gumperz, J. J. Linguistic and social interaction in two communities. *American Anthropologist*. 1964;66(6):137–153.
17. Jakobson, R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes. Prepared for publication by Roman Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. The Hague, Paris: Mouton, 1975. xxiii, 508 p.
18. Levinson, S. C. Pragmatics and social deixis. *Proceeding of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. 1979. P. 206–223
19. Levinson, S. C. Pragmatics. Cambridge University Press, 1983. 483 p.
20. Liberman, Z., Woodward, A. L., Kinzler, K. D. The origins of social categorization. *Trends in Cognitive Sciences*. 2017;7:556–568.
21. Molinelli, P. “Lei non sa chi sono io!”: potere, solidarietà, rispetto e distanza nella comunicazione. *Linguistica e Filologia*. 2002. Vol. 14. P. 283–302.
22. Rauch, G. Aspects of deixis. *Essays on deixis*. G. Rauch (Ed.). Tübingen, 1983. P. 9–60.

Received: 17 June, 2020; accepted: 30 September, 2020

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА ОСИПОВА

аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания филологического факультета
Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0328-9631; osipova@sgspu.ru

ОТОНИМНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КОНФЕТ В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А н н о т а ц и я . Дается характеристика прагматонимов – названий конфет, включающих прецедентные имена собственные, в лингвосемиотическом аспекте. Актуальность исследования обусловлена экстралингвистически: конфеты, будучи универсальным подарком, играют важную роль в жизни общества, названия конфет отражают значимую часть языковой картины мира; собственно лингвистически: названия конфет мало исследованы в лингвистической русистике, вовсе не исследованы в лингвосемиотическом аспекте. Лингвосемиотический анализ прецедентных названий конфет, учитывающий взаимодействие вербального и визуального компонентов, характеризует прагматонимы как разновидность креолизованного текста, что составило новизну исследования. Выявлены и охарактеризованы основные группы прецедентных прагматонимов с литературной и исторической сферой-источником. Определено, что визуальный компонент всех прагматонимов – названий конфет реализует аттрактивную и эстетическую функции. Обнаружены примеры изоморфизма семантики наименования и формы конфеты. Для ряда прагматонимов в визуальной части характерна реализация иллюстративной, информативной, юмористической, экспрессивной и символической функций. Специфика прагматонимов исторической сферы-источника заключается в том, что прецедентные онимы, содержащиеся в названии, актуализируют прецедентную ситуацию, что, в свою очередь, служит реализации функции создания ретроспективного плана в визуальной части такого креолизованного текста. В названиях конфет литературной сферы-источника отсылка к прецедентной ситуации отсутствует.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прагматоним, прецедентный оним, прецедент, сфера-источник, названия конфет, лингвосемиотический анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Осипова Н. Д. Отонимные прецедентные наименования конфет в лингвосемиотическом аспекте // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 60–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.568

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия вторичные номинации, принятые для обозначения товарных знаков, активно внедряются в русскую языковую картину мира. Исследователи отмечают, что одно из направлений реализации семантики имени собственного связано со структурно-функциональным описанием новой ономастической лексики, в том числе рекламных имен [16: 34], [18: 80]. Полагаем, что особенно активны в этом плане прагматонимы – названия конфет. Выбор в качестве объекта изучения отонимных прагматонимов – названий конфет обусловлен малой изученностью проблемы соотношения имен собственных со вторичными онимами (прагматонимами). Названия конфет в сопоставлении российских и китайских номинаций исследовала

Ван Мяо [2]. Ею было отмечено усиление прагматического эффекта названий за счет паралингвистических средств: иллюстраций на обертке, шрифта, цвета и формы изделия. Актуальность исследования предопределена значительной ролью отонимных прагматонимов – названий конфет, отражающих русскую языковую картину мира. И. В. Крюкова, говоря о рекламных названиях, отмечает их разнообразие и постоянную семантическую изменчивость [12: 33], что также подтверждает актуальность изучения данного слоя ономастической лексики.

Методологическую основу исследования составил ряд понятий: прецедентный текст; ономастическое прецедентное имя, подразделяющееся на собственно прецедентное имя и имя, порождающее в сознании носителя русского языка

прецедентную ситуацию; критерии прецедентности имени собственного; сферы-источники прецедентного имени; креолизованный текст; функции креолизованного текста.

Прецедентное имя собственное, по мнению исследователей, является одним из видов прецедентных текстов [8: 47]. Подразумевается, что «за каждым прецедентным именем стоит инвариант восприятия того “культурного предмета”, на который указывает данное имя» [4: 83], то есть прецедентное имя собственное может вызывать у носителей языка образ или объект, значимый сам по себе либо в составе прецедентной ситуации.

Критерии прецедентности онимов вызывают споры в отечественной лингвистике (см.: [7], [10], [11]). Ученые отмечают, что по функционально-семантическим характеристикам прецедентные онимы приближены к апелляциям, однако, сохраняя связь с носителем имени, остаются в статусе собственных имен. По мнению Е. А. Нахимовой, обращаясь к вопросу прецедентности имени собственного, следует учитывать «не столько его общеизвестность (и даже известность большинству) или высокую частотность, сколько возможность его образного (коннотативного, метафорического) употребления без дополнительных пояснений в тексте» [17: 82].

Прецедентные онимы имеют различные сферы-источники происхождения. В связи с этим, чтобы дать определение понятию сферы-источника, следует обратиться к когнитивной теории метафоры [13: 11], [21], согласно которой областью источника является обобщение практического жизненного опыта человека. Под сферой-источником понимается «исходное значение, дающее стимул возникновению вторичного значения» [15: 134].

Для прецедентных отонимных прагматонимов – названий конфет актуальными сферами-источниками являются литературная и историческая сфера. При этом литературные источники прецедентных номинаций часто имеют символическое значение, которое, как отмечает В. Н. Телия, «награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не являющийся ее собственным языковым значением» [19: 243–244].

Прагматонимы – названия конфет являются креолизованным текстом, «в структурировании которого наряду с вербальными применяются иконические средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.)»¹. В конфетах представлена связь названия с визуальным контекстом продукта (форма конфеты, обертка) [20]. Для конфеты помимо вербальной части кре-

олизованного текста характерна невербальная, визуальная часть: рисунок, его цвет, графика обертки, а также форма конфеты, которая помимо стандартной может имитировать разные предметы материального мира (пулю, зайчика, монету и др.). Наличием визуальной составляющей прагматонимов обусловлено обращение к лингвосемиотическому анализу. Исследователи отмечают, что лингвосемиотический анализ текста рассматривает последний как цельный знак, представляющий собой иерархически организованную систему языковых знаков разного уровня языка [9: 139]. В данном случае говорим о взаимодействии системы языковых знаков с системой знаков других семиотических систем (визуальной частью креолизованного текста).

Исследователи креолизованных текстов называют универсальные (аттрактивная, информативная, экспрессивная и эстетическая) и частные функции (функция создания проспективного плана и создания ретроспективного плана [6], символическая, иллюстративная, аргументирующая, эвфемистическая, характерологическая, функция создания имиджа, сатирическая). Отметим, что сатирическая функция понимается в широком смысле (включая ироническую, юмористическую). Это изображение характерных черт явления, события или лица в преувеличенном виде «с тем, чтобы вскрыть в шуточной безобидной форме присущий ему комизм»².

В исследовании применялись методы и приемы: статистический, то есть количественный и качественный, анализ результатов исследования; описательный (описание особенностей отонимных прагматонимов – названий конфет, включающих прецедентное имя); приемы наблюдения, систематизации и обобщения языкового материала. Языковой материал подобран методом сплошной выборки с использованием поисковых систем Яндекс, Google, а также сайтов кондитерских фабрик. Для проверки того, содержит то или иное отонимное название конфеты прецедентный оним, мы обратились к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), полагая, что клишированность имен собственных и частотность их метафорического употребления свидетельствуют, что данный оним является прецедентным.

Языковой материал составляет 423 отонимных прагматонима – названия конфет 68 кондитерских фабрик России. Иллюстративным материалом для данной статьи послужили 13 наименований, так как объем статьи не позволяет подробно описать все прецедентные отонимные прагматонимы. Между тем для корректного

осуществления обобщающих выводов нами было проанализировано более 30 прагматонимов, включающих в свой состав прецедентные онимы. Остановимся на двух наиболее частотных сферах-источниках прецедентных наименований конфет – литературной и исторической. За пределами данного исследования остались отонимные прагматонимы, сферами-источниками которых являются кино, театр, к примеру «Русские сезоны» («Фабрика им. Н. К. Крупской», г. Санкт-Петербург). При рассмотрении прагматонима «Обыкновенное чудо» («Славянка», г. Старый Оскол) не представляется возможным точно определить, является ли его сферой-источником пьеса Е. Шварца (1954) или одноименный фильм (1978). Трудно квалифицировать также названия конфет: (а) «Тамбовский волк» («Такф», г. Тамбов), (б) «Ёжик кот» («Сладуница», г. Омск») и (в) «Ёшкина корова» («Рот Фронт», г. Москва). Прецедентный оним (а) в разных источниках соотносится с названием города, городскими легендами, историческими личностями. Исследователи утверждают, что выражение «тамбовский волк» принадлежит XX веку и, вероятно, связано «с народной речью и событиями крестьянской истории, а в стилистическом плане – в наибольшей мере связано с просторечием, жаргоном, языковой культурой речевых штампов, заимствуемых из любых доступных источников» [1: 90]. В случае (а) НКРЯ не дает примеров переносного прецедентного употребления; отсутствуют факты, подтверждающие те или иные версии прецедентности прагматонима, носители языка неоднозначно определяют, с каким источником следует соотнести данный оним.

Степень прецедентности прагматонимов (б) и (в), основой которых является эвфемизм, достаточно высока, однако вызывает сомнение отонимное происхождение данных прагматонимов. В случае (б) креолизованная составляющая (кот в ступе с метлой) в сочетании с написанием через «ж» указывает на связь с Бабой-Ягой. В случае (в) не представляется возможным доказать, что прагматоним произошел от имени Яга или Йошка (Йоська, Иосиф) либо от сленгового названия города Йошкар-Ола.

Цель статьи – характеристика прагматонимов – названий конфет, включающих прецедентные имена собственные, в лингвосомиотическом аспекте.

ПРАГМАТОНИМЫ С ЛИТЕРАТУРНОЙ СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ

Литературную сферу-источник содержат 13 прагматонимов с прецедентными онимами:

«Герасим и Му-Му» («Шоколадные традиции», г. Новосибирск), «Внуки Мазая» («Sweet life», Пензенская обл.), «Золотая рыбка» («Свердловская кондитерская фабрика», г. Екатеринбург), «Джюльетта» («Акконд», г. Чебоксары), «Дюймовочка» («Конфэшн», г. Саратов), «Незнайка» («Пензенская кондитерская фабрика», г. Пенза, и «Красный Октябрь», г. Москва), «Дядя Степа» («Перфетти Ван Мели», г. Москва), «Гулливер» («Брянская кондитерская фабрика», г. Брянск), «Путешествие Гулливера» («Красная звезда», г. Москва), «Золотой ключик» («Красный Октябрь», г. Москва), «Шерлок» («Невский кондитер», г. Санкт-Петербург), «Летучий голландец» («Добрые вести» («Фабрика Лактомелия»), г. Самара), «Царство Нептуна» («Славянка», г. Старый Оскол»).

Прагматоним (1) «Внуки Мазая» содержит литературный оним *Мазай*. На основе поэмы Н. А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы» в русском языке сформировано переносное значение «спаситель». НКРЯ дает примеры переносных употреблений (22 примера): *Мы как дед Мазай и зайцы, как Ной, мы никого не оставим в беде, когда нахлынет большая вода* (И. Мартынов. Шовинист // Столица. 1997.08.26)³. Лингвосомиотический анализ (1) учитывает визуальную часть этого креолизованного текста: конфета выполнена в форме зайчика, то есть содержит отсылку к прецедентному тексту. Следовательно, невербальный компонент прагматонима реализует иллюстративную функцию.

Лексема *внуки* указывает на удаленность литературной ситуации спасения зайцев от настоящего времени, с другой стороны – на преемственность (это внуки спасенных зайцев). Очевидна языковая игра с потенциальным потребителем. Языковая игра широко распространена в рекламе, предпринимательской деятельности, СМИ:

«<...> такие “тренды” в обществе, как приоритет креативности и инноваций, что приводит к рассмотрению общества как зрелищного явления (образ общества как спектакля)» [14: 198];

о языковой игре в прецедентных онимах см. [5]. Поскольку визуальная часть креолизованных текстов в большей или меньшей степени призвана привлекать внимание покупателя и вызывать эстетические чувства, во всех рассматриваемых нами прагматонимах реализуются аттрактивная и эстетическая функции.

Наименование (2) «Герасим и Му-Му» в литературной основе имеет рассказ И. С. Тургенева «Муму». Оба отонимных компонента прагматонима являются прецедентными. Согласно данным НКРЯ, антропоним *Герасим* в 90 % языковых примеров употребляется совместно

с литературным зоонимом *Муму* (из 216 документов представлено 22 примера с переносным значением, при этом в 20 примерах – с зоонимом *Муму*). Лингвосомиотический анализ прагматонима свидетельствует о контаминации ситуаций и зоонимов: на обертке изображены сидящие в лодке Герасим и корова (*Муму*). Заметим, что *Муму* является типовым названием конфет с молочной начинкой, визуальный компонент которых – изображение морды коровы. Прагматоним реализует сатирическую (юмористическую) и информативную функции. Вследствие актуализации лингвосомиотической игры в (2) следует говорить о высокой степени аттрактивности визуальной части креолизованного текста.

Прагматоним (3) «*Джюльетта*» соотносится с одноименным литературным антропонимом. Из 256 документов в НКРЯ обнаружено 43 примера употреблений в переносном значении, например:

«У нас любовный роман. Ромео и Джульетта. Дети выросли вместе, а сволочь жизнь разводит их по разным странам» (Г. Щербакова. Митина любовь (1996)).

Литературные антропонимы *Ромео* и *Джульетта* имеют переносное значение ‘беззаветная любовь, которая сильнее смерти’. Лингвосомиотический анализ прагматонима свидетельствует, что актуализировано именно это значение: на обертке изображено сердце как символ любви; в визуальной части креолизованного текста реализована символическая функция.

Прагматоним (4) «*Дюймовочка*» соотносится с литературным онимом из одноименной сказки Х. К. Андерсена. Это прецедентное имя, переносное значение – ‘маленькая добрая девочка’. В НКРЯ оним представлен 45 примерами; 13 примеров – употребление онима в переносном значении. Иллюстрация на обертке прагматонима реализует аттрактивную и эстетическую функции.

Прагматоним (5) «*Дядя Степа*» имеет в основе одноименный литературный оним, который Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров относят к репрезентативным именам, близким к нарицательным [3: 58]. Значение прецедентного имени – ‘чрезвычайно высокий человек’. НКРЯ содержит 17 примеров данного прецедентного имени. Лингвосомиотический анализ обнаруживает взаимосвязь между названием, формой конфеты (она имеет значительно вытянутую форму прямоугольника, будто изоморфно передающую рост *дяди Степы*) и картинкой (изображен человек с непомерно длинными ногами). Визуальная часть креолизованного текста реализует иллюстративную функцию.

Значение ‘чрезвычайно высокий человек’ имеет и другой литературный оним – *Гулливер*. Наша картотека содержит два примера прагматонимов – (6) «*Гулливер*» и (7) «*Путешествие Гулливера*». Лингвосомиотический анализ обнаруживает в данных прагматонимах связь между названием и формой конфеты (конфета значительно превышает стандартные размеры), названием и иллюстрацией (сказочный персонаж выглядит высоким). Визуальная часть креолизованного текста реализует иллюстративную функцию.

Прагматоним (8) «*Незнайка*» соотносится с прозвищем героя трилогии Н. Носова («Приключения Незнайки и его друзей: Роман-сказка», «Незнайка в Солнечном городе», «Незнайка на Луне»). Словари фиксируют значение апеллатива: «Незнайка, и, муж. и жен. (разг.). Человек, который мало знает или ничего не знает (в детской речи о детях)»⁴. Изначально апеллатив *незнайка* в результате онимизации перешел в прозвище. Далее литературный антропоним стал прецедентным именем собственным, стал употребляться в значении ‘озорной, легкомысленный малыш’. Из 31 примера в НКРЯ 22 примера имеют переносное значение, подтверждающее прецедентный характер онима. Визуальная часть креолизованного текста содержит изображение Незнайки в голубой шляпе, оранжевой рубашке (образ, описанный Н. Носовым). Кроме того, название конфеты написано с намеренной «исправленной» орфографической ошибкой: буква *и* в названии зачеркнута, сверху подписана буква *е*, что в вербальной части креолизованного текста актуализирует значение ‘человек, который мало знает или ничего не знает’. Визуальная часть реализует сатирическую функцию.

Наименование (9) «*Шерлок*» содержит отсылку к произведениям А. К. Дойла «Записки о Шерлоке Холмсе». Визуальный компонент представляет собой характерное изображение профиля персонажа в охотничьей шляпе и с трубкой во рту. НКРЯ из 151 случая дает 48 переносных употреблений данного онима в значении ‘находчивый, ловкий, сыщик’, к примеру: *Вы можете устроиться Шерлок Холмсом в КГБ, Анна Моисеевна, – одобрил Генка.* (Э. Лимонов. Молодой негодяй (1985)).

В прагматониме (10) «*Золотая рыбка*» допустимо двойное толкование. С одной стороны, можно учитывать онимизацию, зоологическое название породы рыб (лат. *Carassius auratus*) в имя собственное – прагматоним. С другой стороны, более вероятно квалифицировать прагматоним как явление трансонимизации: переход

литературного онима в отонимный прагматоним – название конфеты с литературной сферой-источником («Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина). В НКРЯ из 108 примеров представлено 42 переносного прецедентного употребления, связанного с прецедентным феноменом из сказки Пушкина. Часто контекст содержит отсылку к ситуации, в которой оказываются герои литературного произведения, напр.:

«Там, на неведомых дорожках Золотая рыбка, скатерть-самобранка, палочка-выручалочка, где вы? <...> Кто еще приносит удачу и исполняет заказы?!» (О. Утешева. Там, на неведомых дорожках // Домовой. 2002.10.04, НКРЯ).

Переносное значение литературного зоонима является символическим, обозначает удачу. Трудно утверждать, что символическое значение сохраняется в прагматониме, но можно говорить, что такое название является привлекательным для потенциального покупателя. Визуальный компонент также выполняет аттрактивную и эстетическую функции.

Прагматоним (11) «Золотой ключик» имеет литературным источником волшебный артефакт повести А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936). Переносное значение литературного онима фиксируется в словарях: «Золотой ключик – разг. О средстве, помогающем достичь успеха, счастья. По книге для детей А. Толстого “Золотой ключик или Приключения Буратино” (1936)»⁵. В НКРЯ содержится 43 примера переносного употребления онима, например:

«У Хрущева было страстное желание найти “золотой ключик”, “палочку-выручалочку”, “чудо-оружие”, “чудо-средство”» (Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева // Наука и жизнь. 2008. № 9. С. 68).

В (11) аттрактивная и эстетическая функции реализуются традиционным оформлением обертки (цветовое и графическое решение практически не меняются с 80-х годов XX века).

(12) «Летучий голландец» также является артефактом нидерландской легенды, которая легла в основу многих литературных произведений («Корабль-призрак» Ф. Марриета, «Мемуары господина фон Шнабелевского» Г. Гейне и др.), а также одноименной оперы Р. Вагнера. В переносном смысле употребляется в значении «непоседливый человек, скиталец», а также в ироническом контексте к кому-либо, «упрямо гнущему свою линию»⁶. Также встречаются случаи употребления артефакта в значении «призрак»:

«На улице, когда на ее губах пузырятся невеста кому адресованные смутные монологи, она похожа на призрак, фантом, “Летучий голландец”, рассекающий вол-

ны Атлантики» (И. Рассадников. Каприз // Сибирские огни. 2012. № 5. С. 39).

В прагматониме (13) «Царство Нептуна» креолизованная составляющая ярко проявляется в отсылке к прецеденту (Нептун – божеество моря), реализуя иллюстративную функцию: шоколадные конфеты представлены в форме моллюсков и морских коньков. Сферой-источником в данном случае является древнеримская мифология. Степень прецедентности данного выражения невелика, однако в НКРЯ представлены несколько случаев метафорического употребления данного сочетания в значении «глубина, дно», например:

«В один из рейсов древнее судно, загруженное, как говорится, под завязку, не выдержало небольшого волнения на море и спокойно отправилось в царство Нептуна» (В. Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)).

Обобщая характер взаимодействия вербальной и невербальной частей креолизованных текстов прагматонимов, отметим, что в (1), (5), (6), (7) и (13) можно говорить об изоморфизме семантики названия и формы конфеты.

ПРАГМАТОНИМЫ С ИСТОРИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ

Историческая сфера-источник отонимных прагматонимов – названий конфет отражает широко известные события истории России за последнее десятилетие: «Крым. А ну-ка, отбери!» («Шоколадные традиции», г. Новосибирск), «Челябинский метеорит» («ЮЖУРАЛКОНДИТЕР», г. Челябинск) и «Уральский метеорит» (ООО «Уральская экспортная компания», г. Екатеринбург). Спецификой прагматонимов с исторической сферой-источником является тот факт, что все они включают в свой состав не просто прецедентное имя собственное, но оним, актуализирующий прецедентную ситуацию.

Источниками прагматонима (14) «Крым. А ну-ка, отбери!» являются: а) прагматоним – брендовое название конфет «Ну-ка, отними!», производившихся еще в дореволюционной Москве, б) топоним *Крым*. Название нового прагматонима является трансформацией дореволюционного названия конфет и базируется на прецеденте новейшей истории России в связи с присоединением к Российской Федерации полуострова Крым. Представляется возможным говорить о прецедентном тексте «А ну-ка, отними!». НКРЯ содержит 9 примеров переносного употребления, в 7 примерах прецедент употреблен в значении прагматонима – названия конфеты. См. пример 2019 года, когда на смотре аварийно-спасательной техники, во время

торжественного вручения ключей от новых пожарных машин губернатор Республики Чувашия поднял руку с ключами вверх, заставив подпрыгнуть стоявшего перед ним офицера МЧС. Общество осудило такое поведение:

«Если это была попытка шутки, то она не смешная. Эта сцена из серии “А ну-ка отними”, где майора МЧС вынуждают прыгать, вызывает оторопь и отвращение» (Газета.ru. 24.01.2020)⁷.

Как показал лингвосомиотический анализ, в прагматониме реализуются экспрессивная, сатирическая и символическая функции: на обертке изображен супермен с российским флагом на груди и георгиевской лентой – символом Победы в Великой Отечественной войне. Визуальная часть креолизованного текста также реализует аттрактивную и эстетическую функции.

В прагматонимах (15) «**Челябинский метеорит**» и (16) «**Уральский метеорит**» содержится отсылка к прецеденту 15 февраля 2013 года, когда фрагменты небольшого астероида взорвались в окрестностях Челябинска, что стало одним из самых обсуждаемых в мире событий. НКРЯ не содержит примеров метафорического употребления данного прецедента. Полагаем, что производители конфет (номинаторы прагматонимов) предприняли попытку закрепить историческое событие в памяти носителей русского языка посредством названий, которые, возможно, со временем станут брендовыми. Согласно лингвосомиотическому анализу, визуальная часть креолизованных текстов (15) и (16) реализует аттрактивную и эстетическую функции. В целом можно заключить, что (14), (15) и (16) отражают события новейшей истории России, прецедентные онимы, лежащие в основе прагматонимов, актуализируют в сознании носителей русского языка ту или иную прецедентную ситуацию, следовательно, эти названия конфет в тесной взаимосвязи с визуальной частью креолизованного текста реализуют функцию создания ретроспективного плана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвосомиотический анализ вкуче со сравнительным методом, позволившим обратиться к НКРЯ за подтверждением факта прецедентности того или иного онима, подтверждает, что все

анализируемые отонимные прагматонимы – названия конфет являются прецедентными, актуализируя прецедентное имя или прецедентную ситуацию. В отношении прагматонимов «Челябинский метеорит» и «Уральский метеорит», содержащих отсылку к прецедентной ситуации, можно говорить, что данные номинации находятся на стадии речевой системности.

Рассмотренные прецедентные прагматонимы были разделены на две группы в зависимости от сферы-источника. Статистический метод показал, что более 80 % прагматонимов – названий конфет, включающих в свой состав прецедентный оним, относятся к литературной сфере-источнику. Многие из этих литературных произведений входят в фонд мировой классической литературы, становятся основой экранизаций и театральных спектаклей, частично или полностью изучаются в рамках школьной программы. Данные названия имеют в своем составе литературные онимы (антропонимы – «Дюймовочка», «Гулливер», «Дядя Степа»; зоонимы – «Му-му», «Золотая рыбка»), а также названия литературных артефактов («Золотой ключик»). Около 30 % прагматонимов с прецедентными онимами литературной сферы-источника имеют символическое значение. Визуальная часть прагматонимов первой группы (оформление обертки или форма конфеты) в 100 % примеров выполняет аттрактивную и эстетическую функции, в 10 % примеров – информативную и символическую, в 20 % – иллюстративную и сатирическую.

Прагматонимы второй группы составляют 20 % от общего количества, входят в историческую сферу-источник, отражают исторические события новейшего времени в России. Прагматонимы второй группы нередко ориентируются на взрослую потребительскую аудиторию, людей, имеющих образование, способных уловить ассоциацию с источником прецедента. Визуальная часть креолизованных текстов во всех прагматонимах данной группы дополнительно к аттрактивной и эстетической реализует функцию создания ретроспективного плана, что объясняется связью с прецедентными ситуациями. В 40 % прагматонимов визуальная часть креолизованного текста реализует экспрессивную, сатирическую и символическую функции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие. М.: Академия, 2003. С. 3.

² Там же. С. 57.

³ Здесь и далее в круглых скобках даны примеры из НКРЯ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscognora.ru> (дата обращения 03.03.2020).

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 406.

- ⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 291.
⁶ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. М., 1955. С. 295.
⁷ Газета.ру. 24.01.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/01/24/12926882.shtml> (дата обращения 03.03.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурькин А. А. Тамбовский волк. К проблеме истории фразеологического сочетания и регионального идентифицирующего символа // Вестник ТГУ. 2016. Вып. 2 (6). С. 86–92.
2. Ван Мяо. Фактор адресата в прагматонимии (на материале русских и китайских названий кондитерской промышленности) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 7 (41). С. 129–132.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
4. Гудков Д. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 4. С. 82–93.
5. Гурова И. В. Гейт-образования в заголовках медиатекстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-1 (67). С. 88–91.
6. Дубовицкая Л. В. Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 2. С. 15–20.
7. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилетика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 157–168.
8. Иванян Е. П., Иванова П. С. Персоносфера в сравнениях с прецедентными онимами в текстах произведений З. Прилепина и Н. Абгарян // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 (11). С. 46–57.
9. Иванян Е. П., Михайлова М. Ю. «Обитель» З. Прилепина в лингвосомиотическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 138–143. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.27>
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.
11. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 283 с.
12. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.
13. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 242 с.
14. Лингвистика и аксиология. Этносемиотика ценностных смыслов / Е. Ф. Серебренникова и др. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
15. Максимова Ю. А., Милютин М. Г. Политическая метафорика Л. Д. Троцкого (на примере антропоморфных метафор) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. № 2. С. 134–138.
16. Намитокова Р. Ю., Нефляшева И. А. Онимное словообразование и словообразовательный потенциал онима // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы VI Всерос. конф. Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. С. 33–36.
17. Нахимов Е. А. Критерии прецедентности имени собственного // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 1. С. 73–83.
18. Пономаренко И. Н., Беданова З. К. К вопросу о семантике имени собственного // Вестник АГУ. 2018. Вып. 4 (227). С. 76–82.
19. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. 289 с.
20. Федюченко Л. Г. Визуальный контекст как форма репрезентации технического знания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 1. С. 324–329.
21. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 54–57.

Поступила в редакцию 02.04.2020; принята к публикации 28.09.2020

Original article

Natalia D. Osipova, Postgraduate Student,
 Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-0328-9631; osipova@sgspu.ru

LINGUO-SEMIOTIC ASPECT OF STUDYING PRECEDENT ONYMIC CANDY NAMES

Abstract. The article deals with pragmatonyms – names of candies comprising precedent proper names (onyms) – in linguo-semiotic aspect. Relevance of the research is determined by extralinguistic factors, since candies as a universal gift play an important role in the society and their names reflect a significant part of the linguistic world view, as well

as by linguistic factors, because candy names have been little studied by Russian linguists and have never been an object of linguo-semiotic research. The linguo-semiotic analysis of precedent candy names, which takes into account the interaction between verbal and visual components, characterizes pragmatonyms as a variety of creolized text, which determines the novelty of the study. The main groups of precedent pragmatonyms derived from literary or historical sources are identified and characterized. It is established that the visual component of all the pragmatonyms used as candy names performs attractive and aesthetic functions. The author reveals examples of isomorphism between the semantics of candy names and the forms of candies. For some pragmatonyms the visual component is characterized by implementation of illustrative, informative, humorous, expressive, and symbolic functions. The specific feature of pragmatonyms originating from the historical source sphere is that precedent onyms contained in these names actualize the precedent situation, which in turn creates a retrospective plan in the visual part of such creolized text. No reference to the precedent situation has been identified in candy names originating from literary sources.

Key words: pragmatonym, precedent onym, precedent, source sphere, candy names, linguo-semiotic analysis

For citation: Osipova, N. D. Linguo-semiotic aspect of studying precedent onymic candy names. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):60–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.568

REFERENCES

1. Burykin, A. A. Tambov wolf. The problem of phraseological unit and regional identifying symbol. *Tambov University Review*. 2016;2(6):86–92. (In Russ.)
2. Wang Miao. Factors of addressee in pragmatonymy (based on the Russian and Chinese names of confectionery industry). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;7(41):129–132. (In Russ.)
3. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. Language and culture. Moscow, 1990. 246 p. (In Russ.)
4. Gudkov, D. B. Precedent name in the cognitive base of the modern Russian language (experiment results). *Language, consciousness, communication*. Moscow, 1998. Issue 4. P. 82–93. (In Russ.)
5. Gurova, I. V. Derivatives with the suffix -gate in media headlines. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017;1-1(67):88–91. (In Russ.)
6. Dubovitskaya, L. V. Precedent phenomena in iconic components of written creolized texts. *Bulletin of Moscow Region State University. Series "Linguistics"*. 2012;2:15–20. (In Russ.)
7. Zemskaya, E. A. Citation and the types of its transformation in the headlines of modern newspapers. *Poetics. Stylistics. Language and culture. In memory of Tatyana Grigoryevna Vinokur*. Moscow, 1996. P. 157–168. (In Russ.)
8. Ivanyan, E. P., Ivanova, P. S. Personosphere of men's in comparisons with case onyms in modern texts (on the example of works Z. Prilepin and N. Abgaryan). *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2017;4(11):46–57. (In Russ.)
9. Ivanyan, E. P., Mikhailova, M. Yu. Z. Prilepin's novel "Abode" in linguo-semiotic aspect. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2020;13(1):138–143. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.27> (In Russ.)
10. Karaulov, Yu. N. The Russian language and language personality. Moscow, 1987. 363 p. (In Russ.)
11. Krasnykh, V. V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. Moscow, 2002. 283 p. (In Russ.)
12. Kryukova, I. V. Advertising name: from invention to precedent: Monograph. Volgograd, 2004. 288 p. (In Russ.)
13. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. Moscow, 2004. 242 p. (In Russ.)
14. Linguistics and axiology. Ethnosemiometry of value meanings. E. F. Serebrennikova et al. Moscow, 2011. 352 p. (In Russ.)
15. Maksimova, Yu. A., Milyutina, M. G. Political metaphoric system of L. D. Trotsky (through anthropomorphous metaphors). *Bulletin of Udmurt University. Series "History and Philology"*. 2013;2:134–138. (In Russ.)
16. Namitokova, R. Yu., Neflyasheva, I. A. Onymic word-formation and word-formation potential of onyms. *Issues of general and regional onomastics: Proceedings of the VI all-Russian conference*. Maykop, 2008. P. 33–36. (In Russ.)
17. Nakhimova, E. A. Criteria of precedence of a proper name. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2011;1:73–83. (In Russ.)
18. Ponomarenko, I. N., Bedanokova, Z. K. On semantics of a proper name. *The Bulletin of Adyghe State University*. 2018;4(227):76–82. (In Russ.)
19. Teliya, V. N. Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow, 1996. 289 p. (In Russ.)
20. Fedychenko, L. G. Visual context as a way of representing technical knowledge. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2020;1:324–329 (In Russ.)
21. Chudinov, A. P., Budaev, E. V. Contemporary approaches to cognitive metaphor theory. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2007;4:54–57. (In Russ.)

Received: 2 April, 2020; accepted: 28 September, 2020

ИРИНА МИХАЙЛОВНА ГРИЦЕВСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Новосибирское высшее военное командное училище (Новосибирск, Российская Федерация)

профессор

Институт рукописной и старопечатной книги (Нижний Новгород, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9061-5070; irgri@inbox.ru

ИЕРУСАЛИМСКИЙ УСТАВ XVI ВЕКА ИЗ МУЕЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена изучению Иерусалимского устава, принадлежавшего в XVI–XVII веках Муезерскому монастырю («Касьяновой пустыни»). Анализируются особенности редакции памятника, его состава, репертуара входящего в него месяцеслова. Отмечается принадлежность памятника к редакции Иерусалимского устава в 44 главах. Приведены сведения о локализации Уставов подобной редакции: как правило, они распространялись в северо-западных по отношению к Москве регионах (Тверь, Новгород, Псков). Однако месяцеслов устава из Муезерской пустыни включает памяти московских иерархов Алексия, Ионы, а также память на перенесение мощей митрополита Петра. Он не содержит обычных для уставов Новгородского региона (в том числе и для Устава, созданного по заказу инока Досифея) памятей Знамения иконы Богородицы, Евфимия Новгородского. Судя по имеющимся описям Соловецкой библиотеки, Муезерский устав с ней, по-видимому, не связан. Сделан вывод, что данный устав возник в крупном книжном центре, возможно, расположенном в Москве или имеющем промосковскую ориентацию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Муезерский монастырь, Иерусалимский устав, русские рукописные книги XVI века
Д л я ц и т и р о в а н и я : Грицевская И. М. Иерусалимский устав XVI века из Муезерского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 68–73. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.569

ВВЕДЕНИЕ

Книжное и литературное наследие северных русских монастырей, находившихся на территории Карелии и соседних территориях (бывшей Олонецкой губернии), достаточно хорошо изучено (см., например: [8], [9], [10], [11], [13]). Тем не менее данная весьма значимая тема, раскрывающая духовную жизнь северного монашества, требует дополнительных изысканий. Важным вкладом в ее изучение может стать анализ такого организующего жизнь средневекового монастыря памятника, каким является церковный устав. Настоящая работа посвящена введению в научный оборот ранее не изучавшейся рукописной книги XVI века – Иерусалимскому уставу 44 глав¹, принадлежавшему Муезерскому Троицкому монастырю (РНБ, собрание Соловецкого монастыря, № 1118/1227) (далее: Муезерский устав).

* * *

Представляя данную рукописную книгу, отметим, что в описании собрания Соловецкого монастыря рукопись датируется по характеру

полуустава концом XV или началом XVI века². Однако изучение рукописи свидетельствует о более позднем ее создании. Среди мелких статей, сопровождающих текст Иерусалимского устава, имеется сочинение, переведенное с греческого «Гаврилой протом». Известно, что южнославянский книжник Гавриил, перу которого принадлежит перевод, являлся протом Афона несколько раз (с 1515 или 1516 до 1520 года, затем с конца 1525 до 1528 года и в 1-й половине 30-х годов – до 1534 года) [14]. Таким образом, исследуемая рукопись никоим образом не могла возникнуть ранее 1515 года.

Водяные знаки, имеющиеся на бумаге рукописи, также не соответствуют ранней датировке. Основным знаком является «Кувшинчик» – весьма сложный вариант для идентификации. В книге имеются два типа этой филигранны, для которых нами не найдено точных соответствий; подобные относились ко второй половине XVI века.

На рукописи, как уже было сказано, имеется ряд записей Муезерской пустыни, почерк

которых можно определить как скоропись XVII века. Несколько раз повторена полистная запись: «Сия боговдохновенная книга глаголемая Устав Живоначальные Троицы и великого чудотворца Николы Муезерския пустыни».

Муезерский монастырь, возникший, по видимому, в 70–80-х годах XVI века, расположен на озере Муй, на землях Кемской волости³. Про его основание и ранний период мы знаем очень мало. Однако известно, что в 80–90-е годы XVI века данная территория неоднократно подвергалась разорению:

«А та Кемская волость и церкви божий и двор монастырской и крестьянские дворы в 87-м году да в 98-м году от немецкие воины все пожжены, а крестьяне побиты, а иные в полон пойманы, а которые крестьяне остались от немецкие войны, и те по своим дворовым местам живут в шалашах и в ослонех, а иные по своим дворовым местом избенца ставят»⁴.

В 1591 году монастырь был приписан к Соловецкой обители, этим же годом датируется первое дошедшее до нас упоминание монастыря в документах. В отводной книге, составленной Семеном Юрневым при передаче монастыря Соловкам, говорится:

«Да на Маслозерской же земли, на Муезере на острову монастырек, а в нем храм Троицы Живоначальные, пустынька, а в ней пять братов; а питаюца от своих трудов лешю пашенкою и на озере рыбу ловят»⁵.

В 1764 году Муезерский монастырь был упразднен.

Согласно местной легенде, монастырь был основан преподобным Кассианом (в конце XVI века назывался «Касьяновой пустынью»). Однако неясно, был ли Кассиан основателем пустыни или же жившим там подвижником. Сомнения вызываются находкой археологической экспедиции начала 60-х годов прошлого века в алтаре монастырской церкви креста (увезен ГРМ и до настоящего времени детально не исследован) с надписью «Поставил сий крест первоначальной старец Геннадий 7081 (1573) августа в 11 день» [6], [12]. В литературе имеется ничем не подтвержденное мнение, что Кассиан был постриженником Соловецкого монастыря. Возможно, это мнение возникло в связи с тем, что Кассиан был включен в собор Соловецких святых. Однако он также включался и в собор Новгородских святых [7].

Вернемся к Иерусалимскому уставу, который мог находиться в Муезерском монастыре предположительно с 80-х годов XVI века вплоть до упразднения монастыря в XVIII веке (часть этого периода или полностью). Иерусалимский устав – объемная дорогая книга, си-

стематизирующая материалы служебных книг (миней, триодей и др.) и обычно имеющаяся в крупных соборах и больших монастырях, в книжных собраниях иерархов. Эту книгу нельзя назвать часто встречаемой и обычной для маленького монастыря. Где Муезерский устав был создан и как мог оказаться в бедной пустыньке на пять монахов, в землях, разоренных набегами? Ответ на данный вопрос важен для выяснения ранней истории пустыни. Отчасти он может базироваться на анализе содержания Устава.

Как уже было сказано, Муезерский устав относится к редакции Иерусалимских уставов в 44 главах. Уставы данной редакции имеют следующую структуру: 44 общецерковные главы + месяцеслов + триодная часть + Марковы главы. В Муезерском уставе к основной структуре имеется ряд дополнений. В частности, это уже упоминавшийся выше перевод прота Гавриила уставных указаний на погребение умерших на Пасху: «Устав Святыя горы Афона. Бог простит Гавриила прота, яко сие преписа от греческаго на словенский язык. Аще кто преставится на воскресение Господне...» (л. 479). Наличие в Уставе подобной статьи показывает, что данная рукопись создавалась в крупном книжном центре, имевшем доступ к относительно новым южнославянским переводам. К сожалению, данный текст не подвергнулся специальному исследованию и невозможно сделать вывод о его распространенности в русской книжности, однако нам не известны другие списки Иерусалимского устава с подобным дополнением.

Далее, важное значение имеют данные месяцеслова Муезерского устава. В начале XV века на Руси появляются две версии Иерусалимского устава: Устав 44 глав и Устав 67 глав. Составители обеих редакций отталкивались от южнославянского варианта Иерусалимского устава, известного по ряду болгарских и сербских списков XIV–XVI веков [4]. Особенностью месяцесловов обеих редакций являлось постоянное во всех списках наличие ряда русских, славянских и византийских памятней, отсутствующих в южнославянском прототипе⁶.

Редакция 67 глав («Око церковное») была составлена в Константинополе неким Афанасием в 1401 году и уже через год попала на Русь. Эта редакция сопровождала монастырскую колонизацию северо-востока Руси; она распространялась через монастыри, основанные последователями и учениками Сергия Радонежского [2].

Редакция Устава 44 глав появилась на Руси, возможно, трудами учеников и сподвижников митрополита Киприана и распространялась

на протяжении XV века на северо-западе Руси (Новгород, Псков, Тверь)⁷. Однако уже в конце XV века локализация начала расширяться, и в конце XVI века такой устав встречается и в других землях.

В отличие от южнославянского прототипа и от Устава 67 глав, в месяцеслов здесь включены следующие дополнительные памяти, присутствующие во всех без исключения списках данной редакции: Козма и Дамиан Аравийские (17.10), Арсений Сербский (28.10); Петр митрополит (21.12); Савва Сербский (14.01). Названные особенности месяцесловов из Устава 44 глав присутствуют и в месяцеслове Муезерской пустыни.

На протяжении XV века происходило расширение репертуара, и к концу века сюда включаются праздники Покрову Богородицы (01.10), св. кн. Борису и Глебу (02.05), Леонтию Ростовскому (23.05), Игнатию Ростовскому (28.05), Сергию Радонежскому (25.09). Реже, но достаточно часто встречалась также память Михаилу Черниговскому (20.09). Регулярно появлялись монашеские памяти Варлааму Хутыньскому (6.11), Кириллу Белозерскому (09.06) и Дмитрию Прилуцкому (11.02). Результатом влияния редакции Устава 67, также неоднократно отмечавшегося и в новгородских уставах XV века, являлось наличие памяти Иоанну Рыльскому (19.10), Садофу священномученику (19.10) и Кириллу Катанскому (14.02).

Достаточно часты в уставах уже XV века московские памяти: две памяти Алексею митрополиту Московскому – на Преставление (12.02) и на Обретение мощей (20.05).

Все перечисленные памяти имеются в Муезерском уставе и не составляют уже в конце XV века индивидуальной особенности месяцеслова.

Значительно реже, если говорить о конце XV века, встречаются следующие памяти, имеющиеся в том числе в месяцеслове Муезерского устава: Симеону Сербскому (13.02), Иоанну Белгородскому (02.06), великомученице Параскеве (28.10), Савве Вишерскому (1.10), Ионе митрополиту (30.03), на Перенесение мощей Петра митрополита (24.08), Григорию папе Римскому (12.03).

Из данного обзора следует, что почти все памяти, встречающиеся в месяцеслове Муезерского устава, имелись уже в уставах конца XV века. В то же время сюда не включено множество памяти русским святым, появившихся в месяцесловах в XVI веке. Таким образом, по своему репертуару месяцеслов Устава весьма архаичен.

При анализе муезерского месяцеслова необходимо отметить следующее. В нем отсутству-

ют типично новгородские памяти, не опускавшиеся, как правило, в других месяцесловах, связанных с регионом: нет памяти Знамения иконы Богородицы (27.11) в Новгороде и памяти Евфимия архиепископа Новгородского (11.03). Если вторая память весьма распространена в местных месяцесловах конца XV–XVI веков, но не обязательна, то первая включалась в абсолютное большинство месяцесловов, связанных с новгородским регионом. В частности, обе эти памяти включены в известный Иерусалимский устав 44 глав, написанный по повелению игумена Досифея для Соловецкой библиотеки (РНБ, собр. Соловецкого м-ря, № 1128/1237) в 1494 году. Зато, как видно из обзора памяти, сюда были включены дополнительные московские памяти: Ионе митрополиту и на Перенесение мощей Петра митрополита Московского.

Таким образом, Муезерский устав содержит месяцеслов вида конца XV – начала XVI века, отражающий скорее московскую традицию, нежели новгородскую. Этот месяцеслов архаичен, для второй половины XVI века состав памяти, пополняющих базовый состав месяцеслова, скуден. Тем не менее в него входят южнославянские памяти, редкие для подобного вида месяцеслова: памяти Симеону Сербскому и Иоанну Белгородскому.

О доступе составителя Устава к относительно новому южнославянскому источнику говорит включение в книгу перевода прота Гавриила.

Возможно, протограф этого Устава возник в крупном книжном центре в конце XV – начале XVI века. При этом данный центр, скорее всего, не связан ни с новгородским регионом, ни с Соловками, а скорее, имеет московскую (околомо-сковскую) локализацию.

Отрицают соловецкое происхождение устава и данные описей соловецкого книжного собрания, сделанных на протяжении XVI века. В наиболее ранних описях 1514 и 1549 годов отмечено наличие в собрании двух Уставов, один из которых – досифеев⁸. В описях 1570 и 1582 годов количество уставов увеличилось на одну единицу, теперь их три⁹. Третий устав вряд ли является нашим Муезерским уставом, поскольку появился в описях ранее, чем Муезерский монастырь был приписан к Соловкам, и позднее из библиотеки не исчез. В описи 1597 года отмечается резкий прирост библиотеки, здесь указаны три прежних Устава, и, кроме этого, добавлены еще три («данье» Ефросина Назимова, бывшего владыки Филофея и игумена Иакова)¹⁰.

Как видно, ни один из Уставов не покидал соловецкой библиотеки.

Обобщая сказанное, можно предположить, что Муезерский устав не происходил из Соловецкой обители, не был там написан и не был оттуда выдан. Он оказался на Соловках не ранее XVII века, поскольку в описях XVI века он не отражен; возможно, это произошло при ликвидации Муезерской пустыни.

Пытаясь представить вероятное происхождение Муезерского устава и путь его в «Касьянову пустынь», необходимо вспомнить выявленную нами традицию распространения иного типа Иерусалимского устава, а именно Устава 67 глав, связанную с Троице-Сергиевым монастырем и монастырской колонизацией северо-восточных земель, которой он дал начало. Так, известно, что с конца XV века Уставы 67 глав имелись в Троице-Сергиевом, Стромьинском, Кирилло-Белозерском, Никольском Переславль-Залесском, Савва-Сторожевском, Павло-Обнорском, Авраамиевом Новоозерском монастырях [2].

Особый интерес в рамках нашей темы вызывает Иерусалимский устав в рукописи ГИМ, собр. Вахrameева, № 778, созданный в 1497 году. Этот устав в целом относится к редакции 44 глав, однако создавался под сильным влиянием редакции 67 глав. На нем имеется ряд записей, освещающих его судьбу. К 1510 году относится запись с известиями из Троице-Сергиева монастыря (посещение великим князем, крыша покрыта железом). В 1530/31 годах книга продана. Продавец Иона Лопотуха (в 1519 году упомянут как строитель Киржачского Благовещенского монастыря, основанного Сергием Радонежским и зависимого от Троице-Сергиева монастыря). Покупатель – Александр, бывший игумен Троице-Сергиева монастыря. В 1534 году книга передана Александром Корнилию Комельскому. В 1552 году сделана запись с известием

из Корнилиева-Комельского монастыря (там умер князь Вассиан Репин). Таким образом, книга дважды покидала Троицкий монастырь и путешествовала по дочерним монастырям. Представляется, передача книги могла быть связана с благословением на основание новой обители. Возможно, именно так – как благословение основателям – появлялись Иерусалимские уставы в многочисленных северо-восточных монастырях, созданных последователями и учениками Сергия Радонежского.

Возвращаясь к Муезерскому уставу, отметим, что он вряд ли связан с таким центром монастырской колонизации, каким был Троице-Сергиев монастырь. Этот вывод можно сделать, поскольку Устав, во-первых, не относится к редакции 67 глав, чаще всего используемой в этом монастыре, во-вторых, не содержит соответствующих памятней в месяцеслове, которые были обычны для троицких уставов уже в конце XV века (например, в упомянутом Уставе из собрания Вахrameева имеются памяти на перенесение мощей Сергия Радонежского на 5.06, Никону, ученику Сергия, на 17.11).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, не имея возможности точно установить происхождение Муезерского устава, мы можем с большей или меньшей уверенностью исключить из числа мест его создания такие центры монастырской колонизации, как Соловецкий и Троицкий монастыри, а также Новгород. Скорее, это был какой-то московский источник, на настоящий момент неизвестный. Возможно, что Устав дан был основателю как благословение на создание пустыни, и тогда мнение о Кассиане как о постриженнике Соловецкого монастыря не находит подтверждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О редакции Иерусалимского устава 44 глав см.: [1], [2], [3], [4].

² См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1898. Ч. 3. Отд. 1. С. 181–182, № 767.

³ О монастыре и его основателе (или жившем в нем подвижнике) Кассиане Муезерском см.: Досифей (Немчинов). Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 383–387; [5], [6], [7], [15].

⁴ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 320.

⁵ Там же. С. 325.

⁶ Памяти: преп. Параскева на 13/14.10, преп. Евфимий Новый на 15.10, преп. Палладий на 27.11, преп. Акакий иже в Лествице на 29.11, пренесение мощей преп. Феодора Мирликийского на 9.05, преп. Петра Афонского на 12.06, преп. Афанасия Афонского на 5.07, св. князя Владимира на 15.07, св. муч. Бориса и Глеба на 24.07, Лазаря Галисийского на 17.07. Добавления в месяцеслове, представленные только в редакции 67 глав: памяти св. муч. Садофа на 19.10, Афанасия Царьградского на 24.10, Артемия Солунского на 24.03, Варвара разбойника на 6.05, мученика Ермия (помимо апостола Ермия) на 31.05 [4].

⁷ Нами выявлено 16 списков XV века, древнейший из которых является тверским по происхождению, создан в 1423 году (ГИМ, Успенское собр., 5п). См. подробнее: [1].

⁸ Описи Соловецкого монастыря XVI века. Комментированное издание / Сост.: З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик; Отв. ред. М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 33, 45.

⁹ Там же. С. 76, 115.

¹⁰ Там же. С. 158, 162–164.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГРМ – Государственный Русский музей (С.-Петербург)
РНБ – Российская Национальная библиотека (С.-Петербург)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грицевская И. М. Иерусалимский устав 44 глав и его месяцеслов: распространение и развитие на Руси в XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021 (в печати).
2. Грицевская И. М. Иерусалимский устав 67 глав («Око церковное») и его месяцеслов: распространение и развитие на Руси в XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 141–157.
3. Грицевская И. М. Отражение почитания Петра митрополита Московского в месяцесловах Иерусалимских уставов XV в. // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 163–170.
4. Грицевская И. М. Старшие виды месяцесловов Иерусалимских уставов в русской книжности XV в.: становление и развитие репертуара памятней // Слово. International Journal of Slavic Studies. 2019. № 2. С. 87–122.
5. Кожевникова Ю. Н. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье (XVI – начало XXI в.) // Поморские чтения-II: Сб. докладов научно-практ. конф. Архангельск, 2019. С. 166–184.
6. Кожевникова Ю. Н., Кольцова Т. М. Кассиан // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 31. С. 500–502.
7. Минеева И. Н. Почитание преподобного Кассиана Муезерского в Карельском Поморье // Рябининские чтения–2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 112–115.
8. Пигин А. В. Книжные собрания и литературные памятники монастырей на Онежском озере // Кижский вестник. Петрозаводск, 2019. Вып. 18. С. 130–146.
9. Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. 225 с.
10. Пигин А. В. Русская книжность Карелии // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 672–684.
11. Пигин А. В. Сочинения о св. Александре Ошевенском в рукописях из монастырей, церквей и личных библиотек Каргополя // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.285
12. Смирнова Э. С. Экспедиция в Карельскую АССР // Сообщения Государственного Русского музея. Л., 1964. Вып. 8. С. 127–129.
13. Соболева А. Е. Житие Александра Свирского: от Великих Миней Четых до первого печатного издания // Свято-Троицкий Александра Свирского монастырь в российской истории и культуре. СПб., 2016. С. 66–82.
14. Турилов А. А. Гавриил // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 10. С. 205–206.
15. Шахнович М. М. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье: археологический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.477

Поступила в редакцию 19.11.2020; принята к публикации 24.12.2020

Original article

Irina M. Gritsevskaia, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Novosibirsk High School of Military Command (Novosibirsk,
Russian Federation), Institute of Manuscripts and Early Printed
Books (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9061-5070; irgri@inbox.ru

SIXTEENTH-CENTURY JERUSALEM TYPICON FROM THE MUEZERSKY MONASTERY

Abstract. The article addresses the study of the Jerusalem Typicon that belonged to the Muezersky Monastery (“Cassian’s Hermitage”) during the XVI and the XVII centuries. It examines the specific features of this document’s recension, its composition, and the repertoire of the menology it includes. The author establishes the fact that this

document is the recension of the 44-chapter Jerusalem Typicon. She also traces the localization of the Typica belonging to a similar type of recension: usually they were distributed in the regions northwest of Moscow (Tver, Novgorod or Pskov). However, the menology of the Typicon from the Muezerskiy Monastery includes commemorations of Moscow hierarchs Alexis and Jonah, as well as the commemoration of the transfer of Metropolitan Peter's relics. It does not, however, include commemorations normally found in the Typica from the Novgorod region (including the Typicon created at the request of monk Dositheus), such as commemorations of Our Lady of the Sign and Euthymius of Novgorod. The inventory of the Solovetsky Monastery library suggests that Muezersky Typicon has no connection to it. The study concludes that this Typicon emerged in a large monastic center possibly located in Moscow or at a place with a pro-Moscow orientation.

Key words: Muezersky Monastery, Jerusalem Typicon, sixteenth century Russian manuscripts

For citation: Gritsevskaya, I. M. Sixteenth-century Jerusalem Typicon from the Muezersky Monastery. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):68–73. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.569

REFERENCES

1. Gritsevskaya, I. M. Jerusalem Typikon of 44 Chapters and its menology: the issue of provenance and development in the 15th-century Rus'. *Old Russia. The Issues of the Middle Ages studies*. 2021 (in print). (In Russ.)
2. Gritsevskaya, I. M. Jerusalem Typikon of 67 chapters ("Oko tserkovnoye") and its menology: the issue of provenance and development in the 15th-century Rus'. *Old Russia. The Issues of the Middle Ages Studies*. 2020; 1(79):141–157. (In Russ.)
3. Gritsevskaya, I. M. Veneration of Metropolitan Peter of Moscow in the menologies of the fifteenth-century Jerusalem Typica. *Current issues of Russian history, source studies and archaeography: Commemorating the 90th anniversary of N. N. Pokrovsky*. Novosibirsk, 2020. P. 163–170. (In Russ.)
4. Gritsevskaya, I. M. Menology of the Jerusalem Typicon in the Russian manuscripts of the 15th century: the early formation and development of the repertoire of the commemorations of saints. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2019;2:87–122. (In Russ.)
5. Kozhevnikova, Yu. N. Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region (between the XVI and the beginning of the XXI centuries). *Pomor Readings-II: Proceedings of the Research and Practice Conference*. Arkhangelsk, 2019. P. 166–184. (In Russ.)
6. Kozhevnikova, Yu. N., Koltsova, T. M. Cassian. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2017. Vol. 31. P. 500–502. (In Russ.)
7. Mineeva, I. N. Veneration of St. Cassian Muezersky in Karelian Pomorye. *Ryabinin Readings–2011: Proceedings of the VI Research Conference on the Study and Mainstreaming of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2011. P. 112–115. (In Russ.)
8. Pigin, A. V. Book collections and literary monuments of monasteries on Lake Onega. *Kizhi Vestnik*. Petrozavodsk, 2019. Issue 18. P. 130–146. (In Russ.)
9. Pigin, A. V. Handwritten literary monuments of the Olonets region. Petrozavodsk, 2010. 225 p. (In Russ.)
10. Pigin, A. V. Russian book culture of the Karelia. *Peoples of Karelia. Historical and ethnographical essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 672–684. (In Russ.)
11. Pigin, A. V. Writings about St. Alexander of Oshevensk in manuscripts from monasteries, churches and domestic libraries of the Kargopol land. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;2(179):18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.285 (In Russ.)
12. Smirnova, E. S. Expedition to the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. *Reports of the State Russian Museum*. 1964;8:127–129. (In Russ.)
13. Soboleva, A. E. The Life of Alexander of Svir: from the *Velikie Minei Chetii* to the first print edition. *The Holy Trinity Monastery of St. Alexander of Svir in Russian history and culture*. St. Petersburg, 2016. P. 66–82. (In Russ.)
14. Turilov, A. A. Gavriil. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2010. Vol. 10. P. 205–206. (In Russ.)
15. Shakhnovitch, M. M. Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region: the archaeological aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.477 (In Russ.)

Received: 19 November, 2020; accepted: 24 December, 2020

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3664-4487; alexpetrov72@mail.ru

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА КОЛЕСНИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5819-7737; alexpetrov72@mail.ru

БАЛЛАДЫ И. И. ДМИТРИЕВА: ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

А н н о т а ц и я . Посредством сравнительно-исторического и ретроспективного методов авторы статьи исследуют шесть поэтических текстов, написанных в 1790–1805 годах И. И. Дмитриевым, поэтом, соратником Н. М. Карамзина. Все эти произведения несут в себе черты балладного жанра и могут считаться итоговыми для русской баллады на доромантическом этапе ее развития. Цель статьи – описать общую концепцию жанра баллады, какой она могла видеться Дмитриеву, и выявить конкретные пути и художественные способы ее воплощения. Один из путей – создание «гибрида», например поэмы-баллады, таков «Ермак» Дмитриева, в котором есть также и черты оды. В трех «балладах-былях» поэта можно увидеть приметы притчи, мелодрамы и новеллы. «Новеллистическая баллада-быль» на социально-бытовом материале без обращения к «чудесному», или фантастическому, в особенности привлекала Дмитриева. В результате постепенного отказа от атрибутов иных жанров рождалась русская баллада на национальном (как историческом, так и современном) материале; такой «чистой» балладой следует считать хронологически последнее из шести рассмотренных произведений поэта – «Старинную любовь» (1805). Парадоксально, но Дмитриев очень быстро осознал пародийный потенциал только формирующегося еще жанра («Отставной вахмистр»). Во всех своих балладных текстах он последовательно использует суггестивную технику, в особенности такой ее вид, как *suspense* – создание с помощью и словесных, и экстралингвистических приемов атмосферы тревоги, напряженного ожидания, страха. Все дмитриевские балладоиды оказываются связаны темой смерти, интерес к которой становится культурным феноменом эпохи сентиментализма / предромантизма. Выделенные в статье признаки ранней русской баллады и балладной «техники» позволяют включить в «балладный контекст» рубежа XVIII–XIX веков гораздо большее количество произведений, чем это принято сейчас в нашей науке.

Ключевые слова: И. И. Дмитриев, жанр баллады, балладоид, русская поэзия конца XVIII – начала XIX века, суггестия, *suspense*, предромантизм, сентиментализм

Для цитирования: Петров А. В., Колесникова О. Ю. Баллады И. И. Дмитриева: жанровые стратегии и тактики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.570

ВВЕДЕНИЕ

Как и многие поэтические жанры в русской литературе, баллада является жанром заимствованным. Начиная с 1730 года (В. К. Тредиаковский) нашей поэзии делались «прививки» различных национальных балладных традиций – французской, испанской, англо-шотландской, скандинавской и пр. Подспудно в ней формировалась и традиция национальная, точнее, баллада на наци-

ональном – русском – материале (М. Н. Муравьев, Н. А. Львов, И. И. Дмитриев, Г. П. Каменев и др.). Однако В. А. Жуковский, сосредоточившись на переводах и переложениях баллад западноевропейских авторов, затормозил этот процесс. В новом своем фазисе он явил себя уже в 1821–1823 годах, когда К. Ф. Рылеев занялся мифологизацией и героизацией ряда деятелей русской истории X–XVIII веков. Но если

судьба русской романтической баллады 1810–1860-х годов изучена в нашей науке достаточно хорошо, то история «протобаллады» 1790–1800-х годов прослежена пунктирно и точно (см., например: [2: 67–78], [4], [5: 144–149], [9], [10], [11], [12]). Некоторые «балладоидные» (определение В. Н. Топорова) тексты этого времени, например Карамзина, Боброва, Львова и Дмитриева, демонстрируют, по каким путям могла бы развиваться временно оттесненная на второй план оригинальная русская баллада.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ВОПРОСА. МЕТОДОЛОГИЯ

Несмотря на небольшое и вполне обозримое количество баллад и балладоидов в русской литературе XVIII – начала XIX века, они до сих пор еще не выявлены полностью. Самые известные из них, «канонические», числом до 20, рассматриваются в трех кандидатских диссертациях (Л. Н. Душиной (1975), М. А. Александровской (2004), А. Е. Шумахер (2015)) и в двух десятках статей. Полагаем, что число балладоидных произведений, написанных до 1808 года, с учетом анонимных публикаций в журналах, следует удвоить.

1808-й – год появления первой баллады Жуковского – можно считать неким «водоразделом», гранью между балладой доромантической и романтической. При этом баллады и другие жанры, продолжающие традиции литературы XVIII века, будут создаваться до половины XIX века. Тот же Рылеев попытается соединить доромантическое и романтическое в своих балладах и «думах».

Что касается баллад И. И. Дмитриева, то сам их отбор был произведен нами в пособии 2012 года, там же была намечена схема их исследования¹. Методологической основой стали сравнительно-исторический метод и ретроспективный анализ; последний предполагает, что балладоподобное произведение рассматривается с позиций современного понимания балладного жанра. К настоящему времени общие, характерные черты этого жанра описаны многократно: отечественные ученые сделали это в 1960–1980-е годы (М. П. Алексеев, А. А. Гугнин, Л. Н. Душина, Р. В. Иезуитова, А. С. Янушкевич и др.), западные – на рубеже XIX–XX веков (см., например: [13], [14]).

По этому пути пошла А. Е. Шумахер в статье 2013 года [12] и в диссертации 2015 года². Исследовательницу заинтересовали прежде всего мотивика и сюжетики двух баллад – «Отставного вахмистра» («Карикатура») и «Старинной

любви», а также двух «Былей»; прочие вопросы изучения дмитриевских баллад были в диссертации либо только намечены, либо не поставлены. Мало изучено в нашей науке и такое балладоидное произведение поэта, как «Ермак». В целом следует констатировать, что «стратегии» и «тактики» Дмитриева-балладника остаются непоясненными.

Общее количество произведений Дмитриева, которые с точки зрения ретроспективного анализа можно отнести к балладам, – минимум *шесть*. И это больше, чем у любого из его предшественников и современников, если иметь в виду хронологию написания этих шести произведений – с 1790 по 1805 год. Ни для одного из авторов XVIII века балладные искания не стали определяющими; не были они таковыми и для Дмитриева. Но именно он, создав наибольшее количество балладоидных произведений, невольно стал завершителем тех поисков в балладно-романсном жанре, которые имели место в русской литературе последних десятилетий XVIII века.

«ЕРМАК» И ЕГО «ПРОТОБАЛЛАДНЫЕ» ЧЕРТЫ. SUSPENSE

Как баллады сам Дмитриев определил два своих стихотворения – «Отставной вахмистр» (1792; 1803) и «Старинная любовь» (1805). Балладоидным является такое известное его произведение, как «Ермак» (1794). Собственно балладой считал «Ермака», пожалуй, только Д. Д. Благой [1: 669]; другие ученые называли его «обновленной одой» (Г. П. Макогоненко, Н. Д. Кочеткова, Л. И. Еременко); третьи видели в нем приметы поэмы, не уточняя ее жанровой специфики (Е. Н. Купреянова, А. Я. Кучеров, Ю. А. Беляев, Д. П. Николаев). В своих работах мы развивали взгляд на «Ермака» как на предромантическую историософскую поэму, выросшую из батальной оды [8: 114–126], [15]. Балладный компонент, безусловно присутствующий в нем, нами не рассматривался. Восполним этот пробел.

Мы остаемся при своем прежнем мнении о жанровой природе «Ермака»: это лиро-эпико-драматическая поэма с приметами «нисходящего» жанра – оды и жанра «восходящего» – баллады. Черты баллады в нем реконструируются с помощью указанных выше методов. С балладой «Ермака» сближают небольшой объем и динамичный сюжет, тема исторического прошлого, изображение экзотического пространства и героев (Сибирь и шаманы), «ночная» образность, эстетика «страшного» и суггестивная техника. Большая часть перечисленных балладных черт самоочевидна; остановимся только на двух последних, тем более что они взаимосвязаны.

В общем виде под *суггестией* понимается «способность литературы воздействовать на подсознание читателя» [6: 277]. Осознанное использование системы средств, направленных на достижение суггестивного эффекта, исследователи связывают с европейским предромантизмом, прежде всего с романом Энн Рэдклиф «Удольфские тайны» – в прозе (вышел в 1794 году – тогда же, когда и поэма Дмитриева); с «Поэмами Оссиана» (нач. 1760-х годов) Дж. Макферсона – в поэзии [6: 277–285]. В готическом романе оказался востребован особый вид суггестии – *suspense* – создание тревожного ожидания, атмосферы таинственной неопределенности, опасности, страха [6: 283–284], [14: 113]. В русских «протобалладах» *suspense* был использован М. Н. Муравьевым в «Неверности» (1781), Н. М. Карамзиным в «Раисе» (1791) и самим Дмитриевым в «Былях».

В «Ермаке» он обращается к приемам *suspense*, в особенности к экспрессивной лексике и к звукописи, в следующих случаях:

1) рисуя портрет сибирских шаманов, похожих на «тени, в аде заключенны»:

На каждом вижу я наряд,
Во ужас сердце приводящий! etc. (78)³;

2) описывая поединок Ермака и Мегмет-Кула:

Ужасный вид! они сразились!
<...> От вопля их дубравы воют;
<...> Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обоих трещат <...> (80);

3) изображая сцену молитвы старого шамана и жертвоприношения в лесу:

Внемли, мой сын: вчера во мрак
Глухих лесов я углубился <...>
Вдруг ветер восстал и поднял вой;
С деревьев листья полетели;
Столетни кедры заскрипели,
И вихрь заклянных серн унес!
Я пал и слышу глас с небес:
«Неукротим, ужасен Рача,
Когда казнит вселенну он. <...>» (81);

4) создавая демонический образ Ермака. Сошлемся здесь на наши прежние наблюдения: «Наследующий некоторые качества и атрибуты Иеговы, его ангелов, Моисея и всадников Апокалипсиса, Ермак изображается как источник зла, несущий смерть» [8: 124]:

<...> Куда стрелу ни посылал –
Повсюду жизнь пред ней бледнела
И страшна смерть вослед летела (80).

Как уже упоминалось, еще до «Ермака» Дмитриев опробовал суггестивную технику в двух балладоидах, имеющих одинаковое название – «Быль».

«БЫЛЬ» – ПОИСКИ «НАЦИОНАЛЬНОГО» ИСТОРИЗИРУЮЩЕГО ЖАНРОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ. АПОЛОГИЯ СМЕРТИ

Не исключено, что слово «быль» могло рассматриваться поэтом как национальное русское определение балладного жанра, подобное, например, испано-немецкому *Romanze*. В литературоведческих словарях это слово отсутствует, обратимся поэтому к толковым словарям. И в «Словаре Академии Российской», и в «Словаре» В. И. Даля слово «быль» включено в словарное гнездо «Бывать, быть». Словарь конца XVIII века фиксирует у этого слова следующее значение (с пометкой «простонар.»): «Что было действительно; истинная о чем повесть». Синонимом к «были» является «былица», антонимом – «небылица»⁴. У Даля оно включено в словообразовательно-синонимический ряд

«бывалка, бывальщина, былица, былина, быль» – то, что «было, случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый; старина; иногда вымысел, но быточный, не сказочный»⁵.

Скорее всего, после 1804 года Дмитриев ознакомится с теми «древними российскими стихотворениями», которые были собраны Киршей Даниловым и которые И. П. Сахаров в середине XIX века обозначит термином «былина». Однако в 1790-е годы поэт, называя свои произведения «былью», мог ориентироваться на соответствующие произведения русского фольклора, знакомые ему изустно.

Былью в этом смысле можно назвать «Отставного вахмистра», в котором описана, как считается, реальная история (445); в подлинности рассказанного Дмитриев уверяет чувствительных читательниц «Старинной любви»: «Красавицы! песнь эта – быль» (141). Полагаем, что словом «быль» Дмитриев хотел подчеркнуть ключевую характеристику создаваемой им «русской» баллады – ее историчность, то есть погруженность в реальную или мыслимую реальную историю, в том числе современную. Такова, во всяком случае, его установка в историософских поэмах «Ермак», «Освобождение Москвы» и «К Волге» [8: 114–131]. Почему бы ей не присутствовать и в создаваемых параллельно с поэмами и тематически близких к ним балладоидах? Думается, неслучайно в балладоидах Львова и Боброва, написанных в те же годы, запечатлены реальные «истории» (см. [9]).

В первой «были» Дмитриева – «Уже опять орлы российски...» (1790) – речь идет о современности – о русско-турецкой войне:

Уже опять орлы российски
На дерзостных своих крылах
Несут в пределы византийски
С отчаянием стыд и страх (262).

Одический «словарь», достаточно архаичная лексика, особенно заметная на фоне собственно сентименталистских стихов Дмитриева, явно указывают на историзирующие устремления поэта, то есть на использование им одизмов и старославянизмов в функции специфических стилистических маркеров, придающих произведению некий «старинный» и/или «экзотический» колорит.

Произведение достаточно велико, в нем 64 стиха. В центре сюжета – современный «юный герой», только не одический, а балладный. Некий московский дворянин по имени Честон, проникшись патриотизмом, хочет прославить себя воинскими подвигами. Он просит благословения у родителей; отец произносит чувствительно-патриотическую напутствующую речь и вручает сыну свое ружье. Здесь, в 10-й строфе, сюжет делает неожиданной, одновременно достойный и трагедии, и мелодрамы, и готического романа, поворот: ружье как бы само случайно выстреливает, и от выстрела погибает сестра Честона. Исследовательница А. Е. Шумахер не без оснований полагает поэтому, что главной темой «Были» является тема судьбы, «таинственной надличной силы» [12]. Следует уточнить, однако, что Дмитриева интересует такое проявление воли Рока, как *Случай*, причем не в некоем отдаленном историческом прошлом, как в жанре трагедии, а в современной жизни. Пожалуй, это первая в русской балладе, хотя и нехарактерная для нее, апология трагической случайности.

Немало сделал Дмитриев в этой «Были» и для развития суггестивной техники, *suspense*. Здесь, в отличие от «Ермака», акцент перенесен со «страшного» на «ужасное», которое создается посредством лексики, фоники и риторических приемов:

Весь дом объят печали мраком;
Всечасно слышны вопль и стон <...>
Уже в их храмины несчастны
Не проникает солнца свет,
И день и ночь для них ужасны,
И смерть на праге их стережет (264).

В целом можно даже сказать, что перед нами опыт русской готической новеллы.

Вторая «Быль» («Чума и смерть вошли в великолепный град...», 1792) (375–376), на наш взгляд, также развивает готическую традицию в ее «ужасном» варианте. Произведение основано на средневековом новеллистическом сюжете о «чумном городе»; об этом – первая половина «Были». *Suspense* представлен здесь следующими мотивами:

1) нагромождение ужасных смертей («Ужасно зрелище! Везде, со всех сторон / Печально пение, плач, страх, унылый звон»);

2) несправедливость небес («Там дева, юношей пленявшая красотой, / Бледнеет и падет под лютою косой»);

3) близкое к натуралистическому изображение умирающего больного вкупе с «ночной» образностью («При свете пасмурном луны печальной, бледной, / Зрит старца, на гнилых простертого досках, / Зрит черно рубище, истлевшее в головах <...>»);

4) христианские чудеса в развязке («<...> и ангел с неба, / Спустился в хижину, смежил ему глаза...»).

В дореволюционных и советских изданиях «Быль» печаталась в разделах «Басни и сказки» и/или «Басни»; дидактический сюжет представлен во второй ее половине, где в концовке читатель получает сентименталистскую трактовку темы праведной жизни и смерти: «И капнула на труп сердечная слеза». Жанровая гибридизация была характерна в целом для русской доромантической баллады (см.: [2: 68–72], [5: 76–86; 144–149]), но ее образцы сейчас воспринимаются, конечно, не без иронии (ср. последнюю цитату). Неслучайно балладный жанр, в частности его тяготение к «ужасам», довольно быстро стал подвергаться пародированию; судя по всему, и сам Дмитриев осознал это очень рано (см. ниже о балладе «Карикатура»).

Сентиментализм, как это сейчас понятно, вообще был склонен к изображению трагических коллизий и к драматизации чувств. Так, в центре последней дмитриевской «Были» («Даруй мне, муза, тон согласный...», 1803) – одна из тем раннего европейского сентиментализма (заданная «Вертером» Гете): самоубийство мужчины из-за неразделенной любви, точнее, у Дмитриева, любви, скрытой от других, в том числе от самой возлюбленной. С точки зрения балладной поэтики, в частности суггестивной техники, здесь можно увидеть так называемую фермату, или задержку повествования [6: 284]. История, рассказанная поэтом, проста, если не банальна, и ее интерес, именно как нарративной конструкции, состоит в последовательном нагнетании «жгучего» читательского внимания. Развязку Дмитриев оттягивает до самой последней строки: Дамон «решился сам себя убить» (339).

Вывод из всего сказанного может показаться достаточно неожиданным. Так или иначе, развязки всех дмитриевских балладоидов связаны со смертью: Ермак несет гибель сибирским язычникам; Честон убивает сестру; люди умирают от чумы; Дамон заканчивает жизнь самоубийством. В не рассмотренных еще двух балладах наблюдается схожая ситуация.

Если мы вспомним про трагические развязки повестей Карамзина, про мортальные мотивы в его и Державина поэзии, про болезненный интерес к теме смерти / самоубийства у Радищева, Каменева и Боброва [9], то мы имеем право говорить о первой фазе «зачарованности» смертью, в которую вошла новая русская литература в 1790-е годы. В отличие от последующих фазисов (см.: [7]) и от истории западной баллады [14], эта в отечественной науке почти не исследована (см. [5: 144–156]).

**МЕЛОДРАМА И ПАРОДИЯ –
СЕНТИМЕНТАЛИСТСКОЕ ВИДЕНИЕ
ДВУХ ИПОСТАСЕЙ ЖАНРА –
«ВЫСОКОЙ» И «НИЗКОЙ»**

Герой гибнет и в самой «балладной» из баллад Дмитриева – «Старинной любви» (1805) (139–141). Мало того, поэт заставляет умереть и героиню, причем этому трагическому, в общем, событию уделяет всего одну строку: взглянув на труп возлюбленного (безымянного «певца»), Милолика «увы!.. в последний раз вздохнула». *Suspense* здесь почти не используется – поэты интересуют другие художественные задачи. Трагическая развязка мотивирована им социальными причинами, и, кажется, это один из первых подступов к данной теме, которая станет сюжетообразующей в балладах Жуковского (в основном на уровне подсознательном, в связи с социальной ущемленностью поэта и возникшей у него в этой связи психотравмой). В балладе Дмитриева отец Милолика, «вождь великой», из «гордости» противится любви дочери к безродному певцу («Позор ты мой, не дочь мне стала! / О стыд! кто мил тебе? ...певец!») и запирает ее в терем. Певец два дня и две ночи бряцает на «томной лире», а на третий – умирает.

И здесь мы встречаемся с интересным сюжетным ходом, который имеет отношение не столько к поэтике балладного жанра, сколько к эстетическим установкам новой, разрывающей с нормативностью литературы. Адресуя свою «песнь» прекрасным читательницам, Дмитриев заверяет их в подлинности им описанного. Здесь встает вопрос: в подлинности чего? Того, что, если два дня подряд петь, играть и тосковать, можно умереть? Или того, что можно умереть, увидев труп любимого? Не будем отрицать такую возможность, хотя никаких фактов, подобных этим, газетная хроника или мемуары рубежа XVIII–XIX веков до нас не донесли. Речь, следовательно, должно вести не об *историчности событий*, которая в определенной мере все-таки присутствует, скажем, в балладах Карамзина

«Граф Гваринос» [11], Муравьева «Болеслав, король польский», Державина «Новгородский волхв Злогор», хотя и там изображенные события весьма фантастичны, или «чудесны», как сказали бы в то время. Разумеется, Дмитриев далек от жизнеподобия реалистического искусства; речь идет, как нам представляется, об *историчности чувств* («Дай для красавиц я спою, / Как в старину певцы любили»). Историзирующая установка подчеркнута в самом названии баллады – «Старинная любовь» и неоднократно прокламирована в тексте: «Как мило жили в старину! / <...> Но мы не так живем, как деды!» и т. п. Сама «старина», при всей ее условности, соотносена не с абстрактным историческим прошлым, но с эпохой Московской Руси. Этот период, любимый и соратником Дмитриева – Карамзиным, возможно, связывался двумя литературными единомышленниками со временем зарождения русской национальной самобытности. «Старинная», то есть не такая, как сейчас, любовь оказывается в балладе чувством героическим, жертвенным, аффективным. Понятно, что так чувствовали или хотели чувствовать сами авторы эпохи сентиментализма (здесь можно вспомнить и Путешественника из книги Радищева, и «бедную Лизу» Карамзина), которые в поисках precedентов нового мироощущения отправились в далекое прошлое.

Предшественники и современники Дмитриева-балладника почти не мотивировали любовные переживания своих персонажей исторически. Дмитриев же, помимо аспектов исторического и социального, вводит «профессиональную» и психологическую мотивацию: его герой – поэт («певец»), он и чувствует, и живет, и умирает не так, как «обычные» люди. Все это позволяет пересмотреть очень устойчивую в нашей науке точку зрения, в соответствии с которой доромантическая (= предромантическая) баллада считается «внеисторичной»⁶. Об этом мы писали во многих наших работах (см., например: [8], [9], [15]); здесь скажем только, что «историзм» этот иного «качества», не такой, как у романтиков или же у советских писателей.

В «Старинной любви», помимо всего прочего, мы имеем дело с доромантическим «культом Генния» (см.: [5: 156–168]), с новым пониманием психотипа творческой личности, в особенности поэта.

Нельзя не отметить сходства сюжета «Старинной любви» с балладой-романсом Г. Р. Державина «Луч» (1807), а главное, с балладой В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814). Следует уточнить, таким образом, известный тезис советских ученых об оригинальности последней. Жуковский,

по-видимому, оригинален в самой разработке «бродячего» сюжета, в психологическом рисунке характеров персонажей, в выработке стихотворной формы и т. д. Обо всем этом подробно писала Р. В. Иезуитова [3]. К ее наблюдениям следует добавить, что прямыми предшественниками Жуковского были не Оссиан и даже не Бюргер, а Дмитриев и ряд других русских поэтов рубежа XVIII–XIX веков. И именно Дмитриев придал «бродячему» сюжету качество национальной специфичности.

Если «Старинная любовь» – это «высокий» вариант жанра, то «Отставной вахмистр» (позднейшее название – «Карикатура») (275–278) – баллада ироническая, «сниженная», пародийная. Причем пародируется в ней прежде всего развлекательная беллетристика с характерными для нее мотивами и сюжетными ходами, пришедшими из рыцарских романов, «сказок» и пр. Дмитриев вообще был склонен к сатире и пародии; так, в 1795 году он напишет остроумный «Чужой толк», высмеивающий жанр оды. Но, поскольку к 1792 году литературных баллад в русской литературе практически не было, балладный жанр, скорее всего, не мог быть изначальным предметом пародийно-иронического острания и метил Дмитриев все-таки в романы, «сказки» и им подобные жанры. Интересно, что «Отставной вахмистр» вышел в свет почти одновременно с переводным испанским романом Карамзина «Граф Гваринос», причем в одном журнале, соответственно в 5-й и 6-й частях «Московского журнала» за 1792 год. Гипотетически можно предположить, что перед нами нечто вроде литературного соревнования: один из друзей-поэтов создает балладу на русском материале, другой – на чужеземном. На это есть некоторые намеки в переписке двух писателей (ср. [11: 197]). Оба стихотворения написаны белым стихом и «легким размером»: «Отставной вахмистр» – 3-стопным ямбом, «Граф Гваринос» – 4-стопным хореем. Возможно, что «быль» о вахмистре П. Н. Патрикееве была одним из опытов Дмитриева именно в балладе (как на то указывает первоначальный подзаголовок), но повествование в какой-то момент пошло в ироническом, «сказочном» ключе.

Как бы то ни было, в «Отставном вахмистре» находим целый ряд формальных и содержательных признаков баллады (пусть и иронически переосмысленных), которые впоследствии станут привычными для жанра:

1) исторический сюжет и соответствующая его «древности» стиховая форма;

2) описание «благородного» героя («витязя») и его «рыцарской» лошади; ср. с соответствующими описаниями в романе Карамзина;

3) *suspense* с характерными для него мотивами «чудесного» («Как будто в мир волшебный / Он ведьмой занесен») и «страшного» («Всё тихо! лишь на кровле / Мяучит тощий кот»);

4) сюжет разлуки и верности влюбленных (русификации при этом подверглось имя героини: на место Раисы и Алины пришла Груняша);

5) роковое событие (донос и арест) и последующая таинственная судьба героини («<...> об ней / Ни слуха нет, ни духа, / Как канула на дно»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И. И. Дмитриев не создал какой-то устойчивой балладной жанровой структуры и, хотя прожил долгую жизнь, к балладе после 1805 года не возвращался. Все его балладоиды написаны на разные темы, с опорой на разные жанровые традиции, тяготеют к «гибридизации», и выявить некий «архетипический» сюжет в его «балладном метатексте», пожалуй, нельзя. Поэты интересуют как историко-легендарные сюжеты, так и сюжеты из современной жизни (причем последние даже больше); как «высокий» вариант жанра, так и «сниженный». Пожалуй, эту широту охвата подходящего для нарождающегося жанра материала можно считать «стратегией» Дмитриева-балладника. К «тактикам» же следует отнести, во-первых, концентрацию на мотивах трагической любви, смерти и случайного (рокового) в жизни; во-вторых, внимание к суггестивной технике и к такому виду суггестии, как *suspense*. Считаем также, что Дмитриев попытался создать оригинальную русскую балладу, обозначив новый жанр определением «быль».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Петров А. В. Из истории маргинальных жанров в русской поэзии XVIII века (эпические стихи, эпиграмма, баллада): Учеб. пособие. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2012. С. 120–122.

² См.: Шумахер А. Е. Русская литературная баллада конца XVIII – начала XIX века: сюжетно-мотивный репертуар и жанровые границы: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. С. 75–97.

³ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 503 с. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

⁴ Словарь Академии Российской. Ч. 1. В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии наук, 1789. Стб. 396.

- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А–З. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. С. 148.
- ⁶ Александровская М. А. Становление жанра баллады в русской поэзии второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благый Д. Д. История русской литературы XVIII века. М.: Учпедгиз, 1951. 685 с.
2. Валеев Э. Н. Судьбою прерванный полет... Г. П. Каменев в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Казань: Наследие, 2001. 136 с.
3. Иезуитова Р. В. В. Жуковский. Эолова арфа // Поэтический строй русской лирики. М.: Наука, 1973. С. 38–52.
4. Козин А. А. Жанровый Blitzweg: русская литературная баллада конца XVIII – начала XIX века в оценке отечественного литературоведения // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе / Отв. ред. А. А. Стрельникова. М.: Изд-во МГОУ, 2019. С. 22–29.
5. Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика / Под ред. Т. В. Федосеевой. Рязань: РязГУ, 2012. 492 с.
6. Луков Вл. А. Предромантизм. М.: Наука, 2006. 683 с.
7. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
8. Петров А. В. Поэты и история: Очерки русской художественной историософии: XVIII век. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 268 с.
9. Петров А. В., Рудакова С. В. Миф о цареубийстве 11 марта 1801 года в стихах С. С. Боброва // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.437
10. Пивкина Е. В. Характер развития жанра баллады в русской поэзии XVIII века // XLVI Огарёвские чтения / Отв. за вып. П. В. Сенин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. Ч. 3. С. 119–123.
11. Саркисян Л. С. Об одном «несостоявшемся» жанре русской лирики конца XVIII – начала XIX века (Карамзин и Державин) // Русская литература. 1990. № 4. С. 196–202.
12. Шумахер А. Е. Жанр баллады в творчестве И. И. Дмитриева // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 124–133.
13. Henderson T. F. The ballad in literature. Cambridge: Cambridge University Press, 1912. 128 p.
14. McDougall A. Death in the ballad. A comparative study of the sources of tragic effect in the English and French popular ballads. California: University of California, 1908. 124 p.
15. Zaitseva T. B., Rudakova S. V., Slobozhankina L. R., Skvortsova M. L., Volkova V. B., Kolesnikova O. Yu., Savelev K. N. The historiosophical pre-romantic poem “Ermak” by I. I. Dmitriev’s as new stage of development of liro-epic genres in Russian poetry // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 11. P. 579–589.

Поступила в редакцию 17.07.2020; принята к публикации 17.11.2020

Original article

Aleksey V. Petrov, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk,
Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3664-4487; alexpetrov72@mail.ru

Olga Yu. Kolesnikova, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk,
Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5819-7737; alexpetrov72@mail.ru

BALLADS BY I. I. DMITRIEV: GENRE STRATEGIES AND TACTICS

Abstract. Using the comparative historical and retrospective methods the authors of the article investigate six poetic texts written between 1790 and 1805 by I. I. Dmitriev. All these works display the traits of the ballad and can be considered the ultimate texts for the Russian ballad genre at the preromantic stage of its development. The purpose of the article is to define the general concept of the ballad genre, in a way that it could be perceived by Dmitriev, and to reveal specific ways of its implementation. One of these ways was the creation of a “hybrid”, for example, of a narrative poem and a ballad. Dmitriev’s poem “Ermak” is one of such “hybrids”, with some characteristics of the ode as well. In three Dmitriev’s “true-story ballads” it is possible to see the signs of the parable, the melodrama, and the novella. The “novelistic true story” based on social material without addressing the “miraculous” or the fantastic attracted Dmitriev’s

particular interest. Gradual shift from the attributes of other genres resulted in the birth of the unique Russian ballad based on national (both historical and modern) material, with Dmitriev's "Ancient love" (1805) being one of the examples of such "genuine" ballad. Surprisingly, Dmitriev very quickly realized that the evolving ballad genre had rich potential for parody ("Retired sergeant"). In all his ballads, Dmitriev consistently used the suggestive technique, in particular *suspense* – the creation of an anxious, tense atmosphere or fear with the help of both verbal and extralinguistic means. All Dmitriev's balladoids are connected by the subject of death, the interest in which became a cultural phenomenon of the era of sentimentalism and preromanticism. The signs of the early Russian ballad and ballad "techniques" established in the article will allow to include into the "ballad context" of the turn of the XIX century more works than is now accepted by scholars.

Key words: I. I. Dmitriev, ballad genre, balladoid, Russian poetry of the late XVIII and the early XIX centuries, suggestion, suspense, preromanticism, sentimentalism

For citation: Petrov, A. V., Kolesnikova, O. Yu. Ballads by I. I. Dmitriev: genre strategies and tactics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.570

REFERENCES

1. Blagoy, D. D. History of Russian literature of the XVIII century. Moscow, 1951. 685 p. (In Russ.)
2. Valeev, E. N. The flight interrupted by destiny... G. P. Kamenev in the Russian literature at the turn of the XIX century. Kazan, 2001. 136 p. (In Russ.)
3. Iezuitova, R. V. V. Zhukovsky. Aeolian harp. *Poetic system of the Russian lyric poetry*. Moscow, 1973. P. 38–52. (In Russ.)
4. Kozin, A. A. Genre Blitzweg: the Russian literary ballad of the late XVIII and the early XIX century in the estimation of the domestic history of literature. *Artistic comprehension of reality in foreign literature*. Moscow, 2019. P. 22–29. (In Russ.)
5. Literature of Russian preromanticism: outlook, esthetics, poetics. (T. V. Fedoseeva, Ed.). Ryazan, 2012. 492 p. (In Russ.)
6. Lukov, V. A. Preromanticism. Moscow, 2006. 683 p. (In Russ.)
7. Paperno, I. Suicide as cultural institute. Moscow, 1999. 256 p. (In Russ.)
8. Petrov, A. V. Poets and history: Essays on Russian artistic historiography: XVIII century. Magnitogorsk, 2010. 268 p. (In Russ.)
9. Petrov, A. V., Rudakova, S. V. Myth of the Tsar's murder on March 11, 1801, in Semyon Bobrov's poems. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(1):86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.437 (In Russ.)
10. Pivkina, E. V. The nature of the ballad genre development in the Russian poetry of the XVIII century. *The XLVI Ogaryov Readings*. Saransk, 2018. Part 3. P. 119–123. (In Russ.)
11. Sarkisyan, L. S. About one "unformed" genre of the Russian lyric poetry of the late XVIII and the early XIX centuries (Karamzin and Derzhavin). *Russian Literature*. 1990;4:196–202. (In Russ.)
12. Schumacher, A. E. The genre of ballad in the works of I. I. Dmitriev. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2013. No 2. P. 124–133. (In Russ.)
13. Henderson, T. F. The ballad in literature. Cambridge, 1912. 128 p.
14. McDougall, A. Death in the ballad. A comparative study of the sources of tragic effect in the English and French popular ballads. California, 1908. 124 p.
15. Zaitseva, T. B., Rudakova, S. V., Slobozhankina, L. R., Skvortsova, M. L., Volkova, V. B., Kolesnikova, O. Yu., Savelev, K. N. The historiographical pre-romantic poem "Ermak" by I. I. Dmitriev's as new stage of development of liro-epic genres in Russian poetry. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018;8(11):579–589.

Received: 17 July, 2020; accepted: 17 November, 2020

ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЦВЕТКОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук
Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkow@mail.ru

ЭКСПЛИЦИТНЫЙ И ИМПЛИЦИТНЫЙ НАРРАТОР В РОМАНЕ КРИСТИАНА КРАХТА «ИМПЕРИЯ»

А н н о т а ц и я . Цель исследования известного романа современного швейцарского писателя Кристиана Крахта «Империя» (2012) с точки зрения актуальной в наше время науки нарратологии – воссоздание характерных черт фиктивного читателя (нарратора) – адресата фиктивного нарратора. Поскольку эксплицитное изображение нарратора с помощью апелляций ограничено, ставится задача раскрытия образа «идеального» (концептированного) читателя, который мыслится как некая духовная данность. С целью достижения доверительности к читателю нарратор называет главного героя «наш молодой человек», «наш друг», «юный сумасброд» и др. Доброе и ироничное отношение к главному герою приближает его к читателю и побуждает к адекватной реакции. Нередко нарратор употребляет личную форму – местоимение «мы», тем самым он объединяется с фиктивным читателем с целью сопровождения его по страницам романа. Нарратор признает читателя «своим» и доверяет ему не меньше, чем главному герою, используя прямые апелляции: «Заметьте!», «Вы спросите...?». Исследование имплицитного изображения читателя в форме ориентировок (языковых, эпистемологических, образовательных и этических) позволило впервые судить о том, что нарратор имеет высокое представление о компетентности и нормах мышления своего адресата. Доказано, что имплицитный нарратор возникает в представлениях нарратора по нескольким поводам. Во-первых, читатель видится искушенным в чтении постмодернистской литературы и способным оперировать такими понятиями, как пастиш, аналепсис и точка зрения. Начитанность нарратора можно сравнить с уровнем знаний филолога-германиста. Во-вторых, нарратор убежден в широком культурологическом кругозоре читателя, способного заинтересоваться многочисленными отсылками к истории мореплавания, философии, литературы, музыки и изобразительного искусства. В-третьих, нарратор убежден в высоких моральных качествах нарратора. В целом можно констатировать, что главной повествовательной чертой романа явился поиск фиктивным нарратором доверительной и интеллектуальной солидарности с фиктивным нарратором, что обеспечило успех романа у читательской аудитории.

Ключевые слова: нарратор, эксплицитный и имплицитный нарратор, постмодернизм, роман, Кристиан Крахт, «Империя»

Для цитирования: Цветков Ю. Л. Эксплицитный и имплицитный нарратор в романе Кристиана Крахта «Империя» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.571

ВВЕДЕНИЕ

В одном из самых примечательных в последнее десятилетие романах на немецком языке «Империя» писателя Кристиана Крахта (род. 1966) создается прихотливая картина мира исторического прошлого колониальных земель Германии в Тихом океане. После публикации романа в 2012 году автор получил Литературную премию кантона Берн и премию имени Вильгельма Раабе. Сюжет приключенческого романа «Империя» разворачивается на про-

текторатных островах Германской Новой Гвинеи от момента их колонизации Германской империей и до ее распада в 1914 году.

Безличный повествователь-биограф, или фиктивный (имплицитный) нарратор, представляет читателю сквозного персонажа романа – немца Августа Энгельхардта, действительно жившего в Германии и дважды издавшего книгу «Беззаботное будущее»: в 1898 и 1906 годах. Под нарратором мы понимаем вслед за Вольфом Шмидом следующую повествовательную инстанцию:

«Нарратор конституируется в тексте и воспринимается читателем не как абстрактная функция, а как субъект, неизбежно наделенный определенными антропоморфными чертами мышления и языка» [7: 65]. Приведем также необходимое для исследования известное противопоставление Б. О. Кормана «повествователя» и «рассказчика»: «повествователь» – «носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте», «рассказчик» же – «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [4: 33–34]. Термин «фиктивный читатель», или «*нарратор*», введен в обиход также В. Шмидом. Он подробно рассматривает эксплицитное и имплицитное изображение фиктивного читателя. Первое из них осуществляется с помощью известных форм обращения к адресату – *апелляций*, а второе – при помощи *ориентировок* на адресата, которые встроены в излагаемую нарратором информацию и форму ее представления читателю [7: 101].

Имплицитный нарратор в романе Крахта создает образ Августа Энгельхардта – последовательного приверженца движения «За целостное обновление жизни» («Die Körperkultur- und Reformbewegung») в его конкретных поступках: переселении на небольшой остров, пропаганде нудизма, вегетарианства и кокосоедения. Закончил он свою недолгую жизнь безумием, оставаясь при жизни «*достопримечательностью Южных морей*» (207)¹, а затем был забыт всеми на многие десятилетия.

Только ко времени появления двух монографий о нем [9], [11], а в 2012 году – переиздании книги А. Энгельхардта возрос небывалый интерес к его личности. Эти издания активно использовались Крахтом при написании романа. Стало известно, что посредством поглощения солнечной энергии Энгельхардт надеялся уподобиться Богу и обрести бессмертие:

«...человек есть подобие Бога в животном мире, а плод кокоса – который из всех растений больше всего похож на голову человека <...> есть, в свою очередь, **образ Бога в растительном мире**» (39).

Нарратор намеревался воссоздать историю жизни «*только одного немца: романтика, который, как и многие люди подобного склада, ощущал себя несостоявшимся художником*» (20).

Август Энгельхардт совершил длительное путешествие со многими перипетиями на «землю обетованную», однако совсем не по романтическому сценарию, а скорее по неоромантическому плану. Неожиданно для читателя на острове он оказался в трагических жизненных обстоятельствах: «*Энгельхардт делает реша-*

ющий шаг вперед и ступает на землю острова – но в действительности это шаг назад, в самое изощренное варварство» (63). Резкое нарушение романтического мотива морского путешествия (робинзонады) в словах нарратора не останавливает энтузиаста Энгельхардта. Но читателю дан важный сигнал, что предвосхищение разрушения романтических иллюзий Энгельхардта в комментариях повествователя предполагает снижение романтического образа главного героя в известных приемах романтической иронии – самопародировании, буффонаде и шутовстве (Ф. Шлегель).

Становится ясно, что жизнь на острове хотя и будет связана с высоким идеалом поклонения Солнцу, однако не в условиях двоemiрия (как в романтизме), а в жестких жизненных условиях кокофагии (кокосоедения), интриг, заговоров, безумия и убийств, что свойственно неоромантическим произведениям, например Дж. Конрада, ассоциации с прозой которого неоднократно возникают в романе.

ЭКСПЛИЦИТНЫЙ ОБРАЗ НАРРАТОРА

Важное качество нарратора – *открытость для читателя* в объяснении повествовательных особенностей романа: множественности точек зрения на описанные события, «расщепления реальности» и новом средстве ее фиксации – кинематографе. Фиктивный читатель – это доверительный адресат фиктивного нарратора. Он общается с ним на равных и принимает новейшие изобретения с чувством восхищения и понимания. Кинематограф, по его мнению, представляет реальность во фрагментах, что привело к атомизации времени, поэзии и искусства. Всепонимающий читатель а priori солидарен с рассуждениями нарратора:

«Таким образом, сцена перехода острова Кабакон в собственность нашего друга могла бы восприниматься совершенно по-разному – в зависимости от того, кто именно и с какой позиции ее бы воспринимал. Расщепление действительности на разрозненные фрагменты было, между прочим, одной из главных примет времени, когда разыгрывалась история Энгельхардта. Тогда как раз начиналась **эпоха модерна**: поэты вдруг стали создавать распадающиеся на атомы строки; новая музыка, резкая и – для неподготовленных ушей – в буквальном смысле **атональная**, впервые исполнялась перед недоумевающей публикой и даже записывалась на пластинки; не говоря уже об изобретении кинематографа, способного воспринимать нашу реальность с той же вещественной достоверностью, какую она имеет на самом деле, да еще и конгруэнтно времени ее протекания: как если бы можно было вырезать кусок **настоящего** и до скончания веков законсервировать его в виде подвижной картинки на перфорированной целлулоидной ленте» (62–63).

Однако изображение черт современной эпохи мало трогало героя, он *«собрался ускользнуть от начинающегося повсюду модерна...»* (63).

С одной стороны, открыто предложенные нарратором коды постмодернистского повествования сложны и туманны для их теоретического осмысления со стороны читателя. Поэтому обоснованны такие, например, вопросительные замечания повествователя: *«Когда же, собственно, наш друг впервые вынырнул на доступную для восприятия поверхность происходящего в разных мирах?»* (71).

С другой стороны, замечание, сделанное нарратором в начале романа, значительно облегчает задачу восприятия романа имплицитным читателем. Во-первых, *«будет рассказана история только одного немца»*, во-вторых, история о нем будет представлена *«в соответствии с принципом метонимии»* (20). Так читатель без большого напряжения пытается сфокусировать свое внимание на биографии Энгельхардта, а рассказ о событиях или предметах будет не всеохватным, а избирательным, по одному из признаков.

Рассказывая об истории немецких протекторатных земель в Тихом океане, нарратор упоминает о сторонниках и противниках сохранения колоний. Эксперты, например, считали, что острова *«совершенно излишни»* (19). Представлять различные точки зрения на события в романе становится правилом, а право выбрать одну из них предоставляется доверительному читателю. Горизонт интересов нарратора очень широк. Читателю есть из чего выбрать, альтернативных точек зрения множество: по истории самой Германии, по истории островов, по истории морских путешествий, по биографиям знаменитых людей, причастных к жизни на Тихоокеанских островах. Но не только этим привлекателен роман для начитанного собеседника. Неожиданно повествователь предлагает читателю возможность заглянуть в будущее:

«Именно к этому времени относится наша хроника, и, если уж ее рассказывать, не стоит упускать из виду будущее: потому что рассказ отсылает нас к самому началу XX столетия, почти до середины которого все выглядело так, будто это будет столетие немцев, столетие, когда Германия займет наконец подобающее ей почетное, главенствующее место за столом мировой политики...» (19–20).

Однако этого не случилось, Вторая мировая война и последующие десятилетия опровергли предлагаемую точку зрения. Но не совсем. Пролетис Крахта может иметь и более дальнюю перспективу. К концу XX века Германия, объединив-

шись, стала претендовать на лидерские позиции в составе Европейского Союза. Проекция в будущее в романе касается не только глобальных вопросов политики. Важно, что они провоцируют читательскую активность в самых разных областях жизни. Поэтому с самого начала романа проницательный читатель ожидает от повествования смены временных пластов, взаимоисключающих идей, альтернативных точек зрения и разных оценок, то есть то, что характерно для *постмодернистского романа* [3]. Существовать читателю в подобной неопределенной системе координат, с одной стороны, означает плыть «без руля и ветрил», с другой – активно искать в тексте как собственные, так и предлагаемые нарратором точки опоры.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ТОЧКИ ОПОРЫ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Читательских опорных точек несколько. Первые из них – *эксплицитно высказанные*. Хотя прямых апелляций к читателю в романе немного, повествователь с самого начала приключений доверительно и добродушно относится к герою-экспериментатору, отрешенному от мира наживы, называя его «наш молодой человек», «наш Энгельхардт», «наш герой», «наш друг», «юный сумасброд», «этот нежный Христосик» и др. Нарратор намеренно избирает интересный способ повествования – доверительную и ироническую беседу с читателем, при которой из традиционно-условного материала он вырастал бы в образ условной читательской личности [6: 240]. В современной нарратологии читатель в романе Крахта остается абстрактным или – по терминологии Уэйна Бута и Вольфганга Изера – «имплицитным», то есть не обладает реальным существованием и является «вписанной в текст структурой» [10: 60]. В России Б. О. Корман употреблял сходное понятие «концепированный читатель»:

«Инобытием... автора является весь художественный феномен, который предполагает идеального, заданного, концепированного читателя. Процесс восприятия есть процесс превращения реального читателя в читателя концепированного...» [5: 226–227].

По доброму и иронично относясь к главному герою, повествователь значительно приближает его к читателю и ожидает от него адекватного отношения: Энгельхардт тоже становится «нашим другом», «сумасбродным» и «запутавшимся». Так симпатия к герою прямо транслируется читателю, вызывая сходные представления о нем.

Вторая *эксплицитная точка опоры* для читателя – появление в рассказе об Энгельхардте

личных местоимений «я» и «мы», что свидетельствует о смене повествовательных стратегий и о появлении личной точки зрения, стоящей близко к нарратору или его образу. «Я»-позиция встречается в романе однажды: «Если бы человеку это удалось (что, как я уже говорил, невозможно)...» (111). В данном случае нарратор только повторяет, что было сказано ранее, не выходя за рамки объективного комментария и ничего не добавляя лично о себе. Более примечательно использование личного местоимения множественного числа. После мастерски рассказанных приключений Энгельхардта на пароходе «Принц Вальдемар» и хитро подстроенного ограбления со стороны тамила Говиндараджана в Коломбо начинаются переговоры о покупке плантации кокосов. Наконец-то планы главного героя реализуются. Повествователь от строго выдержанного третьего лица единственного числа все чаще употребляет личную форму рассказа – местоимение «мы»:

«...и все же мы должны защитить Августа Энгельхардта от упреков» (52), «... у нас же, людей цивилизованных, эта сцена скорее ассоциировалась бы с живописным полотном» (62), «...что мы, не-гностики, включаем в понятие “прогресс” или даже “цивилизация”» (63), «...мы видим, например, как он опять-таки едет в поезде» (72), «Августа Энгельхардта мы увидим в следующий раз **дальше к северу**» (77), «Теперь мы хотим поговорить о любви...» (105), «Но первые грозовые тучи были уже на подходе, они приближались быстро, что нам и предстоит увидеть» (113), «...однако наберитесь терпения, до этого мы тоже дойдем» (212).

Постепенно становится понятным употребление местоимения «мы». Нарратор объединяется с имплицитным читателем с целью сопровождения его по страницам романа. Эта третья точка опоры для читателя вполне ожидаема. Повествователь признал читателя «своим» (как и героя «нашим») и теперь доверяет ему не меньше, чем главному герою:

«Поскольку мы уже озаботились тем, чтобы рассказать о прошлом нашего бедного друга, теперь мы можем – подобно выносливой и гордой морской птице, для которой пересечение временных зон нашего земного шара не имеет никакого значения, ибо она этих зон вообще не воспринимает и, соответственно, не пытаемся осмыслить, – можем перепрыгнуть через сколько-то лет и вновь обнаружить Августа Энгельхардта там, где мы его оставили несколько страниц назад: он, в чем мать родила, прогуливается по пляжу (по собственному, заметьте!), время от времени нагибается и подбирает с песка особо привлекательные раковины...» (86–87).

В приведенном отрывке повествователь впервые напрямую обращается к читателю: «Заметьте!». Эмоциональный возглас закрепляет обо-

юдную солидарность рассказчика и читателя, выражающих общую радость по поводу покупки кокосового острова. Наконец, в финальном абзаце первой части романа появляется прямое, хотя и безличное обращение к читателю: «Вы спросите: а что же клочки бумаги, в момент сгорания выглядевшие как черные розы, с сияюще-желтой окантовкой лепестков?...» (101). Дальнейшего развития прямые апелляции к читателю не получили, за исключением, пожалуй, финала третьей части: «Однако наберитесь терпения, до этого мы тоже дойдем...» (212). Атмосфера взаимного уважения и доверия нарратора по отношению к читателю вызывает сходные ответные чувства читателя к повествователю и косвенно к автору, как всегда, столь необходимые для положительной рецепции как автора, так и романа со стороны читателя.

Игра повествовательными уровнями (безличным и личным) в романе Крахта свидетельствует также о сконструированности самого нарратора. Его образ колеблется в романе. В начале произведения нарратор выступает как вездесущая инстанция с проекциями в прошлое и будущее. Однако к концу первой главы нарратор превращается в обобщенное с читателем «мы», и степень близости и доброжелательности нарратора сильно чувствуется читателем. Во второй и третьей главах романа нарратор вновь предстает безличной инстанцией, то есть заявленным в начале романа всезнающим биографом и прихотливым комментатором событий.

ИМПЛИЦИТНЫЙ ОБРАЗ НАРРАТОРА

Область представлений об имплицитном нарраторе связана с тем, что нарратор доверяет читателю, искушенному в чтении современной (в том числе и постмодернистской) литературы и ссылается в тексте на такие якобы заведомо известные читателю приемы, как *пастиш*, *аналепсис* и *точка зрения*. Эти термины активно используются в романе, например в эпизодах «исчезновения реальности», в размывании границ между документом и вымыслом, историческими и фиктивными персонажами, в воскрешении прошлого, а также в сосуществовании на равных правах разных точек зрения как на события, так и на отдельных персонажей романа.

Упоминание в тексте романа итальянского парохода «Пастиччо» является важным маркером крахтовской постмодернистской техники. *Пастиш* как прием «двойного кодирования» предполагает «ироническое сопоставление различных литературных стилей, жанровых форм и художественных течений» [3: 200]. В романе можно

обнаружить влияние и стилизацию прозаических особенностей письма Германа Гессе и Томаса Манна, Альфреда Дёблина и Эриха Кестнера, Германа Мелвилла и Владимира Набокова. Жанр романа кроме общего – постмодернистского – имеет, по мнению разных исследователей, несколько модификаций: исторический [8: 277], антиутопический, биографический, приключенческий (Э. Елинек, цит. по: [1: 256]), морской, а по способу повествования – робинзонадный и авантюрный [8: 277]. В парадигме постмодернистских романов «Империю» Крахта критик Э. Шумахер справедливо относит к *«новому способу письма»*, который определяется как фантастический:

«Пользуясь таким способом письма, можно, оказывается, с поразительной точностью изобразить не только прошлое (каким оно, предположительно, было), но и то, что мы воспринимаем как *настоящее*, – указав одновременно и на его сомнительные проекции» [8: 294].

Аналепсисы – экскурсы в прошлое (по терминологии Жерара Женетта) в самых разных видах: внешние, внутренние и дополнительные [2: 83–100], – широко используются Крахтом в романе. Так, ограбление Энгельхардта в Коломбо нарратор называет *«цейлонским analeпсисом»* (46). Заслуживает внимания цепочка analeпсисов на острове Кабаконе. На нем в отличие от других островных колоний, где время исчислялось с учетом часовых поясов, *«воцарилось время, пребывающее вне времени»* (87). Причиной тому стала мельчайшая песчинка в часовом механизме Энгельхардта: *«она отныне обеспечивала едва заметное, но постоянное отставание кабаконского времени»* (87).

Реального отставания времени по часам герой не замечал:

«Он отчетливо видел: тикающие часы; плетеную кровать, которой наконец обзавелся; москитную сетку, укрепленную над кроватью с помощью веревки из пальмовых волокон... но вместе с тем уже проваливался в шахту времени, летел вниз, пока перед глазами не возникли, поначалу лишь смутно, а потом совершенно отчетливо, не только покрашенные канареечно-желтой и фиолетовой краской стены его детской комнаты, но и благоухающий образ матери...» (88–89). *Затем во сне маленького мальчика «повлек за собой обращенный вспять поток времени, скажем так, – и в конце концов он оказался лежащим в детской коляске, без движения...»* (89).

Наконец, *«он перенесся в еще более раннее время»* (90). Это было воспоминанием о его первом появлении на свет. *«И потом он проснулся»* (90). Сновидение как последовательная цепочка analeпсисов в романтической литературе (например, сон во сне в новалисовском «Генрихе

фон Офтердингене») в приеме «магического идеализма», конечно же, выходит за рамки детских воспоминаний и относится к области фантастики, отсюда и обозначение жанра романа фантастическим.

Разнонаправленность точек зрения нарратора, о чем уже шла речь, иногда принимает в отношении читателя парадоксальный характер. Так, во время уединения на острове Энгельхардт естественным образом изменил свое восприятие мира. Кажется, это неоспоримая истина. Но разъяснения повествователя предлагают альтернативную точку зрения:

«Он уже слишком удалился от общества с его капризно-переменчивыми настроениями и привычкой следовать за политической модой. Но ведь изначально наш друг не был далеким от мира чудачком; скорее можно сказать, что мир отдалился от него» (73).

Другая качественная характеристика *имплицитного нарратора* – убеждение повествователя в его широком культурологическом кругозоре. В роман Крахта вводятся многочисленные отсылки к мореплаванию, истории, философии, литературе, музыке и изобразительному искусству. Особенно важными представляются интертекстуальные и интермедийные связи. Прямыми источниками многих эпизодов романа стали пересказанные нарратором истории, иногда домысленные им, а также факты биографии реального прототипа Энгельхардта: *«идея опоясать весь земной шар колониями кокосов»* (75) или же его маршрут путешествий. Часто малоизвестные истории и анекдоты известных личностей встраиваются в повествовательную ткань романа. Например, история из жизни Томаса Манна (эпизод с заявлением в полицию о нахождении нудиста на пляже), скрипача и пианиста Макса Лютцова (единомышленника героя, трагически погибшего на островах), художников Эмиля Нольде и Макса Пехштейна (пребывание их в Новой Гвинее) и Альберта Эйнштейна (вегетарианца).

Отдельные абзацы из художественных текстов А. Дёблина, Р. Музиля, Ф. Кафки, И. В. Гёте, Л. Уланда, Г. Бюхнера, Г. Келлера, Э. По, Х. Ибсена, Г. Мелвилла, Дж. Конрада, Дж. Лондона, В. Набокова, Г. Лавкрафта и др. подтверждают широкую интертекстуальность романа Крахта. Повествователь упоминает по разным поводам имена Э. Сведенборга, Т. Гоббса, И. Канта, Р. Декарта, Ш. Фурье, Г. Торо, Ф. Ницше, З. Фрейда, Э. Гуссерля, П. Ж. Прудона, И. С. Баха, Р. Вагнера, Э. Сати, К. Дебюсси, Ф. Мендельсон-Бартольди, Д. Мейербергера, Эль Греко, П. Гогена, А. Бёклина, Ч. Диккенса, С. Малларме, А. Теннисона,

С. П. Боткина и др. Роман, без сомнения, адресован интеллектуальному читателю, предпочтительно филологу-германисту. Но иногда и ему приходится заглядывать в обширные комментарии к русскому переводу романа, добросовестно составленные Т. Баскаковой [1].

Наконец, можно утверждать, что нарратор в своем конструкте нарратора надеется на его *высокие моральные принципы*. Образ Энгельхардта во многом неидеальный, но тем не менее привлекательный с точки зрения нравственных основ, заложенных в нем. С одной стороны, он «с подозрением относился к остротам на сексуальную тему» (23) и отрицательно воспринимал содомитские наклонности Хартмута Отто и Ойкенса. С другой, нарратор, делаясь своими размышлениями об Энгельхардте, пишет: «*Не думаю, что Энгельхардт когда-либо любил хоть одного человека*» (84). Он последовательно резко отвергал антисемитские нападки: «*Подобные рассуждения следует немедленно пресекать: о людях нельзя судить по их расовой принадлежности. Точка. Тут и обсуждать нечего*» (118). После того как Энгельхардт тронулся умом от исключительно кокосовой диеты, он

«неожиданно стал антисемитом; как большинство его современников, собратьев по белой расе, он просто не мог не решить, рано или поздно, что несомненная причина обрушившихся на него невзгод – козни евреев» (203).

Тем самым недвусмысленно подчеркивается, что антисемитизм – это настоящее безумие.

Следует отметить, что помрачение рассудка приводило героя к приступам «*причудливой мизантропии*» (171):

«Правда выглядит куда прозаичнее: чем дальше наш друг отдаляется от человеческого сообщества, тем более странным становится его поведение и отношение к этому сообществу; он оказывается отброшенным в сферу духовной архаики, что проявляется в ощущении утраты контроля над происходящим...» (172).

Несмотря на чудачества Энгельхардта, его не может убить из чувства сострадания подосланный губернатором Халем Слюттер. Постепенно герой превращается в «ребенка», «люди специально приезжают, чтобы посмотреть на него, – как ходят в зоопарк поглазеть на диких животных» (207–208). Нарратор заключает: «*такова уж, видно, его судьба – уйти из жизни бесследно, непонятым и забытым*» (208–209). В начале 2000-х годов пришла пора, утверждает нарратор, не только вспомнить об Энгельхардте, но и тесно связать его биографию с судьбой Тихоокеанской империи Германии, планы которой завоевать Океанию превратились в трагикомический фарс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в романе Крахта фиктивный нарратор в эксплицитном и имплицитном виде является внимательным собеседником, всезнающим, всесторонне начитанным ученым-филологом, ироничной, хорошо воспитанной, высоких моральных качеств личностью, допускающей игровое начало в развитие идей и событий и, что особенно важно, солидарной с фиктивным нарратором.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Крахт К. Империя. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. 304 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскакова Т. Комментарии // Крахт К. Империя. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. С. 223–271.
2. Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
3. Киреева Н. В. Постмодернизм в зарубежной литературе. М.: Флинта: Наука, 2004. 216 с.
4. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 113 с.
5. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1992. 236 с.
6. Кривонос В. Ш. Автор и читатель в повествовании // Образцы изучения текста художественного произведения в трудах отечественных литературоведов / Сост. Б. О. Корман. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2010. С. 238–243.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
8. Шумахер Э. «...Будто реальность, и без того хрупкая, от него ускользает...». О способе письма и об исчезновении у Кристиана Крахта // Крахт К. Империя. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. С. 273–298.
9. Hiery H. J. (Hg.) Die deutsche Südsee 1884–1914. Ein Handbuch, Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2001. 930 S.
10. Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. München: W. Fink, 1976. 357 S.
11. Mönter S. Following a South Seas Dream: August Engelhardt and the Sonnenorden. Research Centre for Germanic Connections with New Zealand and the Pacific, University of Auckland, 2008. 151 p.

Поступила в редакцию 22.09.2020; принята к публикации 02.11.2020

Original article

Yuriy L. Tsvetkov, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkow@mail.ru

EXPLICIT AND IMPLICIT NARRATOR IN CHRISTIAN KRACHT'S NOVEL *IMPERIUM*

Abstract. The purpose of studying a famous novel *Imperium* (2012) by the modern Swiss writer Christian Kracht from the point of view of the current science of narratology is to recreate the characteristics of a fictitious reader (narrator) – the addressee of the fictitious narrator. Since the explicit image of the narrator created by the means of appeals is limited, the task is to reveal the image of the “ideal” (conceited) reader, which is thought of as a certain spiritual reality. In order to achieve confidence in the reader, the narrator calls the main character “our young man”, “our friend”, “young madcap”, etc. This kind and ironic attitude to the main character brings him closer to the reader and triggers an adequate reaction. Often the narrator uses the personal pronoun “we”, thus joining the fictitious reader in order to accompany them through the pages of the novel. The narrator accepts the reader as one of “his own kind” and trusts them no less than he trusts the main character, which is evidenced by the direct appeals, such as “Notice!” or “You ask me...?”. The study of the implicit image of the reader in the form of orientations (linguistic, epistemological, educational and ethical ones) enables to suggest for the first time that the narrator has a high opinion of his recipient's competence and standards of thinking. It is proved that the implicit narrator appears in the narrator's representations for several reasons. First, the reader is seen as a sophisticated peruser of postmodern literature who is able to operate with such concepts as pastiche, analepsis or viewpoint. The narrator's reading ability and erudition can be compared to those of a philologist of Germanic languages. Second, the narrator is convinced of the broad cultural outlook of the reader, who can be interested in numerous references to the history of navigation, philosophy, literature, music and fine arts. Third, the narrator is convinced of the narrator's high moral qualities. In general, it can be stated that the main narrative feature of the novel is the fictitious narrator's search for trust and intellectual solidarity with the fictitious narrator, which eventually ensured the success of the novel with the readership.

Key words: narrator, explicit and implicit narrator, postmodernism, novel, Christian Kracht, *Imperium*

For citation: Tsvetkov, Yu. L. Explicit and implicit narrator in Christian Kracht's novel *Imperium*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.571

REFERENCES

1. Baskakova, T. Comments. *Kracht Ch. Empire*. Moscow, 2014. P. 223–271. (In Russ.)
2. Genette, G. Figures. In 2 Vols. Vol. 2. Moscow, 1998. 472 p. (In Russ.)
3. Kireeva, N. V. Postmodernism in foreign literature. Moscow, 2004. 216 p. (In Russ.)
4. Korman, B. O. Studying the text of a work of art. Moscow, 1972. 113 p. (In Russ.)
5. Korman, B. O. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk, 1992. 236 p. (In Russ.)
6. Krivonos, V. Sh. The author and the reader in the narrative. *Examples of studying the text of a work of art in the works of Russian literary critics*. (B. O. Korman, Ed.). Izhevsk, 2010. P. 238–243. (In Russ.)
7. Schmid, W. Narratology. Moscow, 2003. 312 p. (In Russ.)
8. Schumacher, E. “...It's as if reality, already fragile, is slipping away from him...”. About the method of writing and the disappearance in Christian Kracht's works. *Kracht Ch. Empire*. Moscow, 2014. P. 273–298. (In Russ.)
9. Hiery, H. J. (Hg.) Die deutsche Südsee 1884–1914. Ein Handbuch, Paderborn, 2001. 930 S.
10. Iser, W. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. München, 1976. 357 S.
11. Mönter, S. Following a South Seas Dream: August Engelhardt and the Sonnenorden. Research Centre for Germanic Connections with New Zealand and the Pacific, University of Auckland, 2008. 151 p.

Received: 22 September, 2020; accepted: 2 November, 2020

ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ ГОРЕЛОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории,
истории литературы и культурологии
Ивановский государственный университет (Иваново, Рос-
сийская Федерация)
ORCID 0000-0001-5718-6588; og-rus@inbox.ru

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС В ПОЭЗИИ В. КОНДРАТЬЕВА: ЛОГИКА И СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

А н н о т а ц и я . Анализируются принципы тезаврирования сюрреалистических концептов в поэзии В. Кондратьева. История основных понятий, осмысляемых сюрреализмом (сон, воображение, объективный случай (антиципация), мечта, грёза, глаз, зеркало, путешествие-планирование, память-забвение, детство, любовь), учитывается поэтом на интенциональном уровне, однако не разворачивается в текстах, поэтому такие понятия входят в состав высказывания одновременно как инородные элементы с измененной мотивировкой и как естественные, закономерные слова художественного дискурса. Кондратьев наполняет ими поэтический тезаурус не только своей поэтики, но и русской поэзии в целом. В сюрреалистическом тезаурусе Кондратьева обращает на себя особое внимание поливалентный концепт пустыни. С одной стороны, он актуализирует само значение пустоты, пустотности, выстраивая диалогические связи в поле мировой и русской поэзии. С другой стороны, от концепта пустыни получают развитие сюрреалистически обработанные и скомпонованные образ песка и мотив ветра, стыкующийся с мотивом человеческого дыхания (рождения), отчего образуется субъектный триггер – детские образы. Из-за процесса тезаврирования в стихах Кондратьева обнаруживается редкий именно для русской поэзии пример миметического сюрреализма, реализуемого за счет пусть и смещенной, но демонстрации. Элементы, традиционно ассоциирующиеся с прозой, проникают в поэтический текст и оформляют его. Речь здесь уже идет не просто о прозаизации поэзии, но об объективации и миметизации сюрреалистических и, шире, сдвиговых высказываний в поле поэзии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : нарративный мимезис, сюрреальное, патафизика, концепт, тезаурус, современная русская поэзия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Горелов О. С. Сюрреалистический тезаурус в поэзии В. Кондратьева: логика и способы объективации сюрреалистического высказывания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.561

ВВЕДЕНИЕ

Художественная рецепция культурных феноменов первой половины XX века является значимым текстообразующим и даже стилеобразующим фактором актуальной русской поэзии. Связь новейшей поэзии с модернистской традицией, с различными течениями и направлениями эпохи модерна регулярно становится одной из тем обобщающих научных и критических трудов по истории и теории литературы пост-(нео-)модернизма. Важной методологической базой для новых исследований оказываются работы, раскрывающие эту тему с позиций структурного и имманентного (М. Л. Гаспаров [3], Ю. Б. Орлицкий [13]), контекстного (И. В. Кукулин [10], В. Г. Кулаков [11]), феноменологического и поэтологического (А. А. Житенев [5], В. Л. Лехци-

ер [12]), лингвопоэтического (Л. В. Зубова [6]) подходов. При этом общий исследовательский интерес представляют авторы, осуществляющие поэтическую работу со смыслами модерна, с его ключевыми мыслеобразами, понятиями и концептами. К числу таких авторов можно отнести и В. Кондратьева¹.

Важной составляющей литературной идентичности В. Кондратьева является постоянная *рефлексия о сюрреализме*, о его теории и практике. Поэт регулярно возвращается к мысли о *сюрреалистическом*, практически не концентрируясь, однако, на поиске и восприятии *сюрреального*. Разница этих феноменов репрезентирует различие проектов А. Бретона и Л. Арагона соответственно, а указанная асимметрия предполагает однозначный выбор, сделанный

Кондратьевым в пользу Бретона, которого он ставил выше и как художника. Разумеется, это связано и с вполне конкретными попытками взять на себя бретоновскую роль и трансплантировать сюрреализм в русскую литературу. Однако большего внимания, как кажется, заслуживают особенности прозаических и поэтических текстов Кондратьева, сформировавшихся как раз благодаря смещениям в сторону сюрреалистического, а не сюрреального.

ПРИНЦИПЫ МИМЕТИЗАЦИИ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОГО

Размышления о сюрреализме, о возможности или невозможности сюрреализма в России, распространенные в прозе, эссеистике и письмах Кондратьева, складываются в отдельный нарратив, и с нарратологической точки зрения он выстраивается диегетически. В стихах же обнаруживается редкий именно для русской поэзии пример *миметического* сюрреализма, реализуемого за счет пусть и смещенной, но демонстрации. Кондратьев стремится создать в них, следуя практике А. Бретона и У. К. Уильямса, динамическую композицию, которая «включает в себя напряженный свободный стих, переходящий к интонации прозы “объективного повествования”» [7: 33]. То есть элементы, традиционно ассоциирующиеся с прозой, проникают в поэтический текст и оформляют его, хотя сюрреалистическая поэзия, как правило, сама распространяла свои принципы на прозу. И речь здесь идет не просто о прозаизации поэзии, но об объективации и миметизации сюрреалистических и, шире, сдвиговых высказываний в поле поэзии. Такая практика устанавливается и осваивается в русскоязычном пространстве только в 2000-х годах в рамках «нового эпоса». Принципиальными становятся констативная интонация, номинативные конструкции и нарративный мимезис, парадигмальной фигурой для подобных постсюрреалистических реализаций оказывается Л. Шваб. И только ретроспективно можно увидеть, как эта линия комплементарно связывается с практикой В. Кондратьева.

Миметическая функция в поэзии Кондратьева получает тенденцию к освобождению от собственно референтивной, в том смысле как это видел и описывал П. Рикёр:

«Миметическая функция рассказа ставит проблему, в точности соответствующую проблеме метафорической референции. Эта функция является лишь частным приложением метафорической референции к сфере человеческой деятельности» [15: 9].

У Кондратьева еще действует метафорический принцип художественной рефлексии,

однако он уже начинает деформироваться, что приводит к двойственному результату: постепенно размывается как сама метафора, так и текстовая референция, превращаясь в референцию метафорическую. Поэтому так ощутим не столько сюрреальный, сколько неоромантический характер ранних кондратьевских текстов и некоторых его стихов второй половины 1990-х годов. У Шваба, напротив, миметическая презентация уже сочетается с метонимическим принципом, что и создает постсюрреальный эффект. Но поскольку Кондратьеву на сознательном, рефлексивном уровне был важен именно дух сюрреализма, то он, можно сказать, бессознательно блокировал сюрреалистический код и его возможные эффекты, тесно переплетая «метафорическое переописание и нарративный мимезис» [15: 10].

Основным событием-триггером нарративного мимезиса в поэтических текстах Кондратьева можно назвать сюрреалистическую *встречу с женщиной (женщиной-девочкой, бабочкой)*; временным триггером – *утренние сумерки*. Иногда эти условия соблюдаются в рамках одной симультанной композиции: «утро / как девочка спешит тропинкой / с сачком мельканье бабочки опередить, пока / на гальку взгляд не упадет монетой» (32)². Образ бабочки или даже мотив полета бабочки («мельканье») акцентируют дополнительное значение мимолетности, тем самым соединяя лиминальную темпоральность, концепт встречи и собственно образ женщины-девочки. Образ бабочки интересен и контекстуально, потому что он был концептуализирован в творчестве Бретона, который даже включил статью про бабочку в «Краткий словарь сюрреализма» (1938). Собственно в его романе «Аркан 17» бабочка «демонстрирует, как непостижима и туманна тайна смены поколений»³.

Далее у Кондратьева возможны иные вариации, в которых пропущенные члены могут лишь подразумеваться:

«Ты шла дорожкой парка, и казалось, / что с встречей тянешь ты и час, и два; / Сиял зенит, и гарью дым клубился, / а корни веток всё впивались цепко / в пожар чернеющий рассветных сумерек» (33).

Ситуация «шла дорожкой» двойит адресацию к женщине («ты»), поскольку связана с предшествующим референсом «девочка спешит тропинкой» (к тому же здесь возможен метонимический сдвиг: ты шла дорожкой – ты была дорожкой; девочка спешит тропинкой – девочка и есть тропинка). Мимолетность оборачивается остановкой времени, что вызвано как раз отступлением от миметического объективного повествования в сторону субъективного описания

чувства томления: «казалось, что с встречей тянешь», в то время как героиня уже идет по дорожке, и ее видит герой. Демонстрация парка летом (на сезон указывают гарь и парадоксальные «корни веток») предполагает в потенции бабочку как символ встречи с уже женщиной-девочкой. Видение еще не свершившихся событий, учтывание еще не оформившихся предметов мира – важная черта *патафизического* зрения поэтического субъекта Кондратьева. Согласно А. Жарри, патафизика и есть такая «наука о *воображаемых решениях*, которая образно *наполняет контуры предметов* свойствами, пока что пребывающими лишь в потенции»⁴.

Ту же комбинацию утренних сумерек и осолобого (иногда патафизического) зрения можно обнаружить в поэзии А. Николева (имя которого Кондратьев одним из первых начал возвращать русскому читателю): «Я полюбил и раннее вставанье: / *чуть обнаруженных вещей / предутреннее очертанье*»⁵. Именно в этот период, как следует из николевского текста, становится доступным для восприятия «*нежнейший межпредметный клей*»⁶, напоминающий о патафизическом наполнении контуров предметов потенциальными свойствами. Такое легкое приклеивание предметов друг к другу указывает на особое понимание эроса реальности обоими поэтами. В случае Кондратьева можно говорить о возникновении эротической машины языка, которая, если работает исправно, издает равномерный гул, свидетельствующий в то же самое время об отсутствии всякого гула и шума. В кондратьевских текстах этот шелест языка «приклеивается» к человеческому дыханию (влияние идей поэта Ч. Орлсона), становясь шелестом вздоха, который и «превращается, незримый, в сон, / до сумерек утра исчезнув» (31). И это уже диалог или спор с А. Драгомощенко, в текстах которого происходит погружение как раз в шелест языка, обозначающий звуковой и до-логосный пейзаж рая. Он же и сюрреальный пейзаж, судя по акцентам миметической демонстрации: «татуировки песка, / окружающий шелест, не говорящий никому – ничего»⁷. Как замечает Е. Павлов,

«несмотря на всю утопичность, такой шелест служил и служит предметом поэтических экспериментов. “Невозможное – не есть немислимое”. Поэзия для Драгомощенко – это такое критическое состояние языка, которое указывает на свои истоки в свершенности бессмысленного райского шелеста. По эту сторону рая поэзия есть неустанный упор в говорении одного и того же – буквальное значение греческого слова *tautologos*» [14].

Драгомощенко находил и в практике Кондратьева это стремление к «безликим теням

непрерывного “шелеста”» [4], при этом очень чутко используя аналогию с одной из сюрреалистических функций (коллекционирование), утверждая, что Кондратьев именно коллекционирует безмыслие, которое несет в себе гул языка, являющийся, по Барту, утопией языка, «утопией музыки смысла» [1: 543]. Отсюда в дальнейшем получит свое развитие пост-утопия саунд-поэтики и асемантической поэзии 2010-х годов (В. Банников, В. Бородин, Н. Сафонов).

Случайные встречи с чудесным (аналог трансцендентного рая) в ситуации утренних сумерек устанавливают мотив *пробуждения в утро* (вместо сюрреалистического пробуждения в ночи) и связанный с ним мотив *осеннего рождения* из одноименного стихотворения (вместо рождения весны): «Но пока ты еще / здесь – в ожидании чуда / кружится хоровод осени» (35). Акцентирование противоречивой, странной межпредметной и, как следствие, междисциплинарной реальности не дефокусирует и не усыпляет героя, но приводит к «усиленной патафизической бдительности» [17: 23], создавая совсем другую утопию:

как мореходы, смотрим ненастье
за высоким окном в наступающих
утренних сумерках.

Созвездия

наших судеб невнятны

в предутреннем свете: они

пропадают в туманности, где Венера
перед восходом сверкает на звездном пути
трех волхвов, проходящих по небу
и дары приносящих

в чашах осеннего золота,

называя твое рождение
именем спящей весны (35).

Диегетическим двойником миметического «Осеннего рождения» оказывается цикл стихов «Великое однообразие любви» Драгомощенко, целиком построенный на прямой речи о любви. Ощутимо влияние этого цикла на стихотворение Кондратьева, воссоздающего подчас целые сцены из претекста (героиня, стоящая у окна, дуновения ветра от весны к осени и наоборот). У Драгомощенко довольно скоро выявляется и устанавливается как основная тема языковой антиципации: «Мы не спим, ибо *предчувствие* слова касается нас. <...> “Любовь моя”, как трудна радость ночи»⁸. Фоновое присутствие языка, его райский шелест и означает великое однообразие эроса реального:

Гордая девочка с темной мальчишеской головой,
Стоящая
Между двух яблонь весной,
В мире,
Залитом великим однообразием любви⁹.

Сюрреалистический вариант миметического метафоризма¹⁰ Кондратьева, таким образом, оказывается между диететическим метафоризмом Драгомощенко и миметическим метонимизмом Шваба. В текстах 1990 года – цикл «Проголки, по ином Тристане», «Чай и карт-постали», «Паркетная лекция», «Дерево двух», «Дама с моноклем» – сквозь метафоризм начинают проступать признаки сюрреалистического, растет значение приемов авангардистского письма. Однако эти приемы меняют принцип действия. Так, параномазия, подчас становясь элементом автоматического письма, позволяющим ослабить логические связи в развитии мысли, в контексте всего стихотворения и при установке на нарративный мимезис, наоборот, фокусирует рациональную сделанность аллитерационных сгущений: «Око, орало оводу. / Переселение Гелиака в эклипике <...> Пар. Окалина озера / ртуть кипела, и зеркало» (47).

ТЕЗАВРИРОВАНИЕ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Другим, более важным новшеством становится то, что Кондратьев и в этих стихах, и в рассказах, статьях, стихотворениях в прозе оперирует сюрреалистическими словами и образами уже как концептами. Среди таковых как общекультурные понятия или понятия актуальные для вторичных стилей (барокко, романтизм, различные модернистские стили и т. д.), но пересмысленные сюрреализмом, так и собственно сюрреалистические: сон, воображение, объективный случай (антиципация), автоматизм, мечта, грёза, взгляд, глаз, зеркало и зазеркалье, путешествие-планирование, память-забвение (индивидуальные вариации – дежа вю и жаме вю), детство, любовь¹¹. История этих «терминов» учитывается на интенциональном уровне, однако не разворачивается в текстах, поэтому такие понятия входят в состав высказывания одновременно как инородные элементы с измененной мотивировкой и как естественные, закономерные слова художественного дискурса. Таким образом, сюрреалистический словарь, сюрреалистическая энциклопедия (в бретеновское время основные варианты внешнего языка описания) замещаются в кондратьевской поэтике категорией *сюрреалистического тезауруса*. Собственно поэтому дальше концепты встраиваются в некую игру, помещаются в разные контексты, включаются в неологические трансформации: «Мадалена предбывшая, сыпала смолью / и Майра, каждогодневица случая. Всякий / из встречных – последний. В нарочных местах / каждый шаг, слеп» (57).

Еще одним способом тезаврирования сюрреалистического становятся мифологические аранжировки: например, в стихотворении «Как сейчас вспоминаю, вечно влюбленный...» природные образы и фигура сатира могут, как предлагает Ю. Демиденко, прочитываться через элементы экфрастического описания «Пана» М. Врубеля. Миметическим временем вновь становятся утренние сумерки, поскольку на картине Врубеля изображена старая луна, в северном полушарии означающая рассвет. В другом тексте Кондратьев дает эту диспозицию в сжатом виде: «*старые лица / в сумерках тихо мерцают*» (118).

Тезаврирование может пониматься как буквальное накопление золота сюрреализма, отдельные элементы (концепты) которого рассеиваются в пространстве русской культуры:

пунктиры, они облакают чаепитие с облаками. Любитель любви, чашечница на веранде
утро пчёл, золотое по Петербургу
(мы) бродили, полные изумления. Геодезия в правилах припоминания снов. Тело города, скрытое сетью вен и неисчислимых капилляров. Картина двух. Сюда же относят виды фигур,
испещрённые звёздами и планетами. Посреди поля девушка, платье её состояло из глаз, широко раскрытых навстречу, как показалось, станция уведомления (60).

Нарочито изолированное в скобках «мы» подчеркивает синтаксическую изоляцию конструкции «мы бродили, полные изумления». «Мы» здесь не риторическое, а сюрреально отрешенное, оно же будет использоваться как в автоматических текстах Кондратьева, так и в текстах, где становится заметным влияние поэтики Драгомощенко и «языковых поэтов» США: обильное использование абстрактной лексики и цепочек причастных оборотов, орнаментация поэтического нарратива, дополнение рациональным диегезисом чувственного мимезиса: «Комната не имела нужды к описанию, / как и действие к продолжению»; «Тропизмы и синкопы кадра, чувственность / и голод: города / не для охотников за пристальными образами, / а хроника сентиментальности»; «Симультаническая молва / перекрывала проспект желаний / стать ясновидящим. Ландшафт был шахтой страха / перед попыткой в бездну» (текст «Паркетная лекция», посвященный сыну Драгомощенко – Остапу) (63). Но, как правило, и такая поэтика у Кондратьева деформируется через все то же прошивание сюрреалистическими концептами:

...Это бывало ночами,
смеркающимися в гримасы разошедшихся линий,
в небывалые джунгли, в полярное зарево, в фата-моргану
порывающегося из подсознания
пльвуна, вовлекавшего в метаморфозы
загадочных празднеств, которые мы забываем,
изнемогая к утру (76).

Принципы и результирующий эффект сюрреалистического тезаврирования особенно становятся очевидными на фоне ранних текстов Кондратьева, где те же мотивы и образы, важные для сюрреализма, используются в другой, неоромантической логике, еще не как концепты. В текстах проявляются черты городской элегии 1960–1970-х годов, стабилизируются синтаксис и просодия:

Призрачным шагом я прохожу по реке,
вспоминаю прошедшее время и время, что будет...
Все же свет от окна остается
моим,
сонная ночь и туман,
старые письма и старые мысли
шепот в крови и безумие (102).

Окончательно ослабевает сюрреальное в стихотворениях с рифмой, которых, впрочем, немного: «Так срывает осень покрывало лета или весны, / так уходит жестокий ветер морозу в угоду. / Пролетают над маленьким городом сны, / по ночному указу отпущенные на свободу» (107).

В сюрреалистическом тезаурусе Кондратьева обращает на себя особое внимание поливалентный концепт *пустыни*. С одной стороны, он актуализирует само значение пустоты, пустотности, выстраивая диалогические связи в поле мировой и русской поэзии. Из-за того, что «любое пространство может выворачиваться своей пустотной изнанкой» [9: 11], художественная реальность приобретает черты патафизического воображаемого измерения, наполненного собственной потенциальностью. К. Корчагин демонстрирует это, сопоставляя пространственные профили В. Кондратьева и Л. Аронсона: лимб – рай, имманентность – трансценденция соответственно [9: 10–11]. Одновременно с этим кондратьевская модель существенно разнится с концентрическими пространствами Бретона, утверждающими своими топологическими трансформациями свободу субъекта: «Роза фантастическим образом обращена *внутрь себя самой*. Ее да восхитительной птички-ибиса в нарядном воротничке вполне достаточно, чтобы мечта человеческая никогда не умирала» [1: 145]. У Кондратьева, наоборот, получают распространение вовне и совпадают «в мерцающей пустыне черных топей» (19) одинаково безразличные к человеку миметический карельский и мифологический петербургский топосы.

С другой стороны, от концепта пустыни получают развитие сюрреалистически обработанные и скомпонованные образ песка и мотив ветра,

стыкующийся с мотивом человеческого дыхания (рождения), отчего образуется субъектный триггер – детские образы. Благодаря им мир наполняется любовью, желанием; начинает казаться видимым «межпредметный клей», а сама пустотность положительно переозначивается: так, «в разрывах пустоты, любимой ветром» медлительный вздох «стремится по пескам ребячьим криком / в рождении своем, прозрачностью отмыть от буквы слов рой» (30). Практически любой объект «в ветре <...> обретает *движение*» (36). «Ветер, легчайший спутник наслаждений» (58), в отличие от сюрреалистов с их гегельянским духом, больше связан у Кондратьева с веяниями истории, культуры, речи. Мифологическая поэтика дополняется общекультурным типом аллюзивности: «пустынная улица в даль уводит, / девочка гонит резиновый мяч» (90) (возможна параллель с картиной «Меланхолия и тайна улицы» Д. де Кирико). Особенно позитивной реальность предстает в пространстве детского сна: «Вышли купаться девочка и мальчик / на *золотой бережок*» (103); мальчик – «ангел в детских сандалиях», вокруг него – «*желтый песочек*» (111). Алхимический мотив превращения песка в золото (еще пример: «Как новые поселенцы / строят свой дом на песке и сваях, не разбирая причины, / так нам, укрепляясь единой мыслью, в думах о крове и хлебе листать золотые страницы» (132)) тоже отсылает к идее тезаврирования сюрреалистического как чего-то особенно ценного, но эксцентрического, рассыпающегося (тезаурус).

Патафизическая идея позволяет рассматривать пустотность в терминах потенциальности («В пустынном ландшафте исчерпываются все возможности и не происходит ничего, потому что все в равной степени вероятно и невысказано»¹²), а также страховать от избыточной хаотичности:

«Мы обращаемся к ней (патафизике. – О. Г.) в трудных случаях, когда странности и парадоксы сделали жизнь эксцентрической несколько выше сил. Здесь и вступает не признающая противоречий “наука воображаемых решений”, для которой *любая возможность дана реально*»¹³.

Данность такой реальности легко подвергается сюрреализации с помощью антиципационных механизмов: «призрачность и равнодушные *встреч* / Будят вчерашнее *ожидание*» (29); «*предвосхищение встречи двух* / полнит *дерево ожидание*» (65). Этот принцип срабатывает даже в самых ранних, регулярных стихах: «Так давай *подождем*. Ведь для этого *вечер и ночь* / нам отмерены щедростью времени» (127).

Патафизика, хотя и применяется только «в оперативных целях», может «на неиспорченный организм <...> подействовать, как называют медики, парамнезией»¹⁴. Медицинский дискурс нередко становится концептуальным фоном для выстраивания художественного и нарративного времени по сюрреалистическим принципам, в том числе когда активизируется мотив забвения / забывания или сюжетная функция неузнавания, ассоциирующаяся как с фольклором, так и с театральными жанрами. Например, в тексте-письме «Петроградский проспект»:

«Петербург, после дождя. Я позволил себе парадокс названия известной, 1942 года, картины Макса Эрнста: перспектива ландшафта, организованного в нагромождениях форм, неузнаваемых (*агнозия?* *жамэ вю?*), но смутно припоминаемых – в плане скорее метафизическом, чем конкретно. Исторический пейзаж, отреченный непредвзятым разумом от номинализма. Чувство отжитости, духовного и физического тупика, таким образом, разрешается в самопреодолении, возрождением в прямом, предметном чтении-видении. Происходит открытие Лестербурга» (144).

Жамэ вю можно считать оригинальным приемом Кондратьева, с помощью которого выражаются агнозическая природа субъекта и патафизический принцип мироустройства. Прием этот, скорее всего, является частным случаем остранения, которое «в случае Кондратьева <...> обретается как ментальное странствие» [16: 80]. Странствуя, субъект тезаврирует вокруг себя пространство утопии-ностальгии: «универсалии, хотя бы и с оглядкой на Витгенштейна, у нас в Лестербурге реальны» (146). «Открытие Лестербурга» – это статья Б. Констриктора, на ко-

торую ссылается Кондратьев в пассаже из «Петроградского проспекта» и в которой Лестербург, сохранившийся в текстах Хармса, Введенского, Вагинова, предстает экстремальной точкой существования [8: 108].

Таким образом, определяется и место жительства Гипноса – сюрреалистического поэта – город на берегу Леты:

«Будить петербургскую память – все равно, что тревожить с юности дряхлого наркомана, сомнамбулу, у которого я и не я, было и не было – все смешалось»¹⁵; «...обращенный у моря на все стороны света... этому городу, кроме своего будущего, вспоминать нечего»¹⁶.

Тезаурусная сетка предоставляет возможность возникнуть еще одному новому жанру – сюрреалистическому путеводителю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автономизация знаков культуры и сюрреальная реорганизация времени при тезаурусном, предметном чтении-видении служат средством обнаружения пространства утопии или, как это происходит у Кондратьева, ностальгии. Таким образом, Кондратьев с помощью субъектной метапозиции актуализирует само мировоззренческое ядро сюрреализма, в то время как новые реализации сюрреального в литературе второй половины XX века осуществлялись через действие сюрреалистического кода, хоть и сформированного тем же теоретическим корпусом сюрреализма, но существенно отстранившегося от него. Все это характеризует позицию Кондратьева как цельную в своей противоречивости и уникальную для новейшей русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Василий Кондратьев (1967–1999) – поэт, прозаик, переводчик. Родился и жил в Петербурге. С конца 1980-х годов публиковал стихи, прозу, эссе, переводы с английского и французского языков в «Митинском журнале», «Звезде Востока», «Роднике» и других журналах. Первая и единственная книга прозы «Прогулки» вышла в 1993 году в книжной серии «Митинского журнала». Лауреат Премии Андрея Белого 1998 года в номинации «Проза». Погиб в сентябре 1999-го. Наиболее полное на сегодняшний день собрание стихотворений «Ценитель пустыни» вышло в 2016-м, а собрание прозы «Показания поэтов» – в 2020 году. Творчество Кондратьева занимает одно из центральных мест в поздней неофициальной ленинградской литературе и остается значимым для актуальной русской поэзии сегодня.

² Здесь и далее поэтические тексты Кондратьева цитируются по изданию: Кондратьев В. Ценитель пустыни: Собрание стихотворений. СПб.: Порядок слов, 2016. 192 с. В круглых скобках указывается номер страницы арабскими цифрами.

³ Бретон А. Безумная любовь. Звезда кануна. М.: Текст, 2006. С. 145. В этом русскоязычном издании роман «Аркан 17» получил название «Звезда кануна». Любопытно, что бабочка, находящаяся в покое, является у Бретона примером чистого мимезиса без метафорического смещения: «Пока не отправилась в полет, бабочка существует, кажется, только для того, чтобы подарить нашему глазу возможность насладиться роскошным рисунком своего крыла» (Там же).

⁴ Жарри А. Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика // Жарри А. «Убю король» и другие произведения. М.: Б.С.Г. Пресс, 2002. С. 275.

- ⁵ Николев А. (Андрей Н. Егунов). Собрание произведений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, SBd. 35, 1993. С. 282.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Драгомощенко А. Тавтология: Стихотворения, эссе. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 16.
- ⁸ Драгомощенко А. Великое однообразие любви // Круг: Литературно-художественный сборник. Л.: Сов. писатель, 1985. С. 77.
- ⁹ Там же. С. 74.
- ¹⁰ Возможно, есть основания говорить даже о патафоризме Кондратьева. Термин «патафора» предложил американский писатель Пабло Лопес. «Если метафора представляет собой сравнение реального объекта или явления с вроде бы не имеющим ничего с ним общего предметом, призванное подчеркнуть сходство между ними двумя, патафора использует это только что созданное метафорическое сходство как реальность, на которой она сама базируется» (цит. по: [17: 97]).
- ¹¹ В том числе тавтологические конструкции «любитель любви» (60) или «любители любовей» (название прозаического текста 1996 года), отсылающие к элюаровскому «влюбленному в любовь» и означающие поэта-сюрреалиста. И. Вишневецкий обнаруживает общекультурный генезис этого мотива, возводя его к бальмонтовскому тексту «Люби» (со строкой «Люби любовь. Люби огонь и грезы») и далее к Шелли, Данте и Блаженному Августину [2: 254].
- ¹² Кондратьев В. Показания поэтов: Повести, рассказы, эссе, заметки. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 309.
- ¹³ Кондратьев В. Показания поэтов... С. 162. В этом отрывке из рассказа «Мурзилка» задействована конкретная цитата из «Деяний и суждений доктора Фаустролля, патафизика» А. Жарри, где он дает определение патафизики, уже цитированное нами выше.
- ¹⁴ Там же. С. 162.
- ¹⁵ Там же. С. 165.
- ¹⁶ Там же. С. 209.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Вишневецкий И. Г. Литературная судьба Василия Кондратьева // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 239–267.
3. Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 4 т. М.: Языки русской культуры, 1997–2012.
4. Драгомощенко А. Странствующие / Путешествующие (Памяти Василия Кондратьева) // Русский журнал. 1999. 14 окт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/19991014_dargomos.html (дата обращения 01.03.2020).
5. Житенев А. А. Поэзия неомодернизма: Монография. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. 480 с.
6. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 432 с.
7. Кондратьев В. К. Предчувствие эмоционализма (М. А. Кузмин и «новая поэзия») // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. Г. А. Морев. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме: Совет по истории мировой культуры АН СССР, 1990. С. 32–36.
8. Констриктор Б. М. Открытие Петербурга // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. Г. А. Морев. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме: Совет по истории мировой культуры АН СССР, 1990. С. 108–109.
9. Корчагин К. «Жить на краю посреди пустоши значит жить в самом сердце...» // Кондратьев В. Ценитель пустыни: Собрание стихотворений. СПб.: Порядок слов, 2016. С. 8–16.
10. Кукулин И. В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
11. Кулаков В. Г. Поэзия как факт: Статьи о стихах. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.
12. Лехциер В. Л. Введение в феноменологию художественного опыта. Самара: Самарский университет, 2000. 236 с.
13. Орлицкий Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М.: РГГУ, 2008. 845 с.
14. Павлов Е. Тавтологии Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (131) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11274/ (дата обращения 01.03.2020).
15. Рикёр П. Время и рассказ: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 313 с.
16. Скидан А. Василий Кондратьев: до востребования // Скидан А. Соппротивление поэзии: Изыскания и эссе. СПб.: Борей-Арт, 2001. С. 79–84.
17. Хьюгилл Э. Патафизика: Беспольный путеводитель. М.: Гилея, 2017. 430 с.

Поступила в редакцию 01.04.2020; принята к публикации 26.11.2020

Oleg S. Gorelov, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.,
Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5718-6588; og-rus@inbox.ru

SURREALIST THESAURUS IN V. KONDRATIEV'S POETRY: LOGIC AND WAYS OF OBJECTIFYING SURREALIST STATEMENTS

Abstract. The article analyzes the principles of thesaurus building for surrealist concepts in the poetry of V. Kondratiev. The history of the main concepts of surrealism – dream, imagination, objective case (anticipation), dream, rêve, eye, mirror, flâneuring journey, memory and oblivion, childhood, love – is taken into account by the poet on an intentional level, but does not unfold in the texts, therefore such concepts are included in the composition of the statement both as foreign elements with altered motivation and as natural, regular words of the artistic discourse. Kondratiev uses them to fill the poetic thesaurus not only of his poetry, but of Russian poetry in general. In Kondratiev's surrealist thesaurus, the polyvalent concept of desert attracts particular attention. On the one hand, the poet actualizes the very meaning of emptiness, building dialogic connections in the field of world and Russian poetry. On the other hand, the concept of desert is developed into the surrealistically processed and arranged image of sand and motif of wind, coupled with the motif of human breath (birth), which creates a subjective trigger – children's images. Due to the thesaurus building process, Kondratiev's verses reveal an example of mimetic surrealism, rare for Russian poetry. Elements traditionally associated with prose penetrate and shape the poetic text. The point here is not just about the prosaization of poetry, but about the objectification and mimetization of surrealist and, more broadly, shift statements in the field of poetry.

Keywords: narrative mimesis, surreal, pataphysics, concept, thesaurus, modern Russian poetry

For citation: Gorelov, O. S. Surrealist thesaurus in V. Kondratiev's poetry: logic and ways of objectifying surrealist statements. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.561

REFERENCES

1. Bart, R. Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow, 1989. 616 p. (In Russ.)
2. Vishnevetskiy, I. G. The literary fate of Vasily Kondratiev. *New Literary Observer*. 2019;3(157):239–267. (In Russ.)
3. Gasparov, M. L. Selected works: In 4 vols. Moscow, 1997–2012. (In Russ.)
4. Dragomoshchenko, A. The wandering / the traveling (In memory of Vasily Kondratiev). *Russian Journal*. 1999. October 14. Available at: http://old.russ.ru/krug/19991014_dargomos.html (accessed 01.03.2020). (In Russ.)
5. Zhitenev, A. A. Poetry of neomodernism: Monograph. St. Petersburg, 2012. 480 p. (In Russ.)
6. Zubova, L. V. Contemporary Russian poetry in the context of the history of language. Moscow, 2000. 432 p. (In Russ.)
7. Kondratiev, B. K. Presentiment of emotionalism (M. A. Kuzmin and the “new poetry”). *Mikhail Kuzmin and Russian Culture of the XX Century: Conference proceedings, May 15–17, 1990*. (G. A. Morev, Comp.). Leningrad, 1990. P. 32–36. (In Russ.)
8. Konstriktor, B. M. Opening of Leterburg. *Mikhail Kuzmin and Russian Culture of the XX Century: Conference proceedings, May 15–17, 1990*. (G. A. Morev, Comp.). Leningrad, 1990. P. 108–109. (In Russ.)
9. Korchagin, K. “To live on the edge in the middle of the wasteland means to live in the very heart...”. *Kondratiev V. Admirer of the desert: Collected poems*. St. Petersburg, 2016. P. 8–16. (In Russ.)
10. Kukulin, I. V. Machines of a noisy time: how Soviet film editing became a method of unofficial culture. Moscow, 2015. 536 p. (In Russ.)
11. Kulakov, V. G. Poetry as fact: Articles about poetry. Moscow, 1999. 400 p. (In Russ.)
12. Lekhtsier, V. L. Introduction to the phenomenology of artistic experience. Samara, 2000. 236 p. (In Russ.)
13. Orlitskiy, Yu. B. The dynamics of verse and prose in Russian literature. Moscow, 2008. 845 p. (In Russ.)
14. Pavlov, E. Tautologies of Dragomoshchenko. *New Literary Observer*. 2015;1(131). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11274/ (accessed 01.03.2020). (In Russ.)
15. Riker, P. Time and story: In 2 vols. Moscow, St. Petersburg, 1998. Vol. 1. 313 p. (In Russ.)
16. Skidan, A. Vasily Kondratiev: poste restante. *Skidan A. Resistance to poetry: Researches and essays*. St. Petersburg, 2001. P. 79–84. (In Russ.)
17. Hugill, A. Pathaphysics: A useless guide. Moscow, 2017. 430 p. (In Russ.)

Received: 1 April, 2020; accepted: 26 November, 2020

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХАРОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, философии и литературы

Российский институт театрального искусства – ГИТИС
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1469-6390; zew@list.ru

П. Н. РЫБНИКОВ: МЕЖДУ ЗАПАДНИЧЕСТВОМ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВОМ (по материалам архива Ю. Ф. Самарина)

А н н о т а ц и я . Ценным материалом являются еще не введенные в научный оборот документы, уточняющие сведения о жизни П. Н. Рыбникова и его отношениях с современниками, хранящиеся в семейном архиве Самариных в фонде рукописей РГБ. К ним относятся письма славянофила Ю. Ф. Самарина, а также отрывок из письма самого Рыбникова. Документы публикуются впервые. Письма Самарина адресованы супругам Черкасским. Материалы приоткрывают завесу над ходом принятия решения о смене места его службы в Петрозаводске и переезде в Царство Польское, детали этого процесса. Кроме новизны, документы уточняют и подтверждают положения, которые А. Е. Грузинский выдвигал с разной степенью обоснованности. Представленные материалы заостряют вопрос о мировоззренческой позиции Рыбникова. Его личность воспринимается сквозь призму идей славянофильства и западничества как центральной проблематики не только XIX столетия, но и нашего времени.

Ключевые слова: Рыбников, Самарин, архивные материалы, славянофильство, мировоззрение

Для цитирования: Захаров Э. В. П. Н. Рыбников: между западничеством и славянофильством (по материалам архива Ю. Ф. Самарина) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.572

ВВЕДЕНИЕ

Каждый значимый источник информации обладает своей историей, складывающейся из различных дополнений к уже известному материалу. В начале XX столетия А. Е. Грузинский объяснял целесообразность нового издания сборника народных песен П. Н. Рыбникова необходимостью изменений при компоновке текстов с учетом поправок и замечаний, что получило высокую оценку в русской фольклористике. Яркой страницей публикации стала биография собирателя, впервые познакомившая читателей с основными вехами его судьбы. С тех пор сообщение Грузинского утвердилось как основной источник для жизнеописания П. Н. Рыбникова¹. На тот момент текст был составлен с привлечением «новых материалов» из всех известных источников. На протяжении последующего времени биография собирателя дополнялась различными уточняющими документами, но значение главного научного исследования оставалось за ней.

Тем не менее многие жизненные факты собирателя не выяснены и остаются предположительными суждениями авторов. В связи с этим ценным материалом являются еще не введенные

в научный оборот документы, уточняющие сведения о жизни Рыбникова и его отношениях с современниками, хранящиеся в семейном архиве Самариных в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. К ним относятся письма Ю. Ф. Самарина, а также отрывок из письма самого П. Н. Рыбникова. Письма Ю. Ф. Самарина адресованы супругам Черкасским, инициатором этих обращений был сам Рыбников². Материалы впервые публикуются в данной статье, в других изданиях наследия Ю. Ф. Самарина они не были представлены.

* * *

Незаурядная личность Рыбникова привлекала внимание знавших его людей. Его образ мысли и идеи отражали характерные проявления общественной атмосферы целой эпохи. Материалы из архива Самарина приоткрывают завесу над ходом принятия решения о смене места его службы в Петрозаводске и переезде в Царство Польское, а также детали этого процесса.

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) – выдающийся государственный деятель, публицист и православный мыслитель. Он был тесно связан с А. С. Хомяковым и семейством Акса-

ковых, под влиянием которых формировались его убеждения. Его публицистическое наследие отражает важные вехи в истории развития славянофильских концепций – религиозных, политических, государственных и эстетических; богатое эпистолярное наследие освещает малоизвестные исторические факты середины XIX столетия. Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) – видный государственный и общественный деятель пореформенной эпохи. Он участвовал в самых ярких событиях второй половины XIX столетия: как и Ю. Ф. Самарин, активно работал в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу (1859–1860), вместе их призвал товарищ министра внутренних дел Н. А. Милютин³ в комиссию по разрешению трагических последствий мятежа 1863 года в Польше; он занимал должность городского головы Москвы (1869–1871); в последние годы жизни сыграл важную роль в деле установления государственности Болгарии. Куда бы ни был призван князь, везде он проявлял себя как ответственный государственный деятель, обладающий теоретическими знаниями и практическим навыком. Пути Черкасского и Самарина часто пересекались: их объединяла принадлежность к старинным русским дворянским родам, они были выпускниками Московского университета, но главное – уже в юности они утвердились в своей мировоззренческой позиции, определившей их судьбу в деле служения России. Гражданский долг отвлек их от успешной научной деятельности после завершения университета, они сосредоточились на практическом воплощении своих знаний во благо Отечества. Успешная совместная работа сблизила Самарина и Черкасского. Когда в июле 1859 года, в самый разгар работы комиссий, возникла угроза жизни Самарина, только личное участие Черкасского спасло его от неминуемых страшных последствий. В письме к матери Самарин признавался, что Черкасский ухаживал за ним «как брат»⁴. Общение между ними не прерывалось, а к концу жизни Самарина семейство Черкасских становится главным его адресатом. Дело в том, что многие письма Самарин отправлял жене Черкасского – Екатерине Александровне с учетом совместного их прочтения. Включение Черкасской в деловую переписку из-за занятости супруга позволяло коснуться самых разнообразных тем, общение расширялось, прояснялась личная позиция по ключевым вопросам. Самарин обращался к Екатерине Александровне по поводу переводов трудов Хомякова на английский язык как к надежному человеку, безразличному к идеям славянофильства.

Грузинский комментировал отъезд Рыбникова из Петрозаводска:

«В декабре 1866 года Рыбников простился с Петрозаводском, переведенный, как упомянуто было, вице-губернатором в Калиш. Нет сомнения, что этим он был обязан более всего своим московским славянофильским связям: в наших руках было письмо к нему Ив. С. Аксакова от 10 мая 1866 г., где стоит: “Не удастся вам братья отсюда! Самарин несколько раз писал об этом Черкасскому и Милютину. Теперь после 4 апреля все это стало опять затруднительнее и многим досталось в чужом пиру похмелье”. Но едва прошло три месяца, как хлопоты друзей увенчались успехом; в конце августа Рыбников уезжает на месяц в Петербург, вызванный по этому поводу: кн. Черкасский приглашал его к себе на службу в Варшаву»⁵.

Подробно эти события освещаются в представленных материалах из архива Самарина. Отрывки из писем, обращение Рыбникова к Самарину могут послужить документальным свидетельством тех положений, которые Грузинский выдвигал с разной степенью обоснованности.

Обращения Самарина по поводу Рыбникова относятся к тому периоду деятельности Черкасского в Польше, когда он занимал должность главного директора правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского (1864–1866). Самарин в это время отошел от непосредственных польских дел в силу ослабления здоровья. По словам биографа Б. Э. Нольде,

«Юрий Самарин, в полном смысле этого слова, предугадал вперед на полвека исторические пути России и Польши, со всеми многообразными и громадными по своему значению последствиями новой политики для обеих стран и для всей Европы»⁶.

Учитывая разнообразные статьи Самарина по Польскому вопросу, можно утверждать, что для него Польша всегда оставалась актуальной проблемой, благодаря которой он оценивал общую атмосферу европейской политики. Первостепенным делом он считал проявление участия к польским крестьянам, которых использовали противники России в своих целях. Самарин убедился на месте, что главные претензии крестьян направлены к помещикам, нарушающим государственное законодательство и лишаящим собственных крестьян гражданских прав. Личные беседы с крестьянами убедили Самарина в очевидном: казенные крестьяне сами осознавали свое превосходство над помещичьими как в хозяйственном, так и в нравственном отношении⁷. Подобные настроения нужно поддерживать для избавления Царства Польского от очагов общественного напряжения, для достижения этого требовалось утверждение

администраторов-государственников на местах. Этим объясняется интерес к личности Рыбникова, как и к другим кандидатам, изъявившим желание служить в Польше на более высоких должностях, чем в самой России. Папка, в которой хранится подборка копий писем Самарина к Черкасским о Рыбникове, начинается с необычного вступления: «Комиссия по вербовке охочих людей в наездной жонд Царства Польского. Экзекуторские дела № 1». После этого заголовка начинается письмо:

«Вашему Сиятельству имею честь донести, что по отъезде Вашем в Варшаву, явился ко мне Московской губернии, Верейского уезда Мировой посредник Клименко с письмом от Николая Николаевича Павлова, в коем прописывал, что вышереченный Клименко из Мирowych Посредников по всем статьям первый, к делу рачителен, умом тверд и характером зрел и что он, Павлов, по короткому с ним знакомству, за него ручается»⁸.

Официально-ироничное начало сменяется дружественным тоном, Самарин объясняет суть дела по поводу некоего Клименко, характеризуя его как надежного человека для участия в комиссиях по регулированию Польского вопроса на месте. Затем переходит на другие темы, напоминая об общих знакомых. Приведенные сведения позволяют судить о том, что Самарин уже выполнял некоторые поручения по поиску проверенных людей для ответственных должностей в Царстве Польском.

Письмо, содержащее необычное вступление, в папке датировано «7 марта 1864», обращение к Черкасскому по поводу назначения Рыбникова не датировано и без вступления, что мог себе позволить Самарин. Возможно, обращение является припиской к предыдущему самаринскому письму из Москвы к Екатерине Александровне Черкасской от 19 мая 1865 года. Причем на нем стоит дата «весна 1865», приписанная карандашом при нумерации документа в папке архива:

«Не знаю, любезнейший Князь, помните ли Вы некоего Рыбникова. Может быть, Вы встречали его очень молодым человеком и очень привлекательной наружности у Хомякова, у которого он некоторое время жил и давал уроки.

Хомяков считал его одним из даровитейших людей молодого поколения того времени и пророчил в нем замечательного ученого, хотя, по крайней мере, в то время он шел по диаметрально противоположному с ним направлению. После этого Рыбников сослан был в Вятку, оттуда переведен на службу в Олонецк, там дослужился до Советника Губернского Правления, женился, собрал и издал драгоценное собрание былин и песен в трех томах, четвертый подготовил. Надзор полиции с него снят, но запрещение служить в столицах не снято. Третьего дня он провел у меня целый вечер и рассказал мне пропавший интересный об Олонецкой губернии, об отношении русского племени к финскому, о расколе,

о разных формах землевладения и, между прочим, о постепенном переходе личного землевладения в общинное. Теперь Олонецкая губерния ему надоела, и он заговаривал со мною о переходе на службу в Польшу. Я перевел разговор на другое, но, вероятно, он опять обратится к этому письменно. Что мне отвечать ему?

Я могу сказать о нем вот что: дарования замечательные и несомненные, ученое образование как у весьма немногих, навык, способность и охота к труду положительны. Затем, сколько я могу судить по одному с ним разговору, 7 лет, проведенных за делом, в лесной глуши, не только не испортили его, а, напротив, отрезвили; на Польский вопрос он, кажется, смотрит здраво.

На днях я ожидаю в Москву аббата Guettee⁹, о котором я Вам говорил; он здесь пробудет дней десять. Не дадите ли Вы мне к нему каких-нибудь поручений?

Хотелось бы мне окончить просьбою, чтобы Вы не расходовали бесцельно своих сил и берегли свое здоровье, но я знаю, что подобные просьбы ни к чему не ведут.

Итак, да бережет Вас Бог и да пошлет Вам дивный дар самосохранения, которым так щедро наделен Ваш начальник¹⁰. Душевно Вам преданный Юрий Самарин¹¹.

Следом за первой рекомендацией представлено письмо Рыбникова к Самарину, на котором имеется пометка составителя-архивиста: «Письмо Рыбникова к Ю. Ф. от 25 июня 1865 г.». Также сверху неизвестной рукой подписано карандашом: «Петр Николаевич Рыбников в Петрозаводске». Письмо без вступления, что нехарактерно для подобного обращения; возможно, представлена только часть от целого документа:

«Только на две недели с половиною покинул я Олонецкую губернию; но это непродолжительное отсутствие вполне убедило меня, что оставаться долее в Петрозаводске было бы для меня и вредно, и тяжело. Решаюсь напомнить наш разговор при последнем свидании и покорнейше просить Вас о сообщении, могу ли я надеяться получить в Царстве Польском место, сколько-нибудь обеспечивающее семейного человека; и если мое желание исполнимо, к кому должен я обратиться с просьбою о перемещении.

Воспоминания свои об Алексее Степановиче я записываю постоянно и как скоро обработаю хоть один отдел, немедленно препровожу к Вам.

С чувством совершенного почтения и преданности. П. Рыбников. 25 июня 1865 г.».

После письма, ниже на листе приписано от Самарина:

«Любезнейший Князь, вот письмо только что мною полученное от Рыбникова. Не зная какой дать ему ответ, я ему отписал, чтоб он обратился прямо к Вам.

Ваш Ю. Самарин. 4 июля. С. Рождествено¹².

Далее в письме к Е. А. Черкасской от 21 октября 1865 года из своего волжского имения Васильевского в заключение Самарин добавляет:

«Дружески обнимаю Князя. Я рад, что он сошелся с Рыбниковым; он будет ему отличным помощником. Нигилист женатый уже полуобращенный человек. Душевно Вам преданный Ю. Самарин¹³.

Приведенные сведения помогают определить хронологию событий, предшествующих назначению Рыбникова вице-губернатором в Калише. Первое желание сменить место службы в письмах Самарина датируется весной 1865 года, затем июньское напоминание того же года о своей просьбе, и только в декабре 1866 года он покидает Петрозаводск, как об этом свидетельствует Грузинский. 4 апреля 1866 года совершено покушение на Александра II, что могло осложнить назначение Рыбникова, однако Грузинский указывает на неожиданный поворот, из-за которого в скором времени изменилось положение собирателя. Очевидно, что решение принималось долго и утомительно для Рыбникова. На этом фоне последнее обращение Самарина по поводу Рыбникова к Е. А. Черкасской от 21 октября 1865 года способно вызвать различные толкования из-за возможного предположения, что уже в конце октября Рыбников поступил на службу под руководством князя Черкасского. Однако на основе представленных документов очевиден вывод: утверждение Самарина по поводу назначения, скорее всего, лишь предварительная договоренность, на реализацию которой понадобилось больше года.

В письме к сыну Хомякова осенью 1860 года после известия о смерти его отца Рыбников напоминает о просьбе Самарина записать воспоминания о нем: «Я иначе поминаю Вашего отца. По просьбе Ю. Ф. С. я записываю смысл его бесед со мною. Таким образом, личность А. С. постоянно присутствует в моей мысли, еще влияет на нее...»¹⁴. Рыбников использует инициалы, что понятно собеседникам и, видимо, современникам Грузинского. В представленном письме Рыбникова Самарину уточняется, по чьей просьбе Рыбников писал воспоминания о Хомякове, судьба которых, к сожалению, неизвестна.

Грузинский в биографии упоминает имя Самарина несколько раз при весьма характерных обстоятельствах. Автор обосновывает идейную близость Рыбникова с А. С. Хомяковым и семейством Аксаковых. Биограф, называя Рыбникова либеральным студентом, указывает на многогранность его интересов, одновременно обосновывает сближение со славянофилами их вниманием к судьбам народа, что и определило интерес к собирательскому делу. К тому же здесь встречается первое упоминание имени Самарина, попавшего после распространения «Рижских писем»¹⁵ под подозрение московского генерал-губернатора, намечаются контуры внешнего объединения Рыбникова со славянофилами, значимым фактором являются сведения о сближении с Хомяковым, ос-

новоположником общественного направления в русской мысли.

Грузинский склонен к обоснованию славянофильского влияния в собирательской работе Рыбникова. Знакомство с А. С. Хомяковым, затем живой отклик на его кончину указывают именно на эту тенденцию. Характеризуя время обучения в университете, Грузинский выявляет закономерность мировоззренческого выбора Рыбникова:

«Занятия <...> народной поэзией или старой русской письменностью неизбежно связывались для ученого с необходимостью определить так или иначе свое отношение к идее народности, к общему ходу исторических судеб русского народа, к вопросу о самобытности развита, к западничеству и славянофильству»¹⁶.

Обосновывается естественность возникшего выбора между славянофильством и западничеством как историческое определение собственной общественной позиции в XIX веке. В том же контексте вспоминается характер употребления слова «славянофил», примененного к собирателю народной поэзии. Например, А. Д. Соймонов, исследователь творческого наследия П. В. Киреевского, приводил следующее суждение:

«Впоследствии декабрист Г. С. Батеньков, хорошо знавший Петра Васильевича, писал: “Увидясь с Жуковским, скажи ему от меня, что он отчаянный Археолог и Славянофил и что его муза увлекла тебя на избранный тобою путь”. Называя Жуковского археологом и славянофилом, Батеньков подразумевал под этим обращение фольклору и влияние в этом смысле на Киреевского» [5: 39].

Понятие «славянофильство» прямо соотносится с проблемой народности, определяющей начала общественного развития России. Славянофильство представляется как исторически обусловленное явление в жизни общества, в рамках которого собирательское дело являлось важной составляющей национального самосознания. Несомненно, интерес к жизни народа проявлялся как общая тенденция, определившая возникновение новой науки – фольклористики, базирующейся на собранном к тому времени материале. В России призывы к активной собирательской работе звучали на протяжении всего XIX столетия. М. К. Азадовский описывал характерную ситуацию начала века:

«На страницах “Московского вестника” появлялись неоднократно призывы к собиранию памятников народной поэзии, подчеркивалось их общественное и литературно-научное значение, помещались иногда и сами тексты...» [1: 251–252].

В биографии Грузинский впервые приводит свидетельство о том, что Рыбников обучал детей Хомякова в семейном имении Богучарове. До этого Самарин напоминал о Рыбникове в связи с его преподавательской деятельностью

в доме Хомякова. Выбор Хомяковым наставника для детей примечателен тем, что он привлёк для этого ответственного дела человека, казалось бы, противоположных идейных взглядов. Известная твердость и приверженность Хомякова выбранному пути и его последовательность в отстаивании взглядов могут вызвать непонимание. Замечания Самарина позволяют уточнить, что Хомяков видел в Рыбникове не оппонента, а здравомыслящего человека, образованного и разностороннего, в силу своего возраста выбравшего яркие идеи «прогрессивного» характера. Биограф называет единомышленников Рыбникова по кружку вертепников «передовыми людьми»¹⁷, что, в свою очередь, в характеристике Самарина получило исчерпывающую оценку – «нигилист». Подобная жизненная ситуация отражает один из важных сюжетов русской литературы: переосмысление молодым человеком своих романтических и радикальных взглядов. Это знакомо и самому Хомякову, поэтому так настойчиво он пытался включаться в современные дискуссии с молодежью. История отношений Хомякова и Рыбникова напоминает характер взаимоотношений внутри самого направления. Ю. Ф. Самарин и К. С. Аксаков стали последовательными единомышленниками Хомякова в тот момент, когда по окончании университета сами нуждались в осмыслении жизненного пути и духовном наставничестве.

Таким образом, начиная с первой биографии Рыбникова, исследователи заостряли внимание на вопросе о его мировоззренческой позиции, связанной с идейными влияниями того времени. Его личность воспринималась сквозь призму столкновения славянофильства и западничества как центральной проблемы не только XIX столетия, но и нашего времени, на что обращается внимание и в последующих исследованиях.

Советскому ученому А. П. Разумовой пришлось отстаивать Рыбникова от «поспешного» причисления в ряды фольклористов славянофильского толка, поправляя М. Горького, опирающегося на работы А. Н. Пыпина¹⁸ и А. Е. Грузинского. Она усиливает акцент на студенческом кружке вертепников, который посещал Рыбников, туда же приглашали А. С. Хомякова и К. С. Аксакова, среди участников также упоминаются Самарин и И. С. Аксаков [3: 15]. Славянофилы оппонировали студентам, увлекающимся радикальными идеями, вплоть до свержения самодержавия. Автор сделала вывод:

«Интерес Рыбникова к народному творчеству, таким образом, следует объяснять не связями с Хомяковым, как это утверждали буржуазные исследователи, а влиянием демократического общественного движения и, прежде всего, влиянием революционных демократов – Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова» [3: 32].

Разумова останавливалась на студенческих годах Рыбникова и всю его собирательскую деятельность подводила под радикальные взгляды, которые определили весь дальнейший жизненный путь собирателя. После описания отъезда Рыбникова в 1866 году из Петрозаводска автор заключила: «Последний период его жизни не представляет для нас интереса» [3: 73]. Тем самым внимание к судьбе Рыбникова ограничивается только временем его собирательства, без освещения эволюции общественных взглядов.

Историк русской этнографии С. А. Токарев в 1966 году, также следуя требованиям времени, называл Рыбникова «представителем демократического течения в фольклористике и этнографии». В связи с этим судьба Рыбникова после Петрозаводска уже не занимала исследователя:

«Вскоре после публикации своего сборника былин Рыбников был освобожден от полицейского надзора и уехал из Петрозаводска. Он постепенно охладел и к науке, и к народу, сильно поправел и кончил свою жизнь калишским вице-губернатором» [6: 345].

Однако Токарев сделал важное уточнение о прежних «славянофильских связях», позволивших Рыбникову занять должность в губернском статистическом комитете, что облегчало его собирательскую деятельность.

Идеологический подход ощутим в публикациях различных эпох, настоящая потребность заключается в объективном осмыслении всех составляющих мировоззрения собирателя. К тому же с позиции известных исторических результатов возможен аксиологический анализ суждений того или иного деятеля. Примечательно, что в работе современного польского исследователя революционные увлечения Рыбникова выделяются как единственные побудительные причины всей его деятельности [2: 124].

Пост вице-губернатора Калиша вряд ли представлялся для Рыбникова пределом его желаний. Он обратился к Самарину с намерением встать рядом с людьми, которые вершили судьбу не только Польши, но и России, где бы в полной мере смогли проявиться его незаурядные способности. Но Милютин был сражен инсультом, а Черкасский не видел возможности исполнения своих намерений под руководством Д. Н. Набокова. Даже обращение Александра II не имело воздействия, и Черкасский, удаляясь от дел в Польшу, поставил себя в невыгодное положение для возможности какого-либо влияния на ход событий. Рыбников остался без покровительства для выполнения той роли в западном крае, которую ему определял А. Ф. Гильфердинг в неотправленном письме¹⁹; он действительно оказался оторванным от общих занятий,

к которым он был призван своей талантливой натурой. Таким образом, благодаря сведениям из архива Самарина можно проследить за усилиями Рыбникова и характером предпринимаемых мер для изменения собственного положения в 1865–1866 годах.

Нельзя оставить без внимания, что намерение Рыбникова служить в Царстве Польском исследователи воспринимают скептически, хотя важность решения не может оспариваться как предмет его искренних усилий. Однако то, к чему так стремился Рыбников, оказалось во многом, к сожалению, нереализованным, потому что он оказался в одиночестве при утверждении своих государственных намерений.

При встрече Самарин заинтересовался рассказами Рыбникова с места службы как предметом своих профессиональных занятий. Национальный вопрос на русских окраинах для славянофила представлялся первоосновой государственного устройства России. Любые сведения позволяли ему определить общую стратегию в утверждении целенаправленного подхода на местах. Его сочинения «Рижские письма» (1848) и «Окраины России» (1867–1876), посвященные прибалтийским землям, обосновывали важность и востребованность сведений для прояснения обстановки в приграничных районах страны. К тому же Рыбников оказался в курсе дел земельного устройства крестьян на общинных началах в Олонецкой губернии, что и было оценено славянофилом.

Среди поднятых проблем особую значимость для Самарина и Рыбникова имел Польский вопрос. Самарин не изменял своим убеждениям, что польский народ необходимо настроить на про-русскую позицию, после чего Польша должна получить суверенитет по инициативе России. Самарин увидел обоснование своим суждениям, напрямую общаясь с польскими крестьянами, искренне расположенными к русскому правительству. Прозападная шляхта, поддерживаемая европейской пропагандой, составляла основную антирусскую силу, на передовой информационной позиции которой стоял герценовский «Колокол». Для противостояния мощнейшему напору Самарин принимал участие в подборе кандидатов на административные должности в польских городах. Беседы с Рыбниковым позволили рекомендовать его Черкасскому как человека, «здорово» смотрящего на проблему, хотя из записок, приведенных Грузинским, ясно, что Рыбников не вполне осознал перспективное направление государственной политики в отношении Польши. Так, в его записках находим сетования:

«Разве обрусение имели целью Александр II и Милютин, давая самостоятельность крестьянскому сословию? Разве обрусение имел в виду беспощадный к полякам

кн. Черкасский? Он хотел применить к Польше старинный московский прием объединения: снять верхний слой народа и заменить его заезжими русскими людьми. Предполагалось при этом, во-первых, что освобожденное от гнета шляхетских тенденций крестьянство окажется в состоянии возродить польскую национальность на каких-то новых началах, во-вторых, предполагалось дать Польше все, что дано России. Но 17 лет минуло со времени печальных событий 1863 года, а здесь еще нет ни городских, ни земских учреждений, ни мало-мальской свободы прессы, ни суда присяжных, ни свободы учреждения промышленных, торговых, ссудо-сберегательных, потребительных ассоциаций»²⁰.

В словах Рыбникова слышится общий мотив суждений Милютина, Черкасского и Самарина, но реализация государственных задач в деле сохранения польской национальности, по-видимому, шла несколько в ином направлении, чем виделось собирателю. Например, Черкасский, кроме всего прочего, утверждал общую со славянофилами позицию по нейтрализации римско-католического политического влияния, определяя конкретные меры по ограничению «полоно-латинства», избавления от кураторства польских помещиков в греко-униатских приходах, более того, обосновывал «меры против сохранения униатов в латинстве» [7: 21]. Самарин убедительно подтверждал слова единомышленника в статье «Современный объем польского вопроса» (1863):

«Окончательное разрешение Польского вопроса, такое разрешение, которое бы удовлетворило поляков, *немыслимо без коренного, духовного их возрождения*. Нужно, чтобы Польша отеклась от своего союза с латинством и, наконец, помирилась бы с мыслью быть *только собою*, то есть одним из племен славянских, служащим одному с ними историческому призванию; нужно, с другой стороны, чтобы Россия решилась и сумела сделаться *вполне собою*, то есть историческим представителем православно-славянской стихии. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжество, свободно признанное, одного просветительного начала над другим»²¹. В этом смысле, повторим слова г. Страхова: «Польский вопрос есть и долго будет вопросом русским»» [4: 354].

Данная позиция обосновывает и дальнейший суверенитет Царства Польского как дружественного государства России, по свободному волеизъявлению которой должна утвердиться его будущность. Таким образом, именно духовное возрождение для Польши в православной традиции подразумевалось реформаторами; воспринял ли Рыбников эту идею в предполагаемой форме, сложно сказать по отрывкам, приведенным Грузинским.

При характеристике Рыбникова Самарин уделяет внимание психологическому аспекту становления личности, чьи взгляды формируются условиями повседневной жизни в семье.

Отрезвление от радикализма, «полуобращенность» Рыбникова для Самарина становятся надеждой на возвращение талантливого человека в лоно самоотверженного служения России. Самарин вместе с единомышленниками предвидел, к каким разрушительным последствиям приведет страну увлечение «передовыми» идеями, оторванными от духовных основ русского народа. Поэтому для него, подобно П. В. Киреевскому, отрицающего «проклятую чаадаевщину»²², неприемлемы никакие сделки с «прогрессистами», зараженными «белиновщиной» и «чернышевщиной»²³. Главный упрек адресован А. И. Герцену за его пагубное влияние на молодое поколение:

«Сразу виден человек, окончательно испорченный Герценом и компаниею, человек, утративший простоту и всякую искренность чувств, заразившийся революционной чесоткою, тою самою болезнью, которую Герцен привил у нас сотням и тысячам, и от которой он сам сходит с ума и пропадает нравственно...»²⁴.

Следовательно, семья Рыбникова рассматривается Самариным как условие сохранения цельности личности, способной нести ответственность не только за себя, но и за ближнего. Нравственный аспект приобретает приоритетное значение в осмыслении становления личности. В середине XIX века со стороны прозападной интеллигенции активно расшатывались традиционные устои, обосновывающие святую браку. Предельную отвлеченность и искусственность подобных утверждений Самарин подтверждал после прочтения посмертной публикации дневников Герцена:

«Признаюсь, меня более всего поражает в этой скорбной и трогательной исповеди, что самая убедительная апология брака как святыни, какую мне довелось читать, вышла из-под пера человека, систематически отвергавшего ее»²⁵.

В этом проявляются нравственные основы противопоставления славянофильства и западничества, которые по-разному рассматривали фундаментальные условия развития общества. Славянофилы утверждают, что для развития общества недостаточно лишь социально-политических преобразований, если они не опираются на традиционные духовные ценности. В связи с этим вспоминается роман «Подросток» Ф. М. Достоевского, где выражена мысль о трагедии общества из-за разрушения института семьи как условия духовного формирования личности, следствием чего становится распространение «случайных семейств»: «Множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимою силою переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе»²⁶.

Осознание зависимости состояния общества от нравственной природы человека определяет его иммунитет к утверждению радикализма в сознании. Тем самым обосновывается важное условие в противостоянии славянофилов с западниками: нравственный источник жизни, формирующий общественный фундамент, что так целенаправленно отстаивали сторонники Хомякова. Это подтверждается и в невольном признании Герцена при воспоминании о К. Аксакове, что славянофилы черпали свою любовь к стране и народу от самой «матери», а западники – опосредованно от «французской гувернантки», отсюда и разница в их восприятии России. Напоминание о семье Рыбникова для Самарина становится важной характеристикой, определяющей жизненный выбор человека. Важно подчеркнуть, что славянофил наделяет целостной психологической характеристикой человека, готовящегося занять государственную должность: «Нигилист женатый уже полуобращенный человек»²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Примечательно, что для Самарина интерес к Рыбникову продиктован фактом его знакомства с А. С. Хомяковым, основавшим центральное направление в общественной мысли России середины XIX столетия. Самарин пытался выявить результаты идей Хомякова в деятельности Рыбникова, который оставался искренне ему признательным и с благодарностью его вспоминал.

Представленные материалы не только открывают новые сведения и способствуют уточнению обстоятельств, повлиявших на решение Рыбникова покинуть Петрозаводск, но непосредственно подводят к проблеме изучения служебной деятельности собирателя. Его личные качества проявлялись в успешной государственной деятельности на всех поприщах. Несмотря на положение ссыльного, должность в Петрозаводске свидетельствует о высокой оценке его личного потенциала. Именно об этих качествах упоминал Самарин в характеристике Рыбникова для возможной службы в Польше. Сегодня требуется содержательное дополнение известных фактов деятельности Рыбникова как в Петрозаводске, так и на должности вице-губернатора Калиша. Славянофильская оценка Рыбникова важна при утверждении его как общественного деятеля, мыслящего государственными масштабами. Сведения из архива Самарина обогащают исследования служебной деятельности Рыбникова, что, в свою очередь, позволит восстановить жизненный путь собирателя русского фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. Т. 1. М.: Сотрудник школ, 1909. С. VII–LX.
- ² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 265. Карт. 30. Ед. хр. 1. Копии писем Ю. Ф. Самарина к кн. Владимиру Александровичу и кн. Екатерине Александровне Черкасским. Л. 221–226, 257. Папка озаглавлена рукой составителя на отдельном титульном листе. На страницах две нумерации: одна – синим карандашом, другая – простым. Синяя нумерация (как и простая) начинается непосредственно с первого листа самих писем, но синяя начинается с 388-го номера, а простая с 1-го. Над начальной страницей синим стоит обозначение, по всей видимости, нумерации письма «№ 74». Первое письмо в папке датировано «7 марта 1864», на обложке самой папки стоят даты писем, в нее входящих: 1855–1876, сделанных синим карандашом. Отсюда можно предположить, что переписка началась с 1855 года, фактически же в большинстве случаев письма известны с 1864 года. Однако в папке Ед. хр. 2. хранятся более ранние документы из их переписки.
- ³ Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), экономист, статистик, служил в Министерстве внутренних дел, товарищ министра (1859–1861), статс-секретарь по делам Царства Польского (1864–1866).
- ⁴ Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Париж, 1926. 2-е изд. Paris: YMCA-Press, 1978. С. 118.
- ⁵ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников. С. XLIX.
- ⁶ Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. С. 185.
- ⁷ Самарин Ю. Ф. Поездка по некоторым местностям царства Польского в октябре 1863 года // Сочинения: В 12 т. 2-е изд. Т. 1. М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1900. С. 346–386.
- ⁸ ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 30. Ед. хр. 1. Л. 1–2.
- ⁹ Архимандрит Владимир (в миру Рене-Франсуа Геттэ или Геттэ, фр. René François Guettée; 1816–1892), доктор богословия, сначала католический, а затем православный священник.
- ¹⁰ Речь идет о Н. А. Милютине.
- ¹¹ ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 30. Ед. хр. 1. Л. 221–224.
- ¹² Там же. Л. 225–226.
- ¹³ Там же. Л. 257.
- ¹⁴ Рыбников П. Н. Извлечение из писем П. Н. Рыбникова по поводу издания его сборника // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 4 ч. Ч. 2. Народные былины, старины и побывальщины. М.: Типография А. Семена, 1862. С. III.
- ¹⁵ Во время службы в Риге (1846–1848) Ю. Ф. Самарин, кроме своих служебных обязанностей, написал письма об Остзейском крае, которые распространял через единомышленников среди петербургской и московской публики. Общую идею исследования Самарин выразил в письме к К. С. Аксакову: «Систематическое угнетение русских немцами, ежедневное оскорбление русской народности в лице немногих ее представителей – вот что волнует во мне кровь и я тружусь для того только, чтобы *привести этот факт к сознанию, выставить его перед всеми*» (апрель 1848). Вскоре по приезде в Петербург его заключили в Петропавловскую крепость на 12 дней, 17 марта 1849 года после личной встречи с императором Николаем I он был отпущен и отправлен в Москву, где ожидал дальнейшего назначения (подробнее: Самарин Д. Ф. Самарин Юрий Федорович // Русский биографический словарь: В 25 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918. Т. 28. С. 137–138).
- ¹⁶ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников. С. XII.
- ¹⁷ Там же. С. XVI.
- ¹⁸ Пыпин А. Н. История русской этнографии: В 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1892.
- ¹⁹ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников. С. L.
- ²⁰ Там же. С. LII.
- ²¹ Так или почти так понято разрешение Польского вопроса гг. Гильфердингом, Страховым, Бессоновым и Вернадским (в «Инвалиде»). (Примечание, сделанное братом Самарина Д. Ф. Самариным при первой публикации сочинений).
- ²² Киреевский П. В. Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову / Ред., вступит. ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. С. 33.
- ²³ ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 38. Ед. хр. 2. Л. 19.
- ²⁴ Там же. Л. 49 об.–50.
- ²⁵ Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т. А. Медовичева. М.: ТЕРРА, 1997. С. 238.
- ²⁶ Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 14 т. СПб.: Изд. А. Г. Достоевской, 1906. Т. 9. С. 529.
- ²⁷ Скучные сведения о жене П. Н. Рыбникова пополняются современными петрозаводскими исследователями: «Интересной архивной находкой были документы о бракосочетании П. Н. Рыбникова, где упоминалось имя невесты Павла Николаевича, дочери Председателя Олонецкой Казенной Палаты, барона Леопольда Адольфа Фон-Штемпеля: девица Ангелика, Аполлония, Ольга Леопольдова. Венчание состоялось 9 июля (ст. ст.) 1861 г. в Петрозаводском Кафедральном Соборе. Венчал молодых протоиерей Феодор Рождественский с протодиаконом Григорием Пидьмозерским. Со стороны жениха поручителями выступил Олонецкий губернатор генерал-майор Александр Александрович Философов. Павел Николаевич Рыбников вошел в семью знатных и высокообразованных петрозаводчан. Отец невесты принадлежал к древнему немецкому роду, имел заслуженные награды: Орден Св. Владимира III степени, Орден Св. Станислава I степени, Орден Св. Анны I степени. Мать невесты, Анжелика Аннетта де Сент-Лоран, внучка генерал-лейтенанта и кавалера Василия

Ивановича де Сент-Лорана, гражданского губернатора Омской области. По свидетельству А. Е. Грузинского, Павел Николаевич вел переписку с А. В. де Сент-Лораном, по-видимому, Андреем Васильевичем, дядей невесты. Брак был счастливым для молодого фольклориста, и в минуты невзгод он находил утешение в семейном кругу» (Набокова И. Очарованный словом // Кизи. 2012. № 1 (85) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/95/2432.html> (дата обращения 01.08.2020)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
2. Плутсевич Д. Этнограф и калишский вице-губернатор Павел Николаевич Рыбников // Рябининские чтения: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 124–126.
3. Разумова А. П. Из истории русской фольклористики: П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 143 с.
4. Самарин Ю. Ф. Православие и народность / Сост., предисл. и коммент. Э. В. Захарова; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.
5. Соймовов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л.: Наука, 1971. 360 с.
6. Токарев С. А. История русской этнографии / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.
7. Черкасский В. А. Национальная реформа / Сост., предисл. и коммент. А. К. Голикова; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 592 с.

Поступила в редакцию 13.07.2020; принята к публикации 16.11.2020

Original article

Eduard V. Zakharov, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.,
Russian Institute of Theatre Arts – GITIS (Moscow, Russian
Federation)
ORCID: 0000-0002-1469-6390; zew@list.ru

P. N. RYBNIKOV: BETWEEN WESTERNISM AND SLAVOPHILISM
(study of the materials from the archive of Yu. F. Samarin)

Abstract. Documents from the Samarin family archive stored in the manuscript collection of the Russian State Library have not yet been introduced into academic circulation and have important research value, since they can provide some clarifications on the life of P. N. Rybnikov and his relations with the contemporaries. These materials include information from the letters of the prominent Slavophile Yu. F. Samarin, as well as an excerpt from the letter of P. N. Rybnikov himself. The studied documents are published for the first time. Samarin's letters are addressed to the Cherkassky family. The materials shed some light on how Rybnikov made a decision to change his place of work in Petrozavodsk and move to the Kingdom of Poland and give some details of this process. Besides providing new information, the documents clarify and confirm the provisions put forward by A. E. Gruzinskiy with varying degrees of justification. The presented materials focus on Rybnikov's worldview. His personality is perceived through the prism of the Slavophile and Westernist ideas as a central issue not only of the XIX century, but also of our time.

Key words: Rybnikov, Samarin, archival materials, Slavophilism, worldview

For citation: Zakharov, E. V. P. N. Rybnikov: between Westernism and Slavophilism (study of the materials from the archive of Yu. F. Samarin). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.572

REFERENCES

1. Azadovsky, M. K. History of Russian folkloristics. (O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2014. 1056 p. (In Russ.)
2. Plutsennichak, D. Ethnographer and Kalish Vice-Governor Pavel Nikolaevich Rybnikov. *Ryabinin Readings: Proceedings of the VII Conference on the Study and Mainstreaming of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2015. P. 124–126. (In Russ.)
3. Razumova, A. P. The history of Russian folkloristics: P. N. Rybnikov, P. S. Efimenko. Moscow, Leningrad, 1954. 143 p. (In Russ.)
4. Samarin, Yu. F. Orthodoxy and nationalism. (E. V. Zakharov, Comp., Foreword and Comm.; O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2008. 720 p. (In Russ.)
5. Soymonov, A. D. P. V. Kireevsky and his collection of folk songs. Leningrad, 1971. 360 p. (In Russ.)
6. Tokarev, S. A. History of Russian Ethnography. (O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2015. 656 p. (In Russ.)
7. Cherkassky, V. A. National reform. (A. K. Golikov, Comp., Foreword and Comm.; O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.)

Received: 13 July, 2020; accepted: 16 November, 2020

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ОТЛИВАНЧИК
специалист Web-лаборатории Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6969-4045; AlexOt@yandex.ru

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – АНОНИМНЫЙ ФЕЛЬЕТОНИСТ
ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» В 1873–1879 ГОДАХ:
ПО МАТЕРИАЛАМ НЕИЗДАННОЙ СТАТЬИ Л. П. ГРОССМАНА**

А н н о т а ц и я . Предметом исследования является неопубликованная работа Л. П. Гроссмана «Неизвестные фельетоны Достоевского», содержащая попытку атрибуции Ф. М. Достоевскому ряда текстов сатирико-юмористической рубрики журнала «Гражданин» «Последняя страничка» 1873–1879 годов. Работа впервые вводится в научный оборот. На основе изучения архивных материалов восстанавливается история написания Л. П. Гроссманом названной статьи; выделяются и датируются ее ранняя (1932–1934) и поздняя редакции (после 1934 года). Изучается эволюция замысла ученого, происходившая по мере расширения корпуса привлеченных к исследованию источников (прежде всего эпистолярных). Отмечается, что в статье «Неизвестные фельетоны Достоевского» Л. П. Гроссман первым среди достоевсковедов указал на систематический характер сотрудничества великого романиста в «Последней страничке». Устанавливается приоритет Л. П. Гроссмана в атрибуции Достоевскому двух фрагментов рубрики «Последняя страничка» в «Гражданине» 1873 года – рассказа «Попрошайка» и фельетона «Сцена в редакции одной из столичных газет». Обосновывается актуальность научной разработки гипотезы Л. П. Гроссмана о причастности Достоевского к ряду выпусков «Последней странички» 1875–1879 годов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Ф. М. Достоевский, Л. П. Гроссман, достоевист, журналистика, «Гражданин», рубрика «Последняя страничка», архив, текстология, атрибуция

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881)», № 18-012-90029.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Отливанчик А. В. Ф. М. Достоевский – анонимный фельетонист журнала «Гражданин» в 1873–1879 годах: по материалам неизданной статьи Л. П. Гроссмана // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 106–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.573

ВВЕДЕНИЕ

Имя Л. П. Гроссмана хорошо знакомо любому ученому-достоевисту, да и большинству любителей художественного творчества Ф. М. Достоевского. Наряду с А. С. Долининым Л. П. Гроссман по праву считается одним из зачинателей достоевсковедения в СССР в 1920–1930-е годы. Заставший в живых вдову писателя Анну Григорьевну (1846–1918) и неоднократно беседовавший с ней, свои первые работы по творчеству Достоевского Л. П. Гроссман опубликовал еще в конце 1910-х годов. Наряду с популярной биографией Достоевского в серии «Жизнь замечательных людей» (дважды изданной при жизни автора) Л. П. Гроссману принадлежит значительный ряд источниковедческих работ («Библиотека Достоевского. По неизданным материалам», «Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии» и др.), исследований в области по-

этики Достоевского, а также первая документированная хронология жизни и творчества писателя [3]. Изучая редакторскую деятельность Достоевского в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин», Л. П. Гроссман стал, по сути, первопроходцем в выявлении неизвестных журналистских публикаций великого романиста. Выпущенные в 1918 году издательством «Просвещение» 22-й и 23-й тома «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского с многочисленными приложениями» имеют подзаголовок «Забытые и неизвестные страницы» с ремаркой: «Собрал и комментировал Л. П. Гроссман». Эти тома содержат многочисленные журналистские работы Достоевского (преимущественно из «Времени» и «Эпохи»), впервые атрибутированные ученым.

Как ни парадоксально, одно из крупных исследований Л. П. Гроссмана, посвященных опознанию «забытых и неизвестных» текстов

Достоевского, до сих пор остается неопубликованным. Эта работа упомянута самим ученым в двух его публикациях середины 1930-х годов – статье «Достоевский и правительственные круги 1870-х годов» (1934) и справочном издании «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах» (1935). Ученый в них ссылается на подготовленную им к печати объемную статью об анонимных фельетонах Достоевского в еженедельнике «Гражданин», конкретнее, в его сатирико-юмористической рубрике «Последняя страничка». Л. П. Гроссман делает основной акцент на участии Достоевского в «Последней страничке» в годы после оставления писателем редакторства в «Гражданине».

«Оставив редактирование “Гражданина” в апреле 1874 г., Достоевский продолжал в нем сотрудничать почти до самой смерти. Его участие сказывалось преимущественно в отделе еженедельного фельетона “Последняя страничка” <...> Один фельетон из указанной серии (“Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова”), напечатанный в “Гражданине” 1878 г., был давно известен и неизменно включался во все посмертные собрания сочинений Достоевского. На другой фельетон Достоевского в том же отделе (о ветлянской чуме и конституции) указал редактор “Гражданина” В. Ф. Пуцыкович в “Берлинском Листке” 1906 г., № 2; фельетон этот действительно напечатан в “Последней страничке” “Гражданина” 1879 г., № 2–3. В третьем фельетоне той же серии (“Гражданин” 1877 г., № 2) находим почти буквальные совпадения с “Дневником писателя” 1876, дек<абрь>, по вопросу об участии Достоевского в журнале “Свет” проф. Н. П. Вагнера. Исходя из этих трех фельетонов “Последней странички” и обращаясь ко всей серии (110 фельетонов), мы на каждом шагу находим здесь темы, вопросы и имена чрезвычайно характерные для публицистики Достоевского. <...> В авторстве Достоевского относительно части фельетонов “Последней странички” не приходится сомневаться», –

делает вывод Л. П. Гроссман в работе «Достоевский и правительственные круги 1870-х годов», сообщая там же: «Подробная статья об этих “неизвестных фельетонах Достоевского” сдана нами редакции сборников “Звенья”» [2: 121].

Приведенный пассаж о неизвестных фельетонах Достоевского в рубрике «Последняя страничка» спустя год будет дословно повторен Л. П. Гроссманом (с незначительными сокращениями) в справочнике «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского». Исследователь, однако, изменит концовку этого фрагмента, исключив из нее упоминание о сборнике «Звенья»: «Нами приготовлена подробная статья об этих “неизвестных фельетонах Достоевского”» [3: 232] – вместо: «статья <...> сдана нами редакции сборников

“Звенья”». Исключение автором упоминания о «Звеньях» может означать, что к моменту подготовки к изданию справочника «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского» статья об анонимных фельетонах писателя в «Гражданине», скорее всего, была отклонена редакцией сборника.

На момент публикации двух названных работ Л. П. Гроссмана (1934 и 1935 годы) ни один фельетон Достоевского в «Последней страничке» «Гражданина» – ни за период редакторства писателя в этом журнале (1873–1874), ни за более поздние годы – еще не был опознан исследователями. Фельетон 1878 года «Тритон» («Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга») составляет в этом плане счастливое исключение: его текст сохранился в рукописи.

За несколько десятилетий, прошедших с середины 1930-х годов, ученые установили принадлежность Достоевскому некоторых текстов анонимной «Последней странички». Были твердо атрибутированы Достоевскому юмористический рассказ «Попрошайка» [7] и фельетон «Сцена в редакции одной из столичных газет» [4]. С высокой долей вероятности приписана Достоевскому сатирическая миниатюра «Столпы петербургского радикализма» [6: 172–173]. А недавно были высказаны предположения о принадлежности писателю фельетона «Из провинциальной жизни в городе Неблагодатном», ряда других сатирических и юмористических миниатюр [1: 280, 294, 377, 401–402 и др.]. Довольно скромный «улов» текстологов, атрибутировавших Достоевскому фрагменты «Последней странички», объясним существенной сложностью (зачастую неразрешимостью) проблемы определения авторства текстов малого объема: юморесок, сатирических миниатюр, зарисовок и т. д., – из которых большей частью и состоят выпуски этой рубрики «Гражданина». Мелкие рукописи, как известно, не сохранялись редакцией «Гражданина» после их публикации либо отклонения¹; других источников документированной атрибуции сохранилось крайне мало. Методы *содержательно-стилистической* атрибуции (по самой природе вещей несовершенные и не могущие гарантированно исключить фактор субъективизма исследователя) в отношении текстов небольшого объема малоэффективны.

Все приписанные Достоевскому до сих пор тексты «Последней странички» относятся к периоду редакторства писателя в «Гражданине», тогда как *единственный* его текст в этой рубрике, сохранившийся в рукописи, был напечатан уже при В. Ф. Пуцыковиче – четыре

с половиной года спустя после передачи ему Достоевским редакторской должности. При этом вопрос о возможном сотрудничестве Достоевского в «Последней страничке» в годы редакторства В. Ф. Пуцковича в «Гражданине» (1874–1879) исследователями журнала после Л. П. Гроссмана практически не затрагивался. В 1981 году о необходимости изучения данного вопроса напоминает В. А. Туниманов в статье «Об анонимном фельетонном наследии Ф. М. Достоевского в годы редактирования “Гражданина”»: «...требует специального исследования поставленный Л. П. Гроссманом вопрос о принадлежности Достоевскому заметок в “Последней страничке” “Гражданина” второй половины 1870-х годов» [6: 173]. С момента публикации статьи В. А. Туниманова прошло почти 40 лет, однако специальное исследование поднятого Л. П. Гроссманом вопроса за это время так и не было проведено. Текст самой статьи Л. П. Гроссмана, предназначавшейся в сборник «Звенья», сохранился: он остался в архиве ученого и ныне находится в его личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Введение этой неизданной работы Л. П. Гроссмана в научный оборот составляет цель настоящей статьи. Оно представляется актуальным как в силу уникальности темы данного исследования Гроссмана, так и с практической точки зрения возможного расширения корпуса выявленных на данный момент журналистских текстов Достоевского (авторских и соавторских), а также текстов, несущих следы его редактирования². Подробное ознакомление специалистов с гипотезой Л. П. Гроссмана об участии Достоевского в ряде выпусков «Последней странички» за 1875–1879 годы видится особенно своевременным сейчас, в период издания Институтом русской литературы Российской академии наук и Петрозаводским государственным университетом обновленных собраний сочинений Ф. М. Достоевского.

Неизданная работа Л. П. Гроссмана носит название «Неизвестные фельетоны Достоевского». Ее текст сохранился в двух редакциях. Раннюю редакцию можно датировать 1932–1934 годами; она представляет собой рукопись, подготовленную к перепечатке на машинке (имеются карандашные пометы – указания автора машинистке). Поздняя редакция была выполнена не ранее 1935 года; она подготовлена на основе машинописи первоначального текста, наиболее значительные вставки сделаны автором

на отдельных листах. В одной единице архивного хранения со статьей находятся подготовительные материалы к ней и приложения – тексты атрибутируемых Достоевскому фрагментов «Последней странички» 1873–1879 годов. Наряду с перечисленными материалами, хранящимися в фонде Л. П. Гроссмана в РГАЛИ, один документ, имеющий отношение к статье «Неизвестные фельетоны Достоевского» и предшествующий ее написанию, был выявлен нами в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Это письмо Л. П. Гроссмана в издательство «Academia» от 16 января 1932 года. Приводим текст этого документа полностью:

«В Издательство “Academia”

Мною открыт обширный фонд неизвестных анонимных статей Достоевского, печатавшихся им в течение ряда лет в современной периодике. Это политические фельетоны на различные темы внутренней жизни России и международных отношений, выдержанные в большинстве случаев в юмористическом тоне. Сценки с натуры, диалоги, “маленькие картинки”, пародийные стихи – такова форма этих откликов на злобы дня. Излюбленные темы этой серии очерков – обычные в публицистике Достоевского вопросы и лица: – современный суд, школа, журналистика; нигилизм; полемика с “Голосом” Краевского, Бисмарк, Биконсфилд, маршал Мак-Магон и проч. Это “Дневник Писателя” в шутовском обличьи и в малых формах газетного собеседования.

Принадлежность этих статей перу Достоевского не подвержена ни малейшему сомнению и доказывается совершенно неопровержимыми данными.

Всех статей свыше ста. Общий размер их – около 15-ти печатных листов. Предлагаю Издательству “Academia” выпустить их отдельным томом, снабдив издание портретами и политическими карикатурами из иностранных сатирических изданий эпохи.

Леонид Гроссман

16. I. 1932».

Текст письма – обращения в издательство (кроме подписи и даты) выполнен на машинке; ниже подписи Л. П. Гроссмана руководителем издательства «Academia» И. И. Ионовым (Бернштейном) наложена резолюция: «Надо раньше ознакомиться. Потом решим. Ионов»³.

Приписанные Л. П. Гроссманом Достоевскому «политические фельетоны» не были выпущены отдельной книгой; руководство издательства, по-видимому, предложило ученому реализовать свой замысел в другой форме и в более скромных масштабах. Так, через некоторое время после обращения в издательство Л. П. Гроссман начинает работу над статьей «Неизвестные фельетоны Достоевского» для очередного номера историко-

литературного сборника «Звенья», выходившего все в том же издательстве «Academia»; в приложении к статье (как видно из сохранившихся материалов) предполагалось дать подборку новоатрибутированных фельетонов Достоевского из «Последней странички» «Гражданина». Несколько формулировок, содержащихся в обращении Л. П. Гроссмана в издательство, «перекочевали» из него в текст статьи «Неизвестные фельетоны Достоевского» (как видно из ее рукописи, автор воспользовался машинописной копией своего официального письма, из которой вырезал и вклеил в автограф статьи отдельные фрагменты⁴).

Сопоставление двух редакций статьи «Неизвестные фельетоны Достоевского» наглядно показывает эволюцию замысла исследователя, изменение и корректировку его выводов по мере расширения корпуса привлеченных к исследованию источников. Ранняя версия статьи (именно она, как увидим далее, была подана в сборник «Звенья») писалась без предварительной комплексной проработки эпистолярия Достоевского 1870-х годов, то есть времени предполагаемого многолетнего, систематического участия писателя в «Последней страничке». На этом этапе ученым были использованы лишь материалы переписки Достоевского и К. П. Победоносцева, еще не изданные и цитируемые по архивным подлинникам (к их изучению Л. П. Гроссман, очевидно, приступил в рамках подготовки своей следующей работы, статьи «Достоевский и правительственные круги 1870-х годов»). Основные положения и выводы статьи, предложенной в «Звенья», основаны почти исключительно на сопоставлении многочисленных эпизодов «Последней странички» за 1873–1879 годы с текстами художественных и публицистических произведений Достоевского, при использовании мемуарных источников (воспоминания А. Г. Достоевской, В. Ф. Пуцковича, А. Е. Ризенкампа) как вспомогательного материала. Эти выводы подчеркнута оптимистичны: *основной массив* текстов «Последней странички» за весь период выхода этой рубрики в «Гражданине», в понимании исследователя, бесспорно принадлежит Достоевскому. Вот важнейшие доводы в пользу этой первоначальной гипотезы Л. П. Гроссмана:

«...Привлекает внимание следующий факт: фельетонная рубрика “Последняя страничка” появляется в “Гражданине” в год вступления в него Достоевского (1873) и навсегда исчезает со страниц журнала после его смерти <...> За это время в “Гражданине” было напечатано около 110 фельетонов под этим общим заглави-

ем, принадлежащих, если не во всей, то в подавляющей своей части, одному перу.

Ряд статей этого цикла определенно указывает на авторство Достоевского.

Темы, вопросы и лица “Последней странички” хорошо знакомы нам по публицистике Достоевского, его <...> записным книжкам: нигилизм и революция, современный суд, адвокаты, дело Нечаева, духовенство, штундисты, истязатели и “пьяненькие”, славянство и Россия, еврейское царство, семья и школа, испанские дела, турецкие зверства, Франция после Седана и коммуны <...> “Анна Каренина”, Лесков, Виктор Гюго, Жюль Фавр, маршал Базен, Феликс Пиа, “Голос” Краевского, Спасович, ген. Черняев, лорд Редсток, Луи Блан – вот имена и факты “Последней странички”, беспрестанно обращающие нас к “Дневнику Писателя”»⁵.

«Последняя страничка» «Гражданина» представлена исследователем в неразрывной связи с собственным ежемесячным изданием Достоевского 1876–1877 годов:

«В объявлениях о “Дневнике Писателя” Достоевский говорит о задачах своего издания: “...Это будет не газета; из всех двенадцати выпусков составит целая книга <...>”. От этой работы большого публицистико-художественного издания у Достоевского оставались наблюдения и слухи меньшего масштаба, ряд “фактиков” и “анекдотиков”, – для газеты. Заметки “Последней странички” представляют собой как бы стружки от проработки материалов для “Дневника Писателя”. Это производственные отходы большого публициста, идущие на потребу малой газетной работы»⁶.

«Но, признавая несомненным самое широкое авторство Достоевского в “Последней страничке”, – делает исследователь оговорку, – мы допускаем некоторое участие в ней и других сотрудников “Гражданина”. Достоевский «мог предоставлять свой анонимный фельетон для гастролей самого Мещерского или других сотрудников»⁷.

Первоначальный текст статьи «Неизвестные фельетоны Достоевского», сопоставленный с сохранившимися подготовительными материалами к ней, делает понятными статистические выкладки, содержащиеся в письме Л. П. Гроссмана в издательство «Academia» от 16 января 1932 года: «Всех статей <Достоевского> свыше ста. Общий размер их – около 15-ти печатных листов». Сохранился лист с произведенными Л. П. Гроссманом подсчетами числа выпусков «Последней странички» в «Гражданине» за 1873–1879 годы. Первоначально были подсчитаны выпуски этой рубрики в журнале за 1873–1877 и 1879 годы и выведено их общее количество: «107 стат<ей>» (то есть «свыше ста» или «около 110»); позже к этой цифре прибавлены еще 12 выпусков «Последней странички» за 1878 год. На том же листе имеется следующая запись: «3 000 зн<аков> в столбце<, > 6 000

в стр<ани>це»⁸. Умножив 6 000 на 100 публикаций, получаем 600 000 знаков, то есть 15 печатных листов – число, указанное Л. П. Гроссманом в письме в издательство «Academia». Таким образом, подсчеты, представленные ученым в издательство, сделаны приблизительно и носят оценочный характер. Известно, что объем рубрики «Последняя страничка» в номере «Гражданина» обычно превышал одну страницу (отсюда – смелое предположение Л. П. Гроссмана в финале начальной версии статьи: в «Последней страничке» скрыты «запасы материалов Достоевского, быть может, на десятки печатных листов»⁹); с другой стороны, не все тексты сатирической рубрики «Гражданина» даже в первой редакции работы были приписаны ученым Достоевскому.

В процессе последующей переделки статьи «Неизвестные фельетоны Достоевского» ученым была пересмотрена и ее первоначальная гипотеза. Для этого у Л. П. Гроссмана были все основания. В самом деле, тесная привязка «Последней странички», выходявшей в «Гражданине» на протяжении шести лет, к «Дневнику писателя» Достоевского («как бы стружки от проработки материалов для “Дневника Писателя”») естественно побуждает задаться вопросом о природе выпусков «Последней странички» за 1874–1875 и 1878–1879 годы, когда «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского не издавался. Перечисленные Л. П. Гроссманом «темы и имена», общие для «Дневника писателя» и «Последней странички», в 1870-е годы «представляли <...> злободневный интерес и могли разрабатываться и другими публицистами»¹⁰ (эта оговорка была внесена автором в статью при ее доработке), а указание о прекращении «Последней странички» после смерти Достоевского оказалось ошибочным (рубрика перестала выходить в 1879 году с началом трехлетнего перерыва в издании «Гражданина»), оно было исключено ученым из поздней редакции статьи. На одном из листов подготовительных материалов встречаем запись: «летние отлучки Д<остоевско>го»¹¹. Имеются в виду многомесячные пребывания Достоевского в 1874–1879 годах в Старой Руссе и Эмсе, откуда писатель, разумеется, не мог регулярно вести рубрику «Гражданина», как правило, полную оперативных откликов на различные газетные публикации. Это немаловажное обстоятельство первоначально не было принято ученым во внимание.

Важнейшие дополнения, внесенные Л. П. Гроссманом в статью, были сделаны по материалам переписки Достоевского 1870-х годов. В 1934 году под редакцией А. С. Долинина выходит 3-й том «Писем» Ф. М. Достоевского, содержащий эпистолярные материалы 1872–1877 годов. На это издание, как и на подготовленный самим Л. П. Гроссманом в 1935 году справочник «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского», в новом варианте статьи сделана ссылка¹². Из обеих этих ссылок видно, что переделка статьи осуществлялась уже после ее сдачи в сборник «Звенья» (в 1934 году или несколько ранее) и последующего ее отклонения (либо, может быть, отзыва статьи самим автором).

Помимо изданных писем Достоевского, автором работы достаточно широко привлекается архивный материал, прежде всего письма В. Ф. Пуцковича Достоевскому 1873–1878 годов. Эпистолярные источники, вновь включенные в исследование, свидетельствовали, однако, лишь о поддержании Достоевским отношений с редакцией «Гражданина» в 1874–1879 годах и о заинтересованности редакции в сотрудничестве писателя; прямых доказательств причастности романиста к «Последней страничке» они не содержали. Вместе с тем доступная Л. П. Гроссману редакционная переписка «Гражданина» четко указывала на авторское участие в «Последней страничке», как минимум, В. П. Мещерского и А. У. Порецкого, что позволяло допустить причастность к рубрике и других сотрудников. Все перечисленное побудило исследователя отказаться от взгляда на «Последнюю страничку» как на «фельетон Достоевского» (лишь с некоторыми вкраплениями текстов иных авторов) и однозначно позиционировать сатирический отдел «Гражданина» как коллективную рубрику.

Меньше всего изменений и уточнений внесено Л. П. Гроссманом в разделы статьи, посвященные рассмотрению материалов «Последней странички» «по <...> основным разрезам – идеологическому, собственно литературному и автобиографическому»¹³ в плане выявления указаний на участие в рубрике Достоевского.

По мнению исследователя,

«в плане философской публицистики, идейного ряда, принципиальных позиций и общих дидактических тенденций фельетоны “Гражданина” нередко обращают к знаменитым “учительным” страницам Достоевского»¹⁴.

Здесь, как представляется, автор статьи оказался наименее убедителен. Приводимые им

параллели между заметками «Последней странички» и текстами Достоевского в плане их «идейного ряда» обычно недостаточно показательны (в том числе потому, что даются без учета стилистических характеристик исследуемых текстов)¹⁵, иногда явно натянуты. Вот несколько характерных примеров:

«В “Последней страничке” говорится о резне христиан сотнями и даже тысячами близъ Константинополя и угрозах расвирепавших мусульман перерезать всех христиан в самом Константинополе (“Гр<ажданин>”. 1876. № 15). – “Не десятками и не сотнями, а тысячами и десятками тысяч истреблялись болгары огнем и мечом, дети их разрывались на части и умирали в муках...” (<Достоевский Ф. М.> Соч. XII. 307¹⁶)»;

«Нельзя не усмотреть характерной раскольниковской аргументации в размышлении “Последней странички” о бедствующих инвалидах, дети которых “или умрут с голода, или пойдут в чернорабочие, а девочки в публичные дома. <...> Что ж, это красиво. Дочь севастопольца, получившего 4 георгиевских креста, поступит за неимением чем жить в публичные женщины. Слава благодарной отчизне” (“Гр<ажданин>”. 1873. № 41)»;

«Отголоски эстетических выступлений Достоевского в спорах шестидесятников о “прекрасном и полезном”, о “сапогах и Пушкине” слышатся в следующей заметке “Последней странички”.

“На кафедре русской словесности в одном учебном заведении Петербурга после чтения Биографии Пушкина Анненкова.

– Видите что, господа, говорит в заключение учитель, бесспорно Пушкин был поэт недурной, но к сожалению он был барин, у него были крепостные души, он учился по-барски, да и жил по-барски...” (“Гр<ажданин>”. 1874. № 2)»¹⁷.

Намного интереснее наблюдения Л. П. Гроссмана над «литературной стороной статей» «Последней странички», позволившие ему атрибутировать Достоевскому некоторые фрагменты этой рубрики, в том числе фельетон «Сцена в редакции одной из столичных газет» (Гражданин. 1873. № 43) и рассказ «Попрошайка» (1873. № 39), задолго до того, как эти тексты писателя будут опознаны другими исследователями его творчества.

«Их (фельетонов «Последней странички». – А. О.) словарь, их синтаксис, их необычные обороты, подчас игра словами, иные новообразования и варваризмы – все это обращает к общеизвестным текстам писателя, – замечает Л. П. Гроссман. – Также характерны некоторые подзаголовки, фамилии, названия литературных изданий (часто пародийные), цитации иностранных словечек и изречений, примесь французского языка, сатирические куплеты, выдержанные в манере стихотворного гротеска, даже жанр целых сенок, в которых прозрачно и иронически выводятся члены враждебной редакции.

Во всем этом непререкаемо сказывается Достоевский-журналист»¹⁸.

В числе примеров характерных оборотов Достоевского приводится выражение «Сочините себе такое лицо» (в рассказе «Попрошайка»), к которому дается параллель из «Бесов»: «Сочините-ка вашу физиономию, Ставрогин»¹⁹. «Достоевскому было присуще пародийное переименование литературных изданий <...> В “Последней страничке” постоянно встречаем» подобное: «газеты “Голосистая Глотка” и “Базарные афиши” <...> телеграфное агентство “Большие глупости” <...> “издатель “Скуки” с приложением “Тоски” <...> и проч.»²⁰ (последний пример взят из заметки о ветлянской чуме и конституции, на принадлежность которой Достоевскому указал В. Ф. Пуцкович). Сравним это с известными текстами Достоевского, где

«находим “Головешку” вместо “Искры” (в “Скверном анекдоте”), “Заграничное слово” вместо “Русского слова” и “Своевременный” вместо “Современника” (в ст<атье> “Госп<один> Щедрин и раскол в нигилистах”²¹). Газета “Умеренный басок” и журнал “Старухины записки”, т. е. “Голос” и “Отечественные записки” (в статье “Щекотливый вопрос”) и т. д.»²².

Автор работы отмечает:

«Достоевский любил неожиданные суффиксы и окончания вроде, напр., “королевствико” <...> “с грязнотой” <...> “пропагатор”, “сектатор” и проч. В “Последней страничке” встречаем “известница”, “повестца”, “остроумице” (“Гр<ажданин>”. 1873. № 43), “спекулятор” (“Гр<ажданин>”. 1874. № 20–21) <...> Здесь же имеются иностранные поговорки “Alea jacta est!”, “Après moi le déluge” <...> привычные для Достоевского. Оборот “шваховато” (“Гр<ажданин>”. 1873. № 43) имеется в его письмах к Страхову (“в философии-то я шваховат...”)²³.

Большинство приводимых примеров на «неожиданные суффиксы» взято из фельетона «Сцена в редакции одной из столичных газет», на котором исследователь останавливается далее специально, сопоставляя его с сатирическими выступлениями Достоевского времен «Эпохи»:

«Вся эта сатира на газету Краевского “Голос” воспроизводит пародийные приемы и даже отдельные остроты фельетона Достоевского “Господин Щедрин или Раскол в нигилистах”, напечатанного в “Эпохе” 1864 г. Такими заявления редактора Маститого “господа, у нас нет остроумья”, “у всех есть идеи, у нас нет идей”; каламбуры вроде: – “Звук могут издавать и ослы... – Ну, вздор и пустяки. Издавать звук не значит еще “Звук” издавать” и проч. Всё это звучит перепевом полемического фельетона из “Эпохи” 1864 г.: “Молодое перо! Знайте, что вы пришли сюда издавать звуки... – У меня нет еще своих мыслей, смиренно поддакнул Щедродаров” и проч.»²⁴.

За лексико-стилистическим анализом фельетонов и заметок «Последней странички» в статье Л. П. Гроссмана следует раздел об автобиографических указаниях в некоторых выпусках данной рубрики, наводящих на мысль о причастности к ней Ф. М. Достоевского. Из этих наблюдений ученого наиболее показательно, на наш взгляд, следующее:

«В № 34 от 24 августа 1875 г. названо село *Палибино*. Так называлось имение ген. Корвин-Круковского, с дочерью которого Достоевский находился в дружбе. В 1865 г. он сделал ей предложение, затем переписывался с ней и, несмотря на разницу политических воззрений <...> всегда сохранял к ней дружеское чувство. В первую пору их знакомства он был приглашен в Палибино и мечтал погостить в этом имении. В 1874 г. Анна Васильевна <Корвин-Круковская> вместе с сестрою своею Софьей Ковалевской вернулась из-за границы в Палибино, а осенью 1875 г. переехала в Петербург <...> Весьма возможно, что из Палибина снова велась переписка с Достоевским и название это легко подпало под перо его, как привычное почтовое обозначение. Во всяком случае из сотрудников «Гражданина» он был, вероятно, единственным, знавшим о далеком Витебском имении»²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как следует из окончания работы Л. П. Гроссмана, в приложении к ней помещались тексты нескольких выпусков «Последней странички», «принадлежность которых перу романиста представляется <...> достаточно доказуемой»²⁶. Эти приложения частично сохранились в архиве ученого. Среди текстов, отобранных Л. П. Гроссманом для публикации, – рассказ «Попрошайка»,

фельетон «Сцена в редакции одной из столичных газет», юмореска «Своя собственная точка зрения», помещенные в «Последней страничке» «Гражданина» еще в период редакторства Достоевского, и ряд фрагментов этой рубрики 1876–1879 годов, в том числе серии сатирических заметок «Демократы прошедшего и настоящего» (Гражданин. 1878. № 19), «Телеграммы, полученные редакцией “Последней странички”» (1879. № 2–3; включает заметку о ветлянской чуме и конституции). Некоторые другие выпуски и фрагменты «Последней странички» за 1875–1878 годы, хотя и были намечены Л. П. Гроссманом к перепечатке на машинке (судя по отметкам в подготовительных материалах к статье) либо приписаны Достоевскому (с приведением аргументации) в самой статье, отсутствуют среди сохранившихся приложений к работе. Знакомство с рядом указанных Л. П. Гроссманом текстов действительно наводит на мысль о причастности Достоевского (как соавтора или редактора) к их составлению. Между тем данные атрибуции Л. П. Гроссмана до сих пор не только не рассматривались и не перепроверялись исследователями «Гражданина» и творчества Ф. М. Достоевского – они даже неизвестны современным литературоведам и текстологам. Анализ ряда материалов «Последней странички» 1875–1879 годов, приписанных Л. П. Гроссманом Достоевскому (очерковый цикл «С натуры», сатирические заметки «Демократы прошедшего и настоящего» и «Телеграммы, полученные редакцией “Последней странички”»), намечен автором настоящей работы как тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: От редакции // Гражданин. 1874. № 13–14. С. 377.

² О важности и актуальности атрибуции редакционных публикаций «Гражданина», выявления вклада Достоевского в их подготовку см., напр., работу В. Н. Захарова «О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского» [5]. Изучение фрагментов «Последней странички» 1873 года, поддающихся документированной атрибуции, указывает на то, что выпуски этой рубрики, действительно, чаще всего составлялись коллективно участниками редакции «Гражданина» и активными авторами журнала (см., напр.: [1: 271, 276, 277, 363–364, 371, 373–374]). Есть все основания допустить причастность Достоевского к подготовке некоторых выпусков «Последней странички» и после передачи им должности редактора «Гражданина» В. Ф. Пуцковичу. К такому заключению приводит сопоставление содержания «фельетонов» «Последней странички» за 1878–1879 годы, указанных Гроссманом в его статье для сборника «Звенья», с мемуарным свидетельством В. Ф. Пуцковича 1906 года: «...Достоевский, с которым, почти вместе, нередко приходилось мне составлять статьи» (Пуцкович В. Предсказания Ф. М. Достоевского о конституции и революции в России (Из моих воспоминаний) // Берлинский листок. 1906. № 2. С. 6).

³ РГБ. Ф. 384.9.13. Л. 1.

⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 1386.2.30. Л. 99–101.

⁵ Там же. Л. 21–23.

⁶ Там же. Л. 162.

⁷ Там же. Л. 102–103.

⁸ Там же. Л. 213.

- ⁹ Там же. Л. 123.
¹⁰ Там же. Л. 144.
¹¹ Там же. Л. 228.
¹² Там же. Л. 125, 133.
¹³ Там же. Л. 144.
¹⁴ Там же. Л. 145.
¹⁵ Подобная ошибка была допущена Л. П. Гроссманом в 1918 году при отборе текстов из «Гражданина» 1873 года для т. 22 «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского с многочисленными приложениями». Так, высказанные ученым версии о принадлежности Достоевскому фрагментов хроники «Из текущей жизни» в № 28 и № 47 «Гражданина» и заметки «От редакции» в № 37 не подтвердились при их проверке в 1980 году составителями академического Полного собрания сочинений Достоевского в 30 т. Автором обеих хроник «Из текущей жизни» оказался А. У. Порецкий, автором заметки «От редакции» в № 37 – Н. Н. Страхов [1: 259, 267, 279, 344, 359, 376], [6: 171].
¹⁶ Ссылки даются автором по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений: В 13 т. М.; Л.: ГИЗ, 1926–1930.
¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1386.2.30. Л. 147, 152, 155.
¹⁸ Там же. Л. 155–156.
¹⁹ Там же. Л. 156.
²⁰ Там же. Л. 157.
²¹ Так в подлиннике. Должно быть: «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах».
²² РГАЛИ. Ф. 1386.2.30. Л. 157.
²³ Там же. Л. 78–80, 158.
²⁴ Там же. Л. 159.
²⁵ Там же. Л. 160–161.
²⁶ Там же. Л. 121.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский – редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 426 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (дата обращения 20.07.2020).
2. Гроссман Л. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Литературное наследство. Т. 15. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 83–162.
3. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.
4. [Достоевский Ф. М.] Сцена в редакции одной из столичных газет / Публикация В. А. Викторovichа // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб.: Наука, 1994. С. 3–11.
5. Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 3–17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (дата обращения 20.07.2020).
6. Туниманов В. А. Об анонимном фельетонном наследии Ф. М. Достоевского в годы редактирования «Гражданина» // Русская литература. 1981. № 2. С. 169–174.
7. Vinogradov V. V. Попрошайка. Un récit inconnu de Dostoevskij // Revue des études slaves. Т. 37. Paris: Imprimerie nationale, 1960. P. 17–28.

Поступила в редакцию 23.07.2020; принята к публикации 23.12.2020

Original article

Alexander V. Otlivanchik, Web-Laboratory Specialist,
 Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6969-4045; AlexOt@yandex.ru

**FYODOR DOSTOEVSKY – THE ANONYMOUS COLUMNIST
 OF THE CITIZEN JOURNAL IN 1873–1879: STUDY OF AN UNPUBLISHED ARTICLE
 BY L. P. GROSSMAN**

Abstract. The research addresses the unpublished work by L. P. Grossman “Unknown feuilletons by Dostoevsky”, which is an attempt to attribute a number of texts of the satirical and humorous column entitled “The Last Page” published in *The Citizen* journal between 1873 and 1879 to Dostoevsky. The studied work has been introduced

into academic circulation for the first time. The author uses archival materials to reconstruct the history of creation of the said article by L. P. Grossman, as well as to identify and date its earlier (1932–1934) and later (after 1934) editions. The article traces the evolution of the scholar's intention which took place as the corpus of sources (primarily the epistolary ones) involved in the study expanded. It is also established that in his article "Unknown feuilletons by Dostoevsky" Grossman was the first among Dostoevsky scholars to point to the systematic nature of the great novelist's contribution to "The Last Page" column of *The Citizen* journal. Grossman was also the first to attribute two pieces of "The Last Page" column published in 1873 (i. e., the short story "The Beggar" and the feuilleton "Scene in the editorial office of one of the capital newspapers") to Dostoevsky. The research substantiates the relevance of studying Grossman's hypothesis about Dostoevsky's contribution to a number of "The Last Page" columns from 1875 to 1879.

Key words: Fyodor Dostoevsky, L. P. Grossman, Dostoevsky scholars, journalism, *The Citizen* journal, "The Last Page" column, archive, textual criticism, attribution

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the project "Problems of textology of Dostoevsky's journalism (1873–1881)", No 18-012-90029.

For citation: Otlivanchik, A. V. Fyodor Dostoevsky – the anonymous columnist of *The Citizen* journal in 1873–1879: study of an unpublished article by L. P. Grossman. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):106–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.573

REFERENCES

1. Viktorovich, V. A. F. M. Dostoevsky as the editor of *Grazhdanin (The Citizen)* journal (1873–1874). Petrozavodsk, 2019. 426 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (accessed 20.07.2020). (In Russ.)
2. Grossman, L. Dostoevsky and the government circles in the 1870s. *Literary Heritage*. Vol. 15. Moscow, 1934. P. 83–162. (In Russ.)
3. Grossman, L. P. Life and works of F. M. Dostoevsky. Biography in dates and documents. Moscow, Leningrad, 1935. 382 p. (In Russ.)
4. [Dostoevsky, F. M.] Scene in the editorial office of one of the capital newspapers. (V. A. Viktorovich, Publ.). *Dostoevsky. Materials and research*. Vol. 11. St. Petersburg, 1994. P. 3–11. (In Russ.)
5. Zakharov, V. N. On the status of editorials in Dostoevsky's periodicals. *The Unknown Dostoevsky*. 2017;1:3–17. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (accessed 20.07.2020). (In Russ.)
6. Tunimantov, V. A. Anonymous feuilletonistic heritage of Fyodor Dostoevsky during his editorship in *Grazhdanin (The Citizen)* journal. *Russian Literature*. 1981;2:169–174. (In Russ.)
7. Vinogradov, V. V. The Beggar. Unknown Dostoevsky's short story. *Revue des études slaves*. Paris, 1960;37:17–28.

Received: 23 July, 2020; accepted: 23 December, 2020

Рецензии

DOI: 10.15393/uchz.art.2021.574

УДК 398.21

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ЛЫЗЛОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0634-706X; alyzlova@illh.ru

Рец. на кн.: Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В. Е. Добровольская, Г. Н. Мехнецова, И. И. Русинова, О. С. Сивков, М. Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.). (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). – СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 192 с.

Сказковедение как одно из направлений фольклористики располагает в настоящее время богатыми архивными материалами, собранными на протяжении последних двух столетий и бережно хранимыми в разных уголках России. Отрадно, что сейчас появляются издания сказок, сочетающие высокий научный уровень подготовки с содержанием, которое может быть интересно широкому кругу читателей. К числу подобных книг принадлежит сборник «Сказки Евдокии Никитичны Трясциной», выпущенный в серии «Фольклорный архив», которая посвящена комплексной публикации обширных экспедиционных материалов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, осуществляемой коллективом авторов: кандидатом филологических наук, зав. сектором нематериального культурного наследия Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова МК РФ В. Е. Добровольской, этномузыкологом Г. Н. Мехнецовой, кандидатом филологических наук, доцентом Пермского государственного национального исследовательского университета И. И. Русиновой, сотрудником Пермского дома народного творчества О. С. Сивковым, сотрудником Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН М. Е. Сухановой, членом-корреспондентом РАН, доктором исторических наук, главным научным сотрудником Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН А. В. Черных.

В сборнике представлен репертуар ярчайшей сказочницы Е. Н. Трясциной (1922–2011), проживавшей в селе Русский Сарс Октябрьского района Пермского края. На протяжении нескольких встреч (в 1994, 1995, 1996, 2001 и 2002 годах)

участниками фольклорно-этнографических экспедиций был зафиксирован весь комплекс разнотипных произведений исполнительницы, среди которых преобладают сказки. Отдельные сказочные произведения Е. Н. Трясциной были опубликованы еще при ее жизни на страницах нескольких сборников, что способствовало появлению определенной известности не только в родном селе, но и далеко за его пределами. Позднее, в память об исполнительнице, в районном центре (пос. Октябрьский) было организовано проведение ежегодного фестиваля сказок Пермского края «Ореховая веточка» (по названию одной из сказок исполнительницы, восходящей к произведению Л. Н. Толстого), открыта «Комната сказок» в библиотеке и установлен памятник Е. Н. Трясциной.

В настоящем издании опубликован весь сказочный репертуар исполнительницы, состоящий из 55 произведений, распределенных по пяти разделам: докучные сказки, сказки о животных, волшебные сказки, новеллистические сказки и анекдоты, авторские сказки. Подобное разнообразие отражает исключительную ситуацию, свидетельствующую о том, что Е. Н. Трясцина не отдавала предпочтение какой-либо одной жанровой разновидности, в отличие от многих других сказочников. Группа докучных, то есть бесконечных, сказок, которых, как правило, не слишком много в репертуаре носителей фольклорной традиции, у этой исполнительницы расширена за счет включения произведений, имеющих схожее кольцевое построение (молчанок). В подобных текстах Е. Н. Трясциной используются фрагменты стихотворений К. И. Чуковского и С. В. Михалкова. Ее докучные сказки «отличаются ненавязчивым юмором и забавными противопоставлениями» (с. 15). Немалым количеством вариантов представлены в репертуаре исполнительницы

сказки о животных, относящиеся к популярным общерусским сюжетным типам, но содержащие оригинальные дидактические наставления, детализированные объяснения, песенные включения. В текстах этой жанровой разновидности используются «довольно оригинальные, но в то же время очень изящные контаминации сюжетов, не свойственные исполнительской традиции в целом» (с. 15), иногда в них фигурируют нетипичные зооморфные персонажи. Наиболее ярко талант исполнительницы проявляется в волшебных сказках, для которых «свойственны психологизм, внимание к деталям, своеобразная дидактика, отступления от сказочного канона для придания динамизма повествованию и т. д.» (с. 25).

Тексты Е. Н. Трясциной демонстрируют прекрасное владение сказочной традицией, использование оригинальных сюжетных контаминаций, влияние авторских литературных и даже кинематографических и мультипликационных сказок. В них также обнаруживается воздействие произведений массовых изданий, публикаций из глянцевого журналов, фольклора других народов. Они ориентированы в основном на детскую аудиторию, хотя среди них встречаются и такие, которые исполнялись преимущественно мужчинами-сказочниками. Е. Н. Трясцина, по свидетельствам собирателей, могла умело подстраиваться под конкретных слушателей, меняя лексическое наполнение своих текстов.

Чрезвычайно ценным оказывается то, что ряд сказок («Медведь, липовая нога», «Про Иванушку», «Про охотника», «Про курочку Рябу») представлен повторными записями, зафиксированными в разное время, позволяющими обратить внимание на импровизационные качества исполнительницы.

Особенность настоящего издания, включающего все записанные от Е. Н. Трясциной тексты в период с 1994 по 2003 год, «позволяет достичь важной цели – показать всю полноту и многообразие репертуара исполнителя» (с. 31).

Помимо собственно текстов, представляющих собой расшифрованные аудиозаписи, сборник включает обширный научный аппарат. Открывается он вступительной статьей, подготовленной В. Е. Добровольской и А. В. Черных, в которой излагаются основные биографические сведения об исполнительнице и подробно характеризуются особенности (языковые, сюжетно-контаминационные, наивно-литературные) всех жанровых разновидностей ее сказок. В этом разделе использованы фотоматериалы из семейного альбома Трясциных, а также из фондов Пермского краеведческого музея и Октябрьского краеведческого музея. Подробные комментарии к текстам содержат информацию о времени записи, собирателях, первой публикации и включают сведения о сюжетном типе, вариантах и специфике каждой сказки Е. Н. Трясциной. Сборник сопровождается словарем, где даются значения устаревших и диалектных слов, встречающихся в текстах.

В роли дополнения, позволяющего полноценно оценить личностные качества сказочницы, выступает эпистолярный раздел, в котором помещены несколько писем исполнительницы к работавшим с ней собирателям А. В. Черных и М. Е. Сухановой.

Издание выходит за рамки обычной книги, соответствуя современному уровню развития печатной продукции: оно снабжено флеш-картой с аудио- и видеозаписями сказок Е. Н. Трясциной и содержит QR-код, с помощью которого осуществляется переход на интернет-ресурс, посвященный сказочнице.

Поступила в редакцию 28.12.2020; принята к публикации 11.01.2021

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

26–29 октября 2020 года в Москве прошла Международная научная конференция «Андрей Белый в изменяющемся мире», которая была приурочена к 140-летию со дня рождения этого ярчайшего представителя Серебряного века, писателя-символиста и культуролога, поэта, новатора языка, стиля, ритма, основоположника новых повествовательных стратегий. Конференция организована Институтом мировой литературы имени А. М. Горького РАН, «Домом А. Ф. Лосева» (научной библиотекой и мемориальным музеем), Государственным музеем А. С. Пушкина, Мемориальной квартирой Андрея Белого, которая, став центром мирового беловедения, раз в пять лет собирает исследователей жителствования писателя. География докладчиков впечатляет: Германия, Италия, Япония, Израиль, Тайвань, Южная Корея, США, Польша, Швеция, а также представители крупнейших академических институтов и университетов России (РГГУ, МГУ, ПетрГУ, КГУ). Все доклады объединил масштаб личности Андрея Белого (Б. Н. Бугаева), творческая деятельность, прозрения, взлеты и падения которого как нельзя лучше демонстрируют весь культурный ландшафт начала XX века.

На открытии конференции в день рождения писателя – 26 октября – сотрудниками ИМЛИ РАН и Мемориальной квартирой Андрея Белого, а также университетом г. Трир (а именно Хенрике Шталь) был представлен коллективный труд по изданию и комментированию философско-культурологического исследования «История становления самосознющей души» (ИССД) (1926–1931 годы) (Литературное наследство. Т. 112: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2020). Член.-корр. РАН В. В. Полонский, представляя ИССД, обозначил нынешнюю ситуацию как «прорывную», отметив тот факт, что данное издание является документом «высшей филологической пробы». Работе над комментированием и текстологической подготовкой издания предшествовала почти детективная предыстория, с одной стороны, и невероятно кропотливый, тщательный анализ неожиданно обнаруженного автографа книги Андрея Белого – с другой. Этой уникальной историей подготовки текста в печать поделились зав. кафедрой литератур-

ной критики РГГУ М. П. Одесский, зав. Мемориальной квартирой Андрея Белого М. Л. Спивак, рецензент издания, член-корр. РАН А. Л. Топорков, научный консультант С. В. Казачков. Так, М. Л. Спивак подчеркнула, что комментаторы шли за «словом Андрея Белого» и составили список источников, которыми пользовался автор, а само издание «опубликовано ни как конец, а как начало» для дальнейшего научного диалога. Доклад М. П. Одесского позволил приоткрыть для себя этот «Opus magnum» (К. Свасьян) Андрея Белого. Обозначив главного героя трактата – «я» автора – «душу самосознующую», докладчик ввел необходимые для понимания текста понятия, такие как «кривая история», а также отметил, что Белый «применил антропософию Р. Штайнера к мировой истории культуры (ее взлетам и падениям), выдвинув новую методологию». Красочным знаковым приложением (в виде цветковых вклеек) к 2-томнику стали рисунки, схемы Андрея Белого, позволяющие схематично «узреть» этот невероятный по масштабу проект писателя – охватить мыслью и структурировать пять веков человеческой цивилизации. Об этой стороне вышедшего издания говорили все ученые и его издатели. М. Л. Спивак акцентировала внимание слушателей на богатейшем иллюстративном материале двухтомника: рисунках самого Андрея Белого, пометах его жены, регистре книг по античной философии, плакатах, помогающих проникнуть в ход мысли писателя. А. Л. Топорков отметил, что между самим невероятно сложным философско-культурологическим текстом Андрея Белого и комментариями возник своеобразный диалог. С точки зрения издательских задач, подчеркнул рецензент, это «полиграфический шедевр, в котором продумано все, до мельчайших мелочей». Логичным завершением презентации данного невероятно многослойного и архисложного труда Андрея Белого стало выступление сотрудницы Мемориальной квартиры Е. В. Наседкиной, посвященное образу Микеланджело как в ИССД, так и в последнем романе писателя «Москва».

Отдельные секции работы конференции были посвящены разнообразным жизненным и творческим контактам писателя с П. Флоренским

(А. И. Резниченко (Москва), И. А. Едошина (Кострома)), с В. Комиссаржевской (А. Ю. Сергеева-Клятис (Москва)), с Ю. И. Айхенвальдом (Е. А. Тахо-Годи (МГУ, ИМЛИ РАН, Москва)), параллелям с поэтом В. Жаботинским (Л. Ф. Кацис (Москва)) и писателем М. Пришвиным (Е. Ю. Кнорре), а также *составляющим* мифа писателя, воплощенного на страницах «На берегах Невы» И. Одоевцевой (О. А. Лекманов (Москва)), и Андрею Белому и А. Толстому как «персонажам Волошина» (Е. Д. Толстая, Иерусалим). Все эти интереснейшие наблюдения и выстроенные обширные параллели позволяют представить масштаб личности Андрея Белого на культурно-литературном фоне России начала XX века. Доклады на следующих заседаниях были посвящены важнейшим сюжетообразующим мотивам поэтической системы и составляющим всего художественного мира Андрея Белого (мотиву холода (льда), образам Арлекино и двойника, многосоставности авторского «я» – Н. В. Барковская (Екатеринбург)), были представлены новые подходы и новые исследовательские стратегии к главным произведениям писателя (геометрия пространства в «Петербурге» (А. Кожокару (США)), тело и его воплощения в повести «Котик Летаев» (Чиан Чиех Хан (Тайвань)), математическое видение мира Андрея Белого на примере романов «Серебряный голубь», «Петербург» и «Москва» (Д. Чанг (Сеул)), об одоропоэтических мотивах И. Гончарова, Ф. Сологуба и А. Белого (И. О. Маршалова (Ульяновск)). Доклад Н. Г. Шарапенковой (Петрозаводск) был посвящен выявлению точек сопряжения романа «Москва» с немецкоязычным пражским романом Густава Майринка «Голем». Языку и «дискурсу» писателя, его лексическому и ритмическому эксперименту, новаторским подходам к ритму и метру были посвящены доклады В. В. Фещенко (Институт языкознания РАН), Ю. Б. Орлицкого (РГГУ, Москва), З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой (Институт русского языка РАН, Москва).

Важно то, что в рамках конференции речь шла об издании книг Андрея Белого «советского времени», которое сам писатель в одном из своих писем назвал «осуществленной катакомбой». 1920–1930-е годы долгое время были недостаточно изученным периодом жизни и творчества русского символиста. Вместе с тем данный период позволяет говорить о латентном существовании символизма (О. Клинг) и о «символизме после символизма» (В. В. Полонский). В рамках конференции большой пласт докладов был посвящен именно последнему, советскому этапу жиз-

нетворчества писателя: так, акад. А. В. Лавров в докладе «Андрей Белый под советским щитом» представил роль «ругателя» Л. Каменева, автора предисловий к «Началу века» (1933), «Мастерству Гоголя» (1934), которые Андрей Белый воспринял крайне болезненно и которые, по всей вероятности, ускорили кончину писателя в 1934 году. В докладе ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН Е. В. Глуховой был представлен новый пропагандистский орган советской власти «Социалистическая Академия» и обсуждался вопрос, почему не состоялось с ней сотрудничество Андрея Белого. О «Записках чудака» (в 1921 году «Я. Эпопея») В. В. Петров (Институт философии РАН, Москва) говорил как о книге, в фантазмагоричных построениях которой, отражающих глубочайший кризис автора, Белый тем не менее остается мастером слова, контролирующим сам процесс письма. М. Вайскопф (Иерусалим) обратился к филологическому труду писателя «Мастерство Гоголя» и предпосылкам его создания. Проза Андрея Белого орнаментальная, ритмизованная, визуальная, писатель играет звуками, красками, создает особое переплетение (вязь) слов, образов и созвучий. Поэтому неслучайно целая секция была посвящена роли цвета в прозе и поэзии автора, а также ставился вопрос о составлении словаря писателя (Н. Т. Тарумова (МГУ)) и сопоставлении с «почерком» Борисова-Мусатова (И. С. Похазникова (Саратовский гос. худож. музей им. А. Н. Радищева / отдел «Усадьба В. Э. Борисова-Мусатова»; СНИГУ, Саратов). К 140-летию писателя в Государственном музее А. С. Пушкина было приурочено открытие выставки «Андрей Белый: из Москвы Серебряного века в Москву советскую», которая представила виды Первопрестольной начала XX века, коллекцию архивной видовой фотографии (из частной коллекции С. Б. Ткаченко), а также редкие рисунки, вещи и другие музейные экспонаты из «Мемориальной квартиры Андрея Белого». Помимо докладов, в рамках конференции прошли открытие выставок, круглые столы, презентации новых изданий (совместного проекта с учеными из Италии) и многое другое, что делает это событие настоящим научным праздником «собратьев по духу», всех тех, кто связан с исследованием одного из самых многогранных, по-разному «звучащего» в разное время писателя XX века, во многом определившего пути развития как русской, так и мировой литературы.

Шарапенкова Н. Г.,
доктор филологических наук, зав. кафедрой
германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет
natshar@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Международная научная конференция «Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI вв.» (30.10–01.11.2020), проходившая в контексте филологической сессии «Национальные коды в языке и литературе» Института филологии и журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского, явилась результатом научной деятельности кафедры зарубежной литературы и созданной на ее базе в русле Программы 5-100 научно-исследовательской лаборатории «Изучение национально-культурных кодов русской идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI вв.».

Участники конференции – ведущие российские исследователи в области истории и теории литературы, культурологии, искусствоведения, междисциплинарных взаимосвязей, а также начинающие ученые (аспиранты, магистранты). Большое число приглашенных исследователей предопределено широкими научными контактами и творческими взаимосвязями сотрудников научно-исследовательской лаборатории с учеными ведущих вузов России, ближнего и дальнего зарубежья: интеграция ученых нашла отражение в тематике докладов, связанных с проблемами межкультурной коммуникации, что способствовало активному обсуждению проблем межкультурного взаимодействия в условиях глобализации и мультикультурного общества.

Работа секций определялась глобальной темой «Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации». Программа конференции предполагала работу шести секций. Теоретические векторы обсуждаемых проблем были заявлены в докладах пленарного заседания. Так, Роман Мних (Варшавский университет), рассуждая о литературном каноне эпохи модернизма, сосредоточил внимание на принципиальном разграничении понятий модерна и модернизма как одного из этапов модерна. Процесс формирования канона в современной массовой культуре был в центре внимания доклада И. Б. Казаковой (Самара), посвященного феномену мультимедийных франшиз в современной массовой культуре, важным условием функционирования которых является формирование канона. Феномен ретроспективной канонизации и нелинейность лите-

ратурного процесса стали темой теоретических изысканий в докладе М. Ф. Надъярных (Москва), посвященном теоретическим и методологическим ракурсам исследования проблемы канона в современном литературоведении.

Название секции «“Жанровый канон” и “память жанра”»: теоретические и аналитические ракурсы» предопределило обращение к теоретическим положениям М. Бахтина, актуализировавшего в 1963 году само понятие «памяти жанра». Были рассмотрены возможности этой формулы научного исследования: возвращение к истокам отдельных литературных канонов и одновременно изучение современного наполнения устоявшейся жанровой формы. Во всех докладах присутствовала определенная историко-теоретическая доминанта – это проблема сохранения и видоизменения жанрового канона. В большей степени эта проблема решалась в рамках метода исторической поэтики с использованием синхронического и диахронического контекста. Внимание авторов традиционно привлекало постоянное обращение писателей XX века к каноническим культурным мифологемам. Так, доклады О. В. Журчевой и Т. В. Журчевой (Самара) были посвящены функционированию архаических жанров в новейшей русской драме. М. В. Иванкива (Санкт-Петербург) представила размышления о современных британских *misery novel* (построенных по принципу сторителлинга) как о наследии детской тематики романов XIX века. Таким образом, в докладах секции память жанра как теоретическая литературоведческая проблема тесно смыкалась с культурологической темой памяти в романе второй половины XX – начала XXI века.

Предметом обсуждения в секции «Литературный канон в историко-культурной перспективе» были вопросы функционирования художественного текста в сфере межкультурной коммуникации. Большое место было уделено проблеме своеобразия феномена немецкой идентичности в контексте европейской ментальности. Так, Е. И. Зейферт (Москва) анализировала истоки и признаки жанровых форм *Achtzeiler* и *Vierzeiler* в литературе российских немцев второй половины XX века. Поднималась проблема русско-

немецкого / немецко-русского трансфера. Так, Ю. Л. Цветковым (Иваново) произведено типологическое сравнение раннего романа Э. М. Ремарка «Станция на горизонте» (1928) с романом М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840). В докладе Т. А. Шарыпиной (Н. Новгород) была поставлена проблема исторической памяти как фактора самоидентификации в русскоязычном и немецкоязычном литературном сознании на примере романного творчества Б. Шлинка и В. Каверина. Анализ особенностей рецепции поэта Пауля Целана в России с учетом ее динамики во времени позволил Т. В. Кудрявцевой (Москва) сделать вывод о четко просматривающейся тенденции к литературной канонизации поэта в постсоветском культурном пространстве. Ряд докладов поднимал тему новой национальной немецкой идентичности, трансформации культурного и ментального поля в немецкой литературе после 1989 года.

Центральной для оживленной дискуссии в секции «Культурная память и художественный текст в русской и русскоязычной литературе» стала проблема национального канона и национальных приоритетов в российской литературе XVIII–XXI веков, а также рассмотрение процессов литературной канонизации и деканонизации, формирования и размывания канона в условиях эстетического плюрализма в русской и русскоязычной традиции. Проблема культурной памяти художественного текста была рассмотрена также с точки зрения интерпретации знаковых литературных типов и образов в современной литературе. Так, А. В. Растягаев и Ю. В. Сложеникина (Самара) показали, как представлен образ подьячего на страницах журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела». Е. Г. Озерова и Е. С. Казютина (Белгород) рассмотрели, как выражается национальная система ценностей в книге Б. Васильева «Господа волонтеры», и показали влияние этических норм, принятых в русском обществе, на формирование личностных качеств героев. Вопросы национальной аксиологии раскрывались в докладах, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского. О. Ю. Юрьева (Иркутск) показала, как в образе Дмитрия Карамазова соотносятся национальное и общечеловеческое, христианское и языческое. А. Ю. Нилова (Петрозаводск) обратилась к вопросу о том, почему не едят герои «Идиота». Ответ на него позволил показать, как в романе развиваются и взаимодействуют симпозиальные и евхаристические мотивы. С. В. Шешунова (Дубна) на примере произведений Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, И. С. Шмелева продемонстриро-

вала, как в русской литературе был представлен образ англичанина-наездника. К канонической жанровой традиции мистерии обратилась И. С. Юхнова (Н. Новгород). В докладе А. Е. Козлова (Новосибирск) были проанализированы иллюстрированные пародии на «Войну и мир» Л. Н. Толстого и роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованные в «Искре».

Секция «Диалог культур в художественной литературе» была посвящена теоретическим проблемам соответствующего терминологического поля, поскольку понятия «культурный код», «национальный код» и «художественный код» в настоящий момент не имеют строго определенных границ дефиниций. Внимание уделялось восприятию и трансформации европейских культурных кодов русскими писателями и деятелями культуры ближнего зарубежья, вопросам гибридности литературных форм. Поднимались для обсуждения дискуссионные вопросы о специфике восприятия национальных кодов русской литературы в произведениях и литературной критике писателей ближнего зарубежья, часть докладов была посвящена осмыслению взаимодействия русской литературы с литературами народов Европы и произведениями восточной литературы. В докладе И. Л. Багратион-Мухра-нели (Москва) была отмечена синтетичность, обращение к различным национальным театральным традициям в пьесе А. Грибоедова «Горе от ума». Выступление Г. Т. Гариповой (Владимир) было посвящено осмыслению художественной феноменологии страха на материале рассказов А. Чехова «Страх» и узбекского писателя А. Каххара «Страх». Философско-этическая проблематика повести А. Линдгрена и романов Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» оказалась в центре внимания О. С. Сухих (Н. Новгород). Рецепция английской романтической традиции в русской литературе рассматривалась в докладе И. О. Волкова (Томск) «Роман В. Скотта “Айвенго” в творческом восприятии И. С. Тургенева». Анализируя романы М. Шолохова «Тихий Дон» и М. Митчелл «Унесенные ветром», И. И. Цвик (Кишинев) показала способы репрезентации базовых национальных воззрений и ценностей и обозначила различия определенных универсалий русской и американской культур. Т. Г. Теличко (Донецк) рассмотрела английский художественный код в романе Э. М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы», обусловленный аллюзивными отсылками к А. Поупу, В. Скотту и У. Тёрнеру.

В работе секции «Национальный канон и национальные приоритеты в англоязычной литера-

туре» было уделено внимание проблемам восприятия и трансформации английских культурных кодов западноевропейскими писателями в диахроническом и синхроническом аспектах. Тема литературного канона как такового рассматривалась О. Ю. Анцыферовой (Санкт-Петербург) на материале литературно-критических эссе Дж. Кутзее и М. К. Бронич (Н. Новгород) на примере автобиографической прозы Пола Остера, что позволило сосредоточить внимание именно на теоретических аспектах проблемы и позволило поразмышлять о подвижности авторского канона при сохранении его верности собственному эстетическому кредо. А. А. Липинской (Санкт-Петербург) исследовались причины возрождения идей и стереотипов викторианства в современной культуре, а также изменение самого понятия «английскость» на примере анализа «Большой книги историй о привидениях, написанных женщинами». Мысль об этической составляющей канона прослеживают авторы докладов о жанрах романа воспитания и литературы «потерянного поколения». Этический смысл канона литературы «потерянного поколения» и возможности его сохранения в современном литературном сознании были представлены В. Г. Новиковой (Н. Новгород) в обобщении современной английской прозы о войне. Канон национального английского романа о воспитании на примере «Время свинга» Зэди Смит был рассмотрен в докладе О. А. Королёвой (Н. Новгород), где убедительно доказывается, что идеологическим центром романа воспитания в английской традиции становится обретение жизненной позиции и чувства долга главным героем романа. Доклад О. О. Несмеловой и А. Р. Шевченко (Ка-

зань) был посвящен «культурным лабиринтам» Зэди Смит, ставших также своеобразным канонным постмодернистского романа, в «Собирателе автографов».

В секции «Формирование национальных литературных конструктов в русском и западноевропейском эстетическом сознании» были представлены доклады от становления и развития инокультурного кода в российском эстетическом сознании до частных, посвященных лингвокультурологическим аспектам. Так, М. Ю. Авдонина и Н. И. Жабо (Москва) на примере книги Люка Бессона рассказали об особенностях перевода лексики и фразеологических оборотов со значением «улыбка» и доказали, что семантический спектр оригинала значительно богаче перевода. Анализ понятия «счастье» в ракурсе мифологического вектора «Запад – Восток» на примере современной постколониальной прозы и в контексте проблем культурных взаимоотношений постсоветской эпохи был представлен в выступлении Э. Ю. Шафранской (Москва).

Единый методологический подход, продемонстрированный участниками конференции, дал возможность всесторонне анализировать общие тенденции развития европейской литературы и культуры в целом, прогнозировать и оценивать его результаты и последствия для социума и культуры с точки зрения глобальных мировых социокультурных процессов. Научный форум послужит развитию межвузовских интеллектуальных связей и даст возможность определить потенциальные горизонты и глубину объединившей ученых проблемы, выработать единый методологический подход к ее исследованию.

* Мероприятие проводилось при финансовой поддержке РФФИ (20-012-22032 Научные мероприятия. Международная научная конференция «Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI вв.»).

*Т. А. Шарыпина,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой зарубежной литературы,
Нижегородский госуниверситет
им. Н. И. Лобачевского
swawa@yandex.ru*

*М. К. Меньщикова,
доктор филологических наук, профессор
кафедры зарубежной литературы,
Нижегородский госуниверситет
им. Н. И. Лобачевского
menshikova4@yandex.ru*

К 200-ЛЕТИЮ А. А. ФЕТА: ФАУСТ В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2020 год был отмечен большим культурным событием – двухсотлетием со дня рождения А. А. Фета, крупнейшего русского поэта, лирические стихи которого известны во всем мире.

2–3 ноября 2020 года в Москве состоялась Международная научная конференция «Тургеневские чтения – 2020. К 200-летию А. А. Фета: Фауст в русской и мировой литературе». Организаторы конференции – ИМЛИ РАН (научная лаборатория «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте»), МГУ (кафедра истории русской литературы филологического факультета), Московская государственная Библиотека-читальня им. И. С. Тургенева. Конференция проводилась онлайн, за два дня было заслушано 29 докладов, состоялась дискуссия о творчестве А. А. Фета и И. С. Тургенева. Благодаря новому формату существенно расширились география участников, тематика докладов (литературное творчество, переводы, музыка, театр, живопись), помимо чтения докладов исполнялись литературные и музыкальные произведения.

А. Фет, имеющий немецкие корни, с ранних лет переводил Гёте, Гейне, Шопенгауэра. Он впервые на русский язык перевел знаменитый философский труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Поэт стремился максимально приблизить его к оригинальному тексту. Перевод А. Фетом «Фауста» Гёте оказал особое влияние на русскую культуру. Интерес к Гёте объединял А. Фета с И. С. Тургеневым, их творческие и личные отношения являются важной вехой в истории русской литературы.

В работе научного форума приняли участие ученые из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Мытищ; прозвучали доклады и сообщения зарубежных исследователей из Швейцарии и Бельгии. Следует отметить, что с результатами своих научных изысканий выступали и молодые исследователи.

Тема «А. А. ФЕТ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ» была реализована в докладах, где имя Фета соотносилось с именами Вл. Соловьева и А. Шопенгауэра; освещались отдельные аспекты поэтики

Фета, проблема взаимоотношений Фета с современниками; переводческая деятельность поэта; восприятие Фета поэтами начала XX столетия. Этим темам были посвящены доклады «А. Фет и Вл. Соловьёв: от импрессионизма к символизму» М. В. Яковлева (Московский государственный областной университет), «Роль Фета в рецепции трудов А. Шопенгауэра в русском социокультурном пространстве XIX века» Н. В. Фроловой (МГУ), сообщение Н. А. Зыкова (МГУ).

Тема «АФАНАСИЙ ФЕТ – УНИКАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК» привлекла внимание таких исследователей, как В. С. Полилова (ИМЛИ, МГУ), Ю. Д. Бурмистрова (МГПУ), О. Б. Кафанова (Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций), К. В. Сарычева (Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля), О. В. Гаврильченко (ИМЛИ), Ю. Ю. Анохина (ИМЛИ). В сообщениях характеризовались отдельные аспекты поэтики Фета, переводы французских поэтов, оценка его переводов русской критикой.

Проблеме творческих взаимосвязей на уровне музыкальных пристрастий, раскрывающих звуковую картину мира, посвящен доклад С. А. Макаровой (издательство «ЛЕКСРУС»); взаимоотношения А. Фета и И. С. Тургенева, творческий диалог А. Фета и Н. Г. Чернышевского стали темой докладов О. В. Горчаниной (Бельгия, Университет Монса) и В. А. Доманского (Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций). Н. И. Городилова (ИМЛИ) в своем докладе обратилась к художественному истолкованию А. Фетом романа «Анна Каренина» Л. Толстого.

Вопросы рецепции, связанные с лирикой Фета, в поэзии Н. А. Чаева и А. М. Голова получили освещение в докладах М. А. Бороздиной (МГУ) и С. В. Герасимовой (Московский политехнический университет).

Тема второго дня конференции – «И. В. ГЁТЕ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС».

Если Артур Шопенгауэр – такой своеобразный фокус, который помогает глубже понять и Фета, и Тургенева, то с полным правом также можно охарактеризовать и фокус «Фауста» Гёте.

Восприятие трагедии «Фауст» в России, вопросы ее рецепции стали предметом анализа И. А. Беляевой (МГПУ, МГУ), автора монографии «Творчество И. С. Тургенева. Фаустовские контексты» (М.: СПб.: Нестор – История, 2018). Межкультурный диалог немецкой и русской литературы продолжили доклады Н. И. Милевской (Томский государственный педуниверситет); С. В. Панова (Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»), привлек внимание доклад о пребывании Гёте в Италии О. В. Разумовской (РУДН).

Конрад Фурман (председатель Тургеневского общества Бенилюкс (Брюссель, Бельгия)) выступил с докладом «Тургенев и Гёте: “Фауст” Тургенева как Анти-Фауст», представив европейский взгляд на литературу, заставляющий задуматься об антифаустианстве Тургенева, Достоевского, даже Толстого. Роль поэмы «Герман и Доротея» в пьесе «Провинциалка» Тургенева, фаустовские мотивы в позднем творчестве писателя рассмотрели З. Р. Гафурова (Московский драмтеатр «Сопричастность»), Т. Е. Коробкина (председатель Тургеневского общества в Москве). Тема «Творчество Гёте и русская литература», безусловно, требует обращения к имени Л. Толстого, чему был посвящен доклад И. И. Сизовой (ИМЛИ). «Отзвуки “Фаустианы” в лирике Мирры Лохвицкой и Надежды Тэффи» анализировала Ю. Е. Павельева (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына). В русле направления, изучающего мир «Фауста» в русском претворении, выступила А. М. Королева (РГГУ). Доклад по мотивам творчества И. В. Гёте в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «The Horror at Red Hook» сделал И. А. Разумов (Московский государственный областной университет).

Особое внимание аудитории привлекли доклады, связанные с представлениями и трактовками «Фауста» Гёте в театре и кино. А. А. Соломонова (Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, СПб.) обратилась к театральным трактовкам образа Мефистофеля П. Вегенером, Э. Яннингсом, Г. Грюндгенсом в Германии первой трети XX века. Своеобразным продолже-

нием стал доклад «“Фауст” в Германии XXI века. Гёте в интерпретациях М. Тальхаймера, Н. Штемана, М. Кушея» А. Б. Мокроусова (Московский книжный интернет-журнал). Участники конференции справедливо заметили, что доклады такого уровня относятся к числу сообщений, расширяющих горизонты.

В завершении конференции были высказаны, в первую очередь Т. Е. Коробкиной, следующие предложения по изучению «немецкой темы» у Тургенева: влияние на его творчество лирики Гёте и второй части «Фауста»; жизнь и творчество Тургенева в Баден-Бадене, его гейдельбергские связи; развитие сотрудничества с немецкими славистами. Изучение и обсуждение работ, посвященных «рецепции» Тургенева в Германии, необходимо начать со знаменитой книги Т. Манна «Размышления аполитичного», полный перевод которой на русский язык появился почти через 100 лет после написания – в 2015 году. Среди исследований современных немецких авторов особого внимания заслуживают работы о Тургеневе почетного профессора Гейдельбергского университета Хорста-Юргена Геригка, в первую очередь Horst-Jürgen Gerigk. Turgenjew. Eine Einführung für den Leser von heute. Heidelberg: Universitätsverlag WINTER, 2015. 287 s., а также каталог выставки «Россия в Европе. Европа в России», посвященной 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева. Появление монографии российских исследователей на тему «Тургенев и Германия», по видимому, в ближайшее время не предвидится, учитывая состояние изучения этой темы в России и существования языкового барьера у русистов. Более перспективной представляется составление коллективной монографии, в которую вошли бы ранее опубликованные и вновь написанные статьи. Возможно, определенную помощь в этом направлении могла оказать составленная Т. Е. Коробкиной антология «“Я слишком многим обязан Германии...”: Иван Тургенев: Письма, статьи, воспоминания и другие материалы» (М.: Русский путь, 2018. 416 с.). Книга отражает основные моменты жизни и творчества Тургенева, связанные с Германией и немецкой культурой.

*Т. В. Иванова,
кандидат филологических наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет
vantamara@sampo.ru*

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Petrov A. V., Kolesnikova O. Yu.</i>	
LINGUISTICS		BALLADS BY I. I. DMITRIEV: GENRE STRATEGIES AND TACTICS	74
<i>Kilmkova L. A.</i>		<i>Tsvetkov Yu. L.</i>	
CATEGORY OF GENDER IN UNOFFICIAL ANTHROPOLOGY	8	EXPLICIT AND IMPLICIT NARRATOR IN CHRISTIAN KRACHT'S NOVEL <i>IMPERIUM</i>	82
<i>Milovskaya N. D., Iatsenko A. S.</i>		<i>Gorelov O. S.</i>	
LINGUISTIC MEANS OF RIDICULING GENDER STEREOTYPES IN THE HUMOR OF GERMAN ETHNOS	15	SURREALIST THESAURUS IN V. KONDRATIEV'S POETRY: LOGIC AND WAYS OF OBJECTIFYING SURREALIST STATEMENTS	89
<i>Mineeva Z. I.</i>		<i>Zakharov E. V.</i>	
PRAGMATIC POTENTIAL OF ZOOTROPE IN WORKS BY ALEXANDER PUSHKIN	22	P. N. RYBNIKOV: BETWEEN WESTERNISM AND SLAVOPHILISM (STUDY OF THE MATERIALS FROM THE ARCHIVE OF YU. F. SAMARIN)	97
<i>Vyrovtsseva E. V., Shcheglova E. A.</i>		<i>Otlivanchik A. V.</i>	
LANGUAGE GAME AS A COMIC MEANS IN MODERN MEDIA DISCOURSE	31	FYODOR DOSTOEVSKY – THE ANONYMOUS COLUMNIST OF <i>THE CITIZEN JOURNAL</i> IN 1873–1879: STUDY OF AN UNPUBLISHED ARTICLE BY L. P. GROSSMAN	106
<i>Novak I. P.</i>		Reviews	
COLLECTION OF TVER KARELIAN MATERIALS IN THE PHONOGRAM ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE AND HISTORY OF THE KARELIAN RESEARCH CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	41	<i>Lyzlova A. S.</i>	
<i>Guseva N. K.</i>		The book review: Fairy tales told by Evdokiya Nikitichna Tryastsina	115
PRIMARY AND SECONDARY MEANS FOR THE SOCIAL CATEGORIZATION OF ADDRESSEE IN RUSSIAN IMPERATIVE STATEMENTS	52	Scientific information	
<i>Osipova N. D.</i>		<i>Sharapenkova N. G.</i>	
LINGUO-SEMIOTIC ASPECT OF STUDYING PRECEDENT ONYMIC CANDY NAMES	60	Andrey Bely in the changing world	117
LITERARY STUDIES		<i>Sharypina T. A., Men'shchikova M. K.</i>	
<i>Gritsevskaya I. M.</i>		Literary canon in the context of cross-cultural communication	119
SIXTEENTH-CENTURY JERUSALEM TYPE-ICON FROM THE MUEZERSKY MONASTERY	68	<i>Ivanova T. V.</i>	
		The 200th anniversary of Afanasy Fet: Faust in Russian and world literature	122

СКАЗКИ ЕВДОКИИ НИКИТИЧНЫ ТРЯСЦИНОЙ

Сборник включает сказки, записанные в селе Русский Сарс Октябрьского района Пермского края от одного исполнителя – Евдокии Никитичны Трясциной. В издании представлены все тексты из репертуара сказочницы, а также несколько ее авторских текстов. Сборник снабжен предисловием и комментариями к текстам сказок, а также аудио- и видеоприложением, содержащим экспедиционные записи.

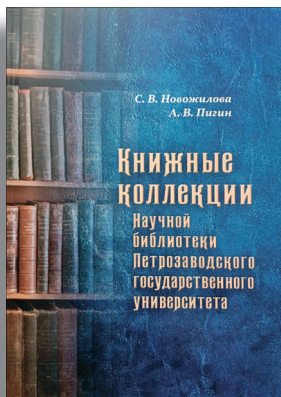
Издание предназначено для специалистов по фольклору, этнографии, культурной антропологии, а также для всех, кто интересуется фольклором, языком, историей, народной культурой Пермского края.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В. Е. Добровольская, Г. Н. Мехнецова, И. И. Русина, О. С. Сивков, М. Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.). (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 192 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

С. В. Новожилова, А. В. Пигин

КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В издании (сборнике научных очерков) предлагается обзор наиболее интересных коллекций, хранящихся в секторе редких книг Научной библиотеки ПетрГУ. Отдельные очерки посвящены коллекциям рукописей, кириллических печатных книг, изданий из библиотек ГУЛАГа, иностранных книг, перемещенных после Второй мировой войны по репарации, а также – Библиотеки Историко-литературного клуба, созданной в Петрозаводске в период «перестройки» и «гласности» (конец 1980-х – 1990-е гг.). В Приложении опубликованы некоторые памятники письменности из рукописной коллекции. Издание включает иллюстрации редких книг, рукописей, журналов и т. д.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Новожилова, Светлана Викторовна. Книжные коллекции Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета / С. В. Новожилова, А. В. Пигин ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т ; Российская академия наук, Карельский науч. центр, Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2020. – 175 с.

Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова

100 ЛЕТ ЛИТЕРАТУРЕ КАРЕЛИИ. ВРЕМЯ, ПОИСКИ, ПОРТРЕТЫ

Коллективная монография посвящена литературе Карелии, являющей собой творческое единство писателей, работающих на карельском, вепском, финском и русском языках. Впервые представлен образ Карелии, созданный совокупными усилиями литераторов республики с 1920 по 2020 год, даны портреты ее известных писателей, охарактеризованы основные тенденции в современной литературе.

100 лет литературе Карелии : время, поиски, портреты / Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – Петрозаводск : Периодика, 2020. – 429 с.

СЛАВЯНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

В сборник включены материалы очередной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир», прошедшей в октябре 2020 года в Ульяновске. Конференция была посвящена детской культуре и фольклору в социокультурном пространстве России.

Издание предназначено специалистам в области традиционной культуры, а также широкому кругу читателей, интересующихся фольклором.

Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 18: Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России / Сост.: В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. М. Г. Матлин. Москва; Ульяновск: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, Центр народной культуры Ульяновской области, 2020. 432 с.